

Л. Мизес

ЛИБЕРАЛИЗМ В КЛАССИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Фундаментальный труд, описывающий основы либертарианского (в европейской традиции – классического либерального) мировоззрения.

Мизес Л., Либерализм в классической традиции: Пер. с англ. – М.: «Начала-Пресс», 1994.

Книга адресована студентам, экономистам, политологам и социологам. Будет интересна широкой публике в качестве комментария к газетам различных политических направлений.

О книге Л. Мизеса «Либерализм в классической традиции»
(предисловие издательства)

Еще совсем недавно имя и труды выдающегося экономиста нашего времени Людвиг фон Мизеса (1881–1973) были известны у нас в стране лишь элитарной группе «допущенных» экономистов. Однако, несмотря на изменение политического климата, публикация его работ до сих пор – событие. Читатель найдет в этом труде ясные ответы на вопросы, ставшие сегодня предметом ожесточенных дискуссий в кругах, определяющих политическое и социальное будущее России, – по какому пути идти – свободный рынок или все-таки государственное вмешательство в экономику? Демократия – или произвол чиновников, партии особых интересов – или мафия, интервенционизм и фашизм – экономические истоки этих движений ярко проанализированы Мизесом в предлагаемой работе, впервые изданной в Австрии в 1927 г., когда мировой экономический кризис уже властно начал давать о себе знать, а вместе с ним – и соответствующие политические структуры. В этой обстановке нужны были немалая воля, интеллектуальная стойкость и просто гражданское мужество, чтобы продолжать отстаивать идеи свободного рынка.

Оглавление

Предисловие к русскому изданию

Ганс Ф. Сеннхолз

Предисловие к английскому изданию

Беттина Бьен Гривз, Фонд экономического образования, август 1985г.

Предисловие к изданию на английском языке

Людвиг фон Мизес, Нью-Йорк, апрель 1962 г.

Вступительное слово

Луис М. Спадаро, Университет Фордэм, август 1977 г.

Введение

1. Либерализм
2. Материальное благополучие
3. Рационализм
4. Цель либерализма
5. Либерализм и капитализм
6. Психологические корни антилиберализма

I. Основы либеральной политики

1. Собственность
2. Свобода
3. Мир
4. Равенство
5. Неравенство распределения богатства и дохода
6. Частная собственность и этика
7. Государство и правительство
8. Демократия
9. Критика доктрины силы
10. Доводы фашизма
11. Границы правительственной деятельности
12. Веротерпимость
13. Государство и антиобщественное поведение

II. Либеральная экономическая политика

1. Организация экономики
2. Частная собственность и ее критики

3. Частная собственность и правительство
 4. Неосуществимость социализма
 5. Интервенционизм
 6. Капитализм – единственно возможная система общественной организации
 7. Картели, монополии и либерализм
 8. Бюрократизация
- Примечания к главе 2

III. Либеральная внешняя политика

1. Границы государства
2. Право на самоопределение
3. Политические основы мира
4. Национализм
5. Империализм
6. Колониальная политика
7. Свободная торговля
8. Свобода передвижения
9. Соединенные Штаты Европы
10. Лига Наций
11. Россия

IV. Либерализм и политические партии

1. «Доктринерство» либералов
2. Политические партии
3. Кризис парламентаризма и идея парламента, представляющего особые группы
4. Либерализм и партии особых интересов
5. Партийная пропаганда и партийная организация
6. Либерализм как «партия капитала»

V. Будущее либерализма

Приложения

1. О литературе по либерализму
2. О термине «либерализм»

Предисловие к русскому изданию

Ганс Ф. Сеннхолз

Плохие люди не могут стать хорошими гражданами. Невозможно, чтобы народ, состоящий из воров и бездельников, был богатым, чтобы общество наркоманов и идолопоклонников было бы обществом свободных людей. Когда люди утрачивают уважение к собственности и любовь к труду, они теряют единственное мерило зрелости и единственное средство самосовершенствования. Когда они жертвуют своей независимостью и уверенностью в своих силах, то, как правило, появляются тираны и заковывают их в цепи.

Стремление к свободе есть основополагающий принцип общества. А жизнь человека невозможна без борьбы за свободу – свободу высказывать свое мнение, выражать и обсуждать свои взгляды, объединяться в группы и партии, выбирать и менять правительство, голосовать за своих представителей, организовывать свою общественную и экономическую жизнь так, как ему хочется, – до тех пор, пока это не нарушает мира. Наслаждаться свободой – значит работать так, как нравится, получать то занятие, которое человек считает подходящим, свободно покупать и продавать результаты своей деятельности и оставлять себе вознаграждение. Быть свободным – значит не встречать препятствий и затруднений в своих мирных экономических занятиях и устремлениях.

Идеологией и политической программой свободного человека является либерализм. По крайней мере, так его называли на протяжении большей части истории, так называл ее и Людвиг фон Мизес в своих удивительных сочинениях. Либерализм был доминирующей идеологией в Англии в период между Великой революцией (1688) и Актом о реформе (1867) (избирательной системы – *прим. пер.*) и широким социальным и политическим движением во всем Западном мире. Его изначальными требованиями были веротерпимость и религиозные свободы, конституционализм и права человека, что, в свою очередь, дало огромный импульс развитию теории и практики экономической свободы. Французские физиократы и английские либеральные экономисты выдвинули экономический постулат *laissez-faire*, т. е. ничем не ограничиваемая частная собственность на средства производства и саморегулирующиеся рынки, не нарушаемые политическим вмешательством.

Для Людвиг фон Мизеса система частной собственности, обычно называемая капитализмом, была единственной возможной социальной и экономической системой. *«Существует только выбор между общественной и частной собственностью на средства производства, – убеждал он нас. – Все промежуточные формы социальной организации бесполезны и на прак-*

тике должны оказаться саморазрушающимися. Если далее понять, что социализм тоже неработоспособен, то нельзя избежать и признания того факта, что капитализм является единственно возможной системой социальной организации, основанной на разделении труда. Этот результат теоретического исследования не станет сюрпризом для историка или философа истории. Если капитализму удалось удержаться, несмотря на враждебность, с которой он всегда сталкивался как со стороны правительств, так и со стороны народа, если ему не пришлось уступить дорогу другим формам общественного сотрудничества, которым в гораздо большей степени достались симпатии теоретиков и практичных деловых людей, то это надо отнести только на счет того, что никакая другая система общественной организации неосуществима.» [Либерализм]

Независимо от того, много или мало мы знаем о достижениях капитализма, мы не можем не восхищаться его выдержавшими испытание временем и неувядающими качествами. Профессора обвиняют его в том, что он приводит к эксплуатации и неравенству, порождает монополии и олигополии, при нем растут безработица и потери. И все же капитализм продолжает быть – невозмутимый подобными обвинениями. Проповедники и священники осуждают его по моральным и культурным соображениям. И все же капитализм существует, несмотря на их проклятия. Политики разглагольствуют о неотложных нуждах общественного сектора; и все же частная экономика сохраняется, несмотря на все домогательства со стороны зависимого сектора. Основные черты капитализма продолжают существовать даже в самых глухих уголках мира, несмотря на все законы, которые законодатели могут принимать против него, и на все притеснения, которые правительства чинят бизнесменам. Может быть, частная собственность и общественный порядок, основанный на ней, глубоко укоренились в самой природе человека?

Трудно найти где-либо в мире ничем не ограничиваемую капиталистическую систему. Правительства вмешиваются практически в каждое проявление экономической жизни. Они устанавливают конфискационные налоги на производство и распределение, и все же предпринимателям и капиталистам удается с избытком производить товары и предоставлять услуги. Правительства регулируют и ограничивают объем производства, и все же порядок, основанный на собственности, хотя скованный и искаженный, сохраняется в производстве товаров и услуг. Правительства устанавливают ставки заработной платы и вторгаются в структуру цен, и все же рыночная система продолжает существовать на черных рынках и в нелегальной деятельности. Правительства увязают в инфляции и кредитной экспансии и прибегают к законодательному регулированию платежных средств, и тем не менее капиталисти-

ческое производство продолжает существовать в сумраке денежного краха. Правительства награждают экономическими привилегиями и юридической неприкосновенностью профсоюзы, и все же в конце концов продолжается экономическое регулирование производства. Правительства ввязываются в войны и разрушения, а когда прекращаются убийства и правительству становится нечего планировать, ратционировать и распределять с помощью силы, то остается капитализм. Он являет чудеса восстановления и невиданных подъемов.

В большинстве частей мира капиталистическая система стала последним прибежищем. Когда коммунистический порядок приносит нищету и голод, когда все меры политического принуждения неоднократно терпят крах и политический мозг становится неспособен изобрести новую экономическую глупость, когда полиция устает регулировать производство и суды парализованы завалом дел об экономических преступлениях, приходит время системы частной собственности. Она не нуждается ни в политическом плане, ни в экономическом законодательстве, ни в экономической полиции, ей нужна только свобода.

Вновь время капитализма пришло в Европу в начале 1980-х, намного раньше краха коммунизма. Социализм приобрел дурную славу везде, где был у власти. Экономическая ситуация стагнировала или даже ухудшалась во всем социалистическом мире, в то время как капитализм давал другим частям мира богатые плоды. То в одном, то в другом конце Азии восходила звезда капитализма, принося новую надежду бедным и угнетенным.

Лучи капитализма проникали и в Советский Союз на протяжении всей послевоенной эпохи. Как ни силен и ни непроницаем был «железный занавес», он не смог выдержать силы идей. Они тысячами способов просачивались сквозь этот занавес по всем каналам коммуникаций и пустили прочные корни в сердцах и умах многих людей. Миллионы жертв коммунистического антигуманизма узнавали о свободе человека и системе частной собственности. Они становились «либералами», жаждущими свободы и мира – фундаментальных принципов либерализма. Мирный распад советской империи ясно свидетельствует о силе либеральных идей.

Важным фактором перемен была всеобщая осведомленность о растущем и очевидном процветании стран с рыночной экономикой. К середине 80-х годов даже самые слепые представители власти не могли не замечать того, что разрыв между странами с рыночной экономикой и странами с командной системой планирования становился все значительнее, а с ними и условия жизни огромной массы людей. Азиатские рыночные экономики удвоили объ-

ем производства первый раз в течение 70-х годов, а затем еще раз – в течение 80-х.

В России политические и экономические реформы набирают силу, несмотря на существенную оппозицию социалистов из старой гвардии. Движущей силой является значительная популярность приватизации государственных предприятий. Даже большие предприятия вынесены на рынок в обмен на приватизационные чеки, полученные каждым россиянином. Приватизационная политика получает растущую поддержку со стороны рабочих и властей, что делает почти невозможным для России поворот к прошлому.

Права собственности являются корнями любой капиталистической системы. В России они дали пока лишь слабые ростки. Пусть это издание великой книги поможет поддержать и укрепить их.

Ганс Ф. Сеннхолз

Предисловие к английскому изданию

Беттина Бьен Гривз, Фонд экономического образования, август 1985г.

Понятие «либерализм», от латинского «liber», что означает «свободный», изначально относилось к философии свободы. Оно еще сохраняло свой смысл в Европе, когда была написана эта книга (1927), поэтому читатели ожидали найти в ней анализ философии свободы классического либерализма. К сожалению, однако, в последние десятилетия «либерализм» стал означать нечто совсем иное. Это слово было заимствовано философами-социалистами Соединенных Штатов Америки и применялось ими для того, чтобы отнести его к их программам правительственного вмешательства и «государства благосостояния» («welfare state»). В качестве одного из множества возможных примеров приведем слова бывшего сенатора Соединенных Штатов Джозефа С. Кларка младшего, тогда мэра Филадельфии, так характеризовавшие современное «либеральное» положение:

«Для того чтобы с самого начала внести ясность и опустить семантику, либерала мы определяем здесь как человека, который верит в использование всей полноты власти правительства для содействия социальной, политической и экономической справедливости на муниципальном уровне, уровне штата, национальном и международном уровнях... Либерал верит, что правительство является хорошим инструментом для развития такого общества, которое пытается воплощать христианские принципы в реальную жизнь.» [Atlantic, July 1953, P. 27]

Подобный взгляд на либерализм преобладал в 1962 году, когда появился английский перевод этой книги, и Мизес решил поэтому, что дословный перевод названия оригинала «Liberalismus» будет только запутывать. Поэтому он назвал английский перевод книги «Свободное и процветающее сообщество» («The Free and Prosperous Commonwealth»). В следующем году, однако, Мизес решил, что защитники свободы и свободных рынков не должны уступать «либерализма» философам-социалистам. В предисловиях как ко второму (1963), так и к третьему (1966) изданиям своего основополагающего труда «Человеческая деятельность» («Human Action») Мизес писал, что защитники философии свободы должны обратно затребовать термин «либерализм» ... потому что другого термина, который мог бы служить символом того великого политического и интеллектуального движения, просто не существует. Это движение возвестило о начале современной цивилизации благодаря утверждению свободной рыночной экономики, не вмешивающемуся в хозяйство правительству и индивидуальной свободе. Именно в этом смысле термин «либерализм» и употребляется в этой книге.

Читателям, которые не знакомы с работами Людвиг фон Мизеса (1881–1973), сообщили, что в течение десятилетий он был ведущим представителем «австрийской» школы в экономике, названной так потому, что Мизес, как два его выдающихся предшественника Карл Менгер и Евгений фон Бем-Баверк были австрийцами. Краеугольным камнем «австрийской» школы является теория субъективной оценки предельной полезности. Эта теория сводит все экономические явления, простые и сложные, к действиям людей, каждое из которых совершается в результате личных субъективных оценок. На базе теории субъективной оценки Мизес объяснял и анализировал методологию, стоимость, деятельность, цены, рынки, деньги, монополии, правительственное вмешательство, экономические подъемы и кризисы, внося особенно значительный вклад в области теории денег и экономического расчета.

Мизес получил докторскую степень в Венском университете в 1906 г. Его диссертация *«Теория денег и кредита»*, опубликованная в 1912 г. на немецком, а в 1934 г. на английском языке, была первой из множества его теоретических работ по экономике. В период между двумя войнами, помимо написания статей и книг, в частности своего наиболее влиятельного и значимого труда *«Социализм»*, Мизес был штатным сотрудником Австрийской Торговой Палаты (в качестве экономического советника австрийского правительства) и одновременно был приват-доцентом Венского университета. Он также вел частный экономический семинар для ученых, многие из которых приобрели впоследствии всемирную известность. В 1926 г. он организовал частный Австрийский институт исследования бизнес циклов, существующий и поныне.

Гитлер пришел к власти в Германии, и Мизес предвидел, что это обернется бедой для Австрии. Поэтому в 1934 г. он занял должность в Научном институте международных исследований в Швейцарии. Там он написал *«Народное хозяйство»* («Nationaloekonomie»). Несмотря на то, что в национал-социалистической Европе было немного немецкоязычных читателей этого монументального экономического труда, объяснение глубоких экономических принципов Мизеса дошло до гораздо более широкой аудитории благодаря английскому варианту *«Народного хозяйства»*, полностью переписанному Мизесом для американских читателей под названием *«Человеческая деятельность»* [*Human Action*], 1-е изд., 1949].

Чтобы скрыться из подчиненной Гитлером Европы, Мизес и его жена в 1940 г. покинули Швейцарию и переехали в Соединенные Штаты. В Европе его репутация достаточно сформировалась, но в этой стране его знали мало. Поэтому ему пришлось начинать практически сначала, чтобы привлечь студентов и читателей. Из-под его пера начали появляться книги на английском

языке *«Всемогущее правительство»* («Omnipotent Government») и *«Бюрократия»* («Bureaucrasy»), обе в 1944 г. А затем его решающий экономический труд *«Человеческая деятельность»* в 1949 г. Вскоре последовали *«Планирование свободы»* («Planning for Freedom», 1952), *«Антикапиталистическая ментальность»* («Anti-Capitalist Mentality», 1952), *«Теория и история»* («Theory and History», 1957) и *«Основные начала экономической науки»* («The Ultimate Foundations of Economic Science», 1962). Все это важнейшие книги в экономической теории.

В 1947 г. Мизес содействовал созданию международного общества Монт Пелерин (Mont Pelerin Society). Он много преподавал в Соединенных Штатах и в Латинской Америке и в течение 24 лет вел широко известный научный экономический семинар в нью-йоркском университете. Он также работал в качестве консультанта Национальной ассоциации производителей и советника Фонда экономического образования.

Мизес имел много почетных званий и наград: почетные докторские степени Гроувского городского колледжа (1957), Нью-Йоркского университета (1963) и Фрейбургского университета (1964) в Германии. Его достижения в 1956 г. были признаны его альма-матер, Венским университетом, где его докторская степень в честь ее 50-летней годовщины была увековечена и «возобновлена» (европейская традиция), а в 1962 г. и австрийским правительством. В 1969 г. Американская экономическая ассоциация выбрала его своим «Почетным членом».

Влияние Мизеса продолжает распространяться среди мыслящих людей. Его наиболее выдающийся ученик европейского периода, лауреат Нобелевской премии Ф.А.Хайек, писал: *«Влияние Мизеса теперь выходит за пределы личной сферы... Факел, который Вы [Мизес] зажгли, стал путеводным огнем для нового движения, которое с каждым днем набирает силу»*. А один из его ведущих учеников в Соединенных Штатах, профессор Израел Кирзнер из Нью-Йоркского университета, так охарактеризовал его воздействие на современных студентов: *«Вклад Мизеса в пробуждения волнения и чувства воодушевления, которые теперь очевидны в возродившемся интересе к австрийской перспективе, был коренным и решающим»*.

Мизес был всегда аккуратным и логичным теоретиком, но он известен не только как кабинетный ученый. Логикой придя к выводу о том, что либеральное общество со свободными рынками есть единственная дорога к внутреннему и международному миру и гармонии, он чувствовал себя обязанным применить излагаемые им экономические теории к правительственной политике. В *«Либерализме»* Мизес не только предлагает сжатые объяснения многих важных экономических явлений, но также представляет, более

четко, чем во других своих книгах, взгляды на правительство и его очень ограниченную, но существенную роль в сохранении социальной кооперации, при которой только и может функционировать свободный рынок. Взгляды Мизеса по-прежнему свежи и современны, и читатели найдут его анализ вполне уместным и сегодня.

Мысль Мизеса о том, что идеи правят миром, рефреном проходит через все его книги. Но в «Либерализме» она проступает особенно ярко. *«Окончательный результат борьбы между либерализмом и тоталитаризмом»,* – писал он в 1927 г. – *«будет решаться не оружием, а идеями. Именно идеи объединяют людей в борющиеся группировки, вкладывают оружие в их руки и определяют, против кого и за кого это оружие будет использоваться. Именно они, а не орудия, в конечном счете и решают исход дела.»*

В действительности, единственная надежда удержать мир от приближения еще дальше к международному хаосу и конфликтам состоит в том, чтобы убедить людей отказаться от правительственного вмешательства в хозяйственную жизнь и принять либеральную экономическую политику.

Беттина Бьен Гривз,

Фонд экономического образования, Август 1985г.

Предисловие к изданию на английском языке

Людвиг фон Мизес, Нью-Йорк, апрель 1962 г.

Общественный порядок, созданный философией Просвещения, утвердил величие «простого» человека. В качестве потребителя «простой» человек был призван определять в конечном итоге, что должно было производиться, в каком количестве и какого качества, кем, как и когда. В качестве избирателя он был суверенен в определении политики своего народа. В докапиталистическом обществе «высшими» были те, кто имел возможность силой подчинить себе более слабых сограждан. Столь энергично порицаемый механизм свободного рынка оставляет открытым только один путь достижения благополучия, а именно успешное обслуживание потребителей наилучшим и самым дешевым способом. Этой «демократии» рынка соответствует в сфере государственных дел система представительной власти. Величие периода между наполеоновскими войнами и первой мировой войной было связано с тем фактом, что социальный идеал, за осуществление которого боролись наиболее выдающиеся люди, был реализован в свободной торговле мирного сообщества свободных народов. Это была эпоха беспрецедентного улучшения уровня жизни быстро растущего населения. Это была эпоха либерализма.

В наши дни принципы философии либерализма XIX века почти забыты. В континентальной Европе их помнят лишь немногие. В Англии термин «либерал» в основном употребляется для обозначения программы, которая только деталями отличается от тоталитаризма социалистов. В Соединенных Штатах Америки слово «либерал» означает сегодня набор идей и политических постулатов, которые во всех отношениях противоположны тому, что либерализм означал для предшествующих поколений. Самозванный американский либерал аплодирует всемогуществу правительства и является решительным врагом свободы предпринимательства и защищает всеохватывающее планирование со стороны властей, т.е. социализм. Эти «либералы» рьяно подчеркивают, что они не одобряют диктаторскую политику России не по причине ее социалистического или коммунистического характера, а просто из-за ее империалистических тенденций. Каждая мера, направленная на конфискацию имущества у тех, кто имеет больше среднего уровня, или на ограничение прав владельцев собственности, считается либеральной и прогрессивной. Практически неограниченная дискреционная власть предоставляется правительственным органам, чьи решения не подлежат судебному пересмотру. Немногих честных граждан, осмеливающихся критиковать эту тенденцию к административному деспотизму, называют экстремистами, реакционерами, экономическими роялистами и фашистами. Считается, что свободная страна не должна терпеть политической активности со стороны таких «врагов обще-

ства. <Все же следует упомянуть о том, что несколько выдающихся англичан продолжают поддерживать курс истинного либерализма>.

Довольно странно, что такие идеи в США считаются специфически американскими и рассматриваются в качестве продолжения принципов и философии английских колонистов, поселившихся в Америке в 1620 году (Pilgrim Fathers), авторов Декларации независимости, Конституции и Федералистских документов. Лишь немногие знают, что эти якобы прогрессивные политические принципы берут начало в Европе. Самым блестящим их выразителем в XIX веке был Бисмарк, политику которого ни один американец не назвал бы прогрессивной и либеральной. Sozialpolitik Бисмарка была представлена в 1881 году, более чем за пятьдесят лет до ее точной копии Нового курса Рузвельта. Наблюдая пробуждение немецкого рейха, в то время наиболее быстро и успешно развивавшейся власти, все индустриальные страны Европы более или менее принимали систему, которая претендовала на то, чтобы служить интересам большинства за счет меньшинства, состоящего из «непримиримых индивидуалистов». Поколение, достигшее избирательного возраста после окончания первой мировой войны, принимало этатизм как должное и презирало свободу как «буржуазный предрассудок».

Тридцать пять лет назад я пытался дать краткий обзор идей и принципов социальной философии, когда-то известной под именем либерализма. Я не тешил себя напрасной надеждой, что мое мнение предотвратит неминуемые катастрофы, к которым явно вела политика, принимавшаяся народами Европы. Единственное, чего я хотел достичь, это предоставить возможность небольшому числу думающих людей узнать о целях классического либерализма и его достижениях и таким образом подготовить путь для воскрешения духа свободы после надвигающегося краха.

Профессор Дж. П. Хамилиус из Люксембурга заказал 28 октября 1951 года экземпляр Liberalismus издательской фирмы Густава Фишера в Йене (советская зона Германии). Издательская фирма ответила 14 ноября 1951 года, что ни одного экземпляра книги получить нельзя и добавила: «По указанию властей все экземпляры этой книги пришлось уничтожить». В письме не говорилось, относилось ли слово «власти» к властям нацистской Германии или же к властям «демократической» республики Восточной Германии.

За годы, прошедшие со времени публикации Liberalismus, я написал о затрагиваемых проблемах значительно больше. Я исследовал многие вопросы, которые я не мог рассмотреть в книге, размер которой должен был быть ограничен, чтобы не отпугнуть широкого читателя. Тогда я затронул некоторые вопросы, которые на данный момент не имеют особой важности. Более того, различные проблемы политики рассматриваются таким образом, кото-

рый можно понять и правильно оценить, только если принять в расчет политическую и экономическую ситуацию времени, когда она была написана.

Я ничего не изменил в первоначальном тексте книги и никоим образом не влиял на перевод, сделанный доктором Ральфом Райкоу, и на редакторскую работу господина Артура Годдарда. Я очень благодарен этим ученым за их труды, сделавшие книгу доступной англоязычной публике.

Людвиг фон Мизес

Нью-Йорк, апрель 1962 г.

Вступительное слово

Луис М. Спандаро, Университет Фордэм, август 1977 г.

Важность этой маленькой книги, я полагаю, намного больше, чем можно ожидать от ее скромного размера и простого языка. Это книга о свободном обществе; о том, что в наши дни определялся бы как подтекст политики (policy implications) для ведения внутренних и иностранных дел; а в особенности о некоторых препятствиях и проблемах, реальных или воображаемых, лежащих на пути установления и поддержания этой формы социальной организации.

В то время как ничего экстраординарного во всем этом нет, удивительным остается тот факт, что практически никто из тех, кто выступал за какую-либо альтернативную форму экономической организации, не предлагал аналогичного обоснования идей такого рода. Даже теперь растущая команда авторов, удостоивших нас подробной критикой капитализма и предсказаниями его неминуемой гибели, проявляет странную сдержанность в отношении каких-либо «противоречий» или других трудностей, которые могли бы иметь место в функционировании системы, которую они защищают или клянут.

Значение отсутствия подобной критики, однако, слишком легко отметалось только потому, что ответственность за это, как правило, возлагалась в некотором смысле не на того, на кого следовало бы. Обвинять Маркса, возьмем наиболее частый пример, в неудавшейся попытке описать в «Капитале» подробности функционирования и проявления социалистического общества неоправданно; потому что эта работа есть в точности то, чем она и была задумана: остро критическое исследование капитализма – такого, каким его представлял себе Маркс. Столь же бессмысленно обвинять Мизеса в том, что он не включил в свой «Социализм» обсуждение принципов системы свободного предпринимательства. Важно, однако, что Мизес все же обратился к такой задаче в специальной книге, тогда как Маркс этого так и не сделал. Следовательно, это книга, которую не удалось написать Марксу, то, чего даже не попытались сделать ни его последователи, ни другие критики либерализма.

Настоящее значение этой книги, однако, следует искать не в этом узком и достаточно полемическом смысле, а в гораздо более фундаментальном и конструктивном. Несмотря на краткость, этот очерк позволяет ответить на большое число вопросов, рассеять сомнения и заблуждения, с которыми сталкивается большинство людей при решении спорных, часто эмоциональных, социальных и экономических проблем. Его особенное достоинство состоит в том, что в отношении всех затронутых вопросов Мизес предложил глубокий взгляд и анализ альтернативных точек зрения, что, безусловно, полезно.

Поскольку читатель наверняка захочет сразу приступить к их изучению и рассмотрению, я не буду вторгаться со своими комментариями, за исключением одного. Вместо этого я теперь попытаюсь выделить те вопросы и возражения, которые обычно возникают у людей, рассматривающих дискуссионные положения, по которым высказывается здесь Мизес и которые стоит принять во внимание. Для удобства они перечислены в том порядке, в каком рассматриваются в тексте:

1. Система свободного рынка существует в течение длительного времени и доказала свою неэффективность.

2. Либерализм страдает сосредоточенностью на стремлении к увеличению производства и материального благосостояния и упорно игнорирует духовные потребности человека.

3. Поскольку люди не всегда действуют совершенно рационально, не лучше ли было бы в некоторых вопросах меньше полагаться на строгие логические доводы, а больше доверять интуиции, импульсам и так называемому «шестому» чувству?

4. Невозможно отрицать того факта, что капитализм является системой, устроенной по существу так, чтобы благоприятствовать богатым и владеющим собственностью людям за счет других классов.

5. Зачем защищать такую общественную систему, которая не дает возможности всем и каждому осуществить все, о чем они мечтают, или достичь всего, ради чего они работают?

6. Является ли частная собственность на средства производства устаревшей частью «лишнего багажа», перенесенного из прежних времен теми, кому трудно примириться и приспособиться к изменившимся условиям?

7. Не несет ли конкурентная рыночная экономика по самой своей природе тенденции к тому, чтобы по меньшей мере не способствовать миру между народами, а в худшем случае – чтобы по сути дела провоцировать войны?

8. Какие могут быть оправдания той социально-экономической системе, которая создает столь огромное неравенство дохода и потребления?

9. Если оставить в стороне прагматизм, могут ли существовать моральные оправдания прав частной собственности?

10. Выступая против правительственного вмешательства, не ведет ли либерализм неявно к защите в конечном итоге некоторой формы анархии?

11. Не очевидно, что стабильное, демократическое общество скольконибудь более реально при системе децентрализованного планирования и принятия решений, чем при системе централизованно планируемой экономики.

12. Какие существуют основания ожидать, что капиталистическое общество будет обязательно более терпимо к разногласиям, чем социалистическое?

13. Капитализм создает и сохраняет привилегированное положение «нетрудящегося класса» собственников ресурсов, которые не работают и не вносят никакого существенного вклада в общество.

14. Причина, по которой институт частной собственности сохраняется в течение столь долгого времени, заключается в том, что он защищается государством; в действительности, как утверждал Маркс, сохранение частной собственности есть единственная функция государства.

15. Утверждение о том, что социализм сам по себе неэффективен, так как он не обладает средствами производить необходимые экономические расчеты, – интересно, но есть ли тому конкретные примеры?

16. Также интересно предположение о том, что правительственное вмешательство в действие частного предприятия необходимо приводит к перекосам и является, следовательно, саморазрушающими, но можно ли показать на конкретном примере, что это обязательно так?

17. Независимо от доказательства того, что можно показать, что предлагаемые альтернативные системы хуже, существуют ли какие-либо прямые и позитивные причины защиты системы свободного предпринимательства?

18. Поскольку система свободного предпринимательства требует большого числа относительно небольших фирм, остро конкурирующих друг с другом, не стала ли она в значительной степени устаревшей по мере развития гигантских корпораций, монополий и т.п.?

19. В той мере, в какой управление большими корпорациями стремится развиваться в бюрократию, не является ли противопоставление частного контроля общественному надуманным?

20. Является ли более реальной и последовательной координация между внутренней и внешней политикой при либерализме, чем в любой другой системе?

21. Не является ли существование и защита прав частной собственности скорее препятствием, чем содействием в достижении и поддержании мира и понимания между народами?

22. Кажется очевидным, что национализм, колониализм и империализм смогли возникнуть только при капитализме.

23. Забота частных предприятий о собственной выгоде является главным препятствием на пути развития более свободного движения товаров и людей между регионами мира.

24. Поскольку либерализм представляет и содействует особому интересу одного класса – класса обладателей ресурсов, или класса капиталистов, – он совершил серьезную тактическую ошибку, не создав своей политической партии и не проводя своих целей путем компромиссов и в соответствии с политической целесообразностью.

Тот, кто имел возможность непосредственно наблюдать, как определенные предубеждения, полуправда и кажущиеся очевидными «ценности» часто мешают людям всесторонне и объективно рассматривать незнакомые или непринятые взгляды в экономике, узнает многие перечисленные в этом списке вопросы. То, как Мизес отвечает на них, должно помочь широкому читателю (и начинающему студенту) продвинуться в направлении всестороннего взгляда на социальные проблемы, справиться со своими собственными сомнениями и подозрениями. Запрет этой книги в Восточной Германии, о котором Мизес упоминает в своем предисловии, становится понятным и является еще одним, непреднамеренным, свидетельством ее важности.

И наконец я хотел бы бегло прокомментировать еще два момента. Первый момент несколько раз повторяется в книге, но в настолько сложных контекстах и в столь разных местах, что можно не заметить его всеобщности и важности.

Это идея – столь существенная в логике истинного либерализма – о том, как зачастую важно и полезно совершать то, что Мизес в одном месте называет временными жертвами. Стремиться к немедленной выгоде, какой бы привлекательной она ни казалась, есть безумие в том случае, если делая это, человек лишает себя несоизмеримо большей выгоды в будущем – выгоды настолько большей, что она более чем компенсирует и отказ от нынешних завоеваний, и тревоги ожидания.

Конечно, немногие разумные люди, производя такого рода «расчет», при оговоренных условиях склоняются в пользу нынешней выгоды. Но « в этом и заключается основная трудность « люди не всегда делают благоразумные расчеты, и не всегда их в этом кто-то поддерживает. Такого рода упущения случаются при самых разных обстоятельствах и вовсе не относятся только к «обыкновенным» гражданам или потребителям. Это может происходить с бизнесменами в погоне за краткосрочными прибылями или сравнительными преимуществами; с законодателями, которые склоняются в пользу немедленного увеличения ставок минимальной заработной платы, выплат по социальному страхованию, тарифов или других налогов; с экономистами, которые рекомендуют увеличить предложение денег или перераспределять доходы; и с бесконечным числом других лиц. На самом деле, читателю хорошо бы поуп-

ражняться и попытаться найти в книге другие примеры, размышляя о современных проблемах и дискуссиях.

В заключение необходимо сказать несколько слов о названии. Оригинал работы, опубликованной в 1927 году, был озаглавлен «Liberalismus» и таким образом дополнял, как указывалось ранее, книгу Мизеса о социализме (Socialismus). Тот факт, что было желательно или необходимо, когда готовился английский перевод в начале 60-х годов, переименовать ее в «Свободное и процветающее сообщество» («Free and Prosperous Commonwealth»), ярко иллюстрирует то, что, я полагаю, является настоящей трагедией в интеллектуальной истории: подмена термина «либерализм».

Отмеченная проблема не является только терминологической; ее нельзя отнести как простой пример общей деградации языка – так называемой энтропии слов, – когда прежние особенности смысла и тональности со временем теряются. Здесь мы имеем больше чем девальвацию термина, каким бы важным он ни был. Перед нами «сущностный вопрос огромного практического и интеллектуального значения.

Прежде всего, слово «либерал» имеет ясные этимологические корни, отражающиеся в идеале личной свободы. Оно также имеет ценные исторические основания в традиции и опыте, а также богатое и обширное литературное наследие в области социальной философии, политической мысли, художественной литературы и т.д. По этим и многим другим причинам важно, чтобы та точка зрения, которая содержится в этой книге, имела бы исключительное и неопровержимое право именоваться либеральной.

И все же, несмотря на все это, термин «либерализм» вышел из XIX столетия и перенесся через Атлантический океан, изменив свой смысл – и не отчасти, а практически на прямо противоположный! Возникшие в результате этого путаница и неточности таковы, что трудно представить себе, как можно было так затуманить его содержание и смысл даже с помощью преднамеренного плана.

Но самое печальное заключается по крайней мере в двух следующих соображениях. Одно касается того поразительного согласия, с которым полноправные наследники либерализма не только позволили ускользнуть этому названию, но фактически отказались от него благодаря своей готовности употреблять его в качестве посрамляющего слова для крипто-социалистов, для которых уже существовало более подходящее название. В сравнении с этим зрелищем древняя басня о Верблюде и хижине кажется лишь мягким примером перерасдела.

Другое соображение – это скорее просто сожаление. Потеря термина «либеральный» создала ряд придуманных терминов-суррогатов или выму-

ченных парафраз, например, «либертарианский», «либерализм XIX века» или «классический» либерализм. Не существует ли случайно «неоклассического» либерализма, о принадлежности к которому уже кто-то заявил?

Что же, неужели термин «либерализм» теперь для нас потерян безвозвратно? В приложении к первому немецкому изданию (включенному в перевод) Мизес говорит об изменяющемся значении термина и намекает на возможность вернуть его изначальное значение. Но в предисловии к английскому изданию 1962 года он, по-видимому, оставляет всякую надежду сделать это.

Я должен с уважением возразить. Поскольку в соответствии с любыми разумными аргументами либерализм «открыли» мы, я считаю, что мы же и обязаны попытаться восстановить первоначальное значение термина, хотя бы из принципа. Но на то и существуют другие причины. Во-первых, «либерализм», как подчеркивает Мизес, означает больше, чем только экономическую свободу, он действительно необходим как наиболее удобный и выражающий суть термин. Кроме того, чтобы четко и недвусмысленно общаться с широкой публикой, чья поддержка в конечном счете существенна, нам необходим единственный и ясный термин, а не какое-то словесное изобретение, которое должно ублажать слух человека с улицы. Более того, нынешнее время и обстоятельства этому благоприятствуют – растущее всеобщее разочарование в правительственном вмешательстве и возрождающееся осознание необходимости индивидуальной свободы выбора могут более охотно отождествляться с уважаемым и всеобъемлющим именем.

Что же сделать, чтобы вновь завоевать наше же собственное имя? Наиболее вероятно, что это может быть достигнуто простым обратным ходом того процесса, в результате которого мы его потеряли. Сначала надо перестать употреблять его в неправильном значении, а затем настойчиво утверждать его правильное употребление (этот термин еще употребляется в некоторых частях мира). И наконец, как можно реже мириться с захватом его теми, кто не имеет ни малейших законных оснований претендовать на него, - их следует принудить к тому, чтобы они подыскали себе такое имя, которое соответствует их взглядам – так же, как либерализм соответствует нашим.

Некоторые будут неоправданно беспокоиться по поводу неизбежного смешения доктрин – я подозреваю, что эта тревога была отчасти причиной проявленной нами ранее неподобающей поспешности при уходе из нашего жилища, – но это та цена, которую на этот раз мы должны быть готовы заплатить. Во-первых, некоторая путаница сохраняется и сейчас, так что вполне терпимым будет ее небольшой и временный рост. Кроме того, путаница

является обоюдонаправленной, т.е. издержки несут и другие, и на этот раз, возможно, неудобство заставит «верблюда» убраться.

Таким образом, настоящее издание возвращает к первоначальному названию книги. Надеюсь, что другие будут действовать сообща и употреблять этот термин без извинений или оговорок, он в них не нуждается, так что Либерализм в конечном итоге получит назад свое традиционное и правильное значение.

Луис М. Спандаро

Университет Фордэм, август 1977 г.

Введение

- 1. Либерализм**
- 2. Материальное благополучие**
- 3. Рационализм**
- 4. Цель либерализма**
- 5. Либерализм и капитализм**
- 6. Психологические корни антилиберализма**

1. Либерализм

Философы, социологи и экономисты XVIII и начала XIX столетий сформулировали политическую программу, которая легла в основу социальной политики сначала в Англии и Соединенных Штатах, затем на европейском континенте и, наконец, в других частях населенного мира. Полностью эта программа не была осуществлена нигде. Даже в Англии, которую называли родиной и образцом либерализма, сторонники либеральной политики так и не смогли осуществить всех своих требований. В одних странах принимались лишь отдельные части либеральной программы, тогда как в других – не менее важные части либо изначально отвергались, либо были отброшены через непродолжительное время.

Лишь с большим преувеличением можно сказать, что мир когда-либо жил в эпоху либерализма. Либерализму нигде не позволили воплотиться полностью. Тем не менее каким бы кратким и одновременно ограниченным ни было преобладание либеральных идей, его хватило на то, чтобы изменить облик мира. Произошло впечатляющее экономическое развитие. Освобождение производительных сил человека умножило средства существования. В канун [первой] мировой войны [сама эта война была результатом долгой и острой борьбы против либерального духа, и разразилась она в период еще более жестоких нападков на принципы либерализма] мир был несравнимо более густо населен, чем когда-либо ранее, но каждый человек мог жить несравнимо лучше, чем это было возможно в прежние века.

Процветание, созданное либерализмом, значительно сократило детскую смертность – страшное бедствие ранних эпох – и в результате улучшения условий жизни увеличило среднюю продолжительность самой жизни. Не только избранный класс привилегированных людей наслаждался процветанием. В канун [первой] мировой войны рабочий в промышленных странах Европы, в Соединенных Штатах и в английских заокеанских владениях жил лучше и разнообразнее, чем незадолго до этого – дворянин. Он не только мог есть и

пить в соответствии со своими желаниями – он мог дать своим детям лучшее образование.

Рабочий мог, если хотел, участвовать в интеллектуальной и культурной жизни своей страны; и, если он обладал достаточным талантом и энергией, то без особых трудностей мог повысить свое социальное положение. Именно в тех странах, которые пошли дальше других в реализации либеральной программы, вершину социальной пирамиды составляли в основном не те, кто с рождения наслаждался привилегированным положением благодаря богатству или высокому титулу своих родителей, а те, кто при благоприятных условиях выбрались из стесненных обстоятельств, прокладывая дорогу собственным трудом. Барьеры, в прежние века отделявшие господ от рабов, рухнули. Существовали только граждане с равными правами. Никому не препятствовали и никого не преследовали за национальность, взгляды, веру. Прекратились внутренние политические и религиозные гонения, и войны между народами стали происходить реже. Оптимисты уже провозглашали начало эры вечного мира.

Но события развернулись иначе. В XIX веке появились сильные и ярые противники либерализма. Им удалось разрушить огромную часть либеральных завоеваний. Сегодня мир не хочет больше слышать о либерализме. Вне Англии термин «либерализм» откровенно объявлен вне закона. В Англии, несомненно, еще есть «либералы», но большинство продолжает так себя называть лишь по инерции. В действительности это скорее умеренные социалисты. Сегодня политическая власть повсеместно находится в руках антилиберальных партий. Программа антилиберализма развязала силы, которые начали великую мировую войну, и, потребовав импортных и экспортных квот, тарифов, миграционных барьеров и других подобных мер, эти силы подвели народы мира к взаимной изоляции. Внутри каждой нации программа повлекла за собой социалистические эксперименты, результатом которых стало снижение производительности труда и сопутствующий рост бедности и нищеты. Тот, кто не закрывает намеренно глаза перед фактами, должен везде увидеть знаки приближающейся катастрофы мировой экономики. Антилиберализм ведет к общему краху цивилизации.

Тот, кто хочет знать, что представляет собой либерализм и каковы его цели, не может просто обратиться к истории за фактами и выяснить, за что выступали либеральные политики и чего они реально добились. Либерализму нигде не удалось выполнить свою программу так, как она была задумана.

Программы и действия тех партий, которые сегодня называют себя либеральными, также не могут пролить свет на природу истинного либерализма. Даже в Англии то, что сегодня понимается под либерализмом, больше

напоминает движение тори и социалистов, чем старую программу фритрейдеров. Если существуют либералы, которые считают совместимым со своими взглядами одобрение национализации железных дорог, шахт и других предприятий и даже поддержку протекционистских тарифов, то нетрудно понять, что от либерализма не осталось ничего, кроме названия. Для формирования представления о либерализме в наши дни также уже недостаточно одного только изучения трудов его великих основателей. Либерализм не есть законченная доктрина или неизменная догма. Наоборот, это приложение научных теорий к общественной жизни. И так же, как экономика, социология и философия не стояли на месте со времен Давида Юма, Адама Смита, Давида Рикардо, Джереми Бентама и Вильгельма Гумбольдта, учение либерализма сегодня уже не то, каким оно было в их времена, хотя его фундаментальные принципы остались неизменными. Уже много лет никто не пытался выразить в сжатой форме сущность этого учения. Это может послужить оправданием нашей теперешней попытки проделать именно такую работу.

2. Материальное благополучие

Либерализм – система взглядов на поведение людей в этом мире. В конечном счете либерализм не имеет никакой иной цели, кроме как повышение материального благосостояния людей, и не касается их внутренних, духовных и метафизических потребностей. Он не обещает людям счастья и умиротворения, а лишь максимально полное удовлетворение тех желаний, которые могут быть осуществлены за счет взаимодействия с предметами материального мира.

Либерализм часто упрекали в чисто внешнем и материалистическом отношении к земному и преходящему. Жизнь человека, как говорится, состоит не только из еды и питья. Существуют более высокие и важные потребности, чем пища и вода, кров и одежда. Даже величайшие земные богатства не могут дать человеку счастья: они не затрагивают его внутреннего «я», оставляя душу неудовлетворенной и пустой. Самая серьезная ошибка либерализма состояла в том, что он ничего не мог предложить более глубоким и благородным чаяниям человека.

Но критики, высказывающиеся в таком духе, лишь демонстрируют свое неправильное и материалистическое понимание этих высших и благородных потребностей. Имеющимися средствами социальной политики, можно сделать людей богатыми или бедными, но нельзя сделать их счастливыми или ответить их сокровенным стремлениям. И никакие внешние средства не приносят здесь успеха. Единственное, что может сделать социальная политика, так это уничтожить внешние причины боли и страдания. Она может развивать систему, которая дает пищу голодным, одежду – раздетым и жилье –

бездомным. Счастье и удовлетворение зависят не от еды, одежды и жилья, а, помимо всего прочего, от того, что человек лелеет внутри себя. Не от пренебрежения к духовным благам либерализм занят исключительно материальным благополучием человека, а от убеждения, что самое высокое и глубокое в человеке не может быть затронуто никаким внешним регулированием. Он пытается обеспечить только внешнее благополучие, потому что знает, что внутренние, духовные богатства могут прийти к человеку не извне, а лишь из глубины его собственного сердца. Он не имеет целью создать что-либо иное, кроме внешних предпосылок развития внутренней жизни. И нет никакого сомнения в том, что относительно процветающий человек XX столетия может скорее удовлетворить свои духовные потребности, чем, скажем, живший в X веке и пребывавший в постоянной тревоге о хлебе насущном – чтобы просто не умереть с голоду, и за жизнь – из-за постоянно угрожавших опасностей и врагов.

Конечно, тем, кто, подобно последователям многих азиатских и средневековых христианских сект, принимает доктрину полного аскетизма и считает идеалом человеческой жизни нищету и свободу птиц в лесу и рыб в море, мы ничего не сможем ответить, когда они упрекают либерализм в сугубо материалистическом подходе. Мы можем только попросить их дать нам возможность спокойно идти своей дорогой, так же как мы не мешаем им попадать на небеса своим путем. Пусть себе мирно пребывают в кельях, вдали от людей и мира.

Подавляющее большинство наших современников не может даже воспринять аскетического идеала. Но если уж отрицать принцип аскетического образа жизни, то нельзя упрекать либерализм за его нацеленность на благополучие внешнее.

3. Рационализм

Либерализм, кроме того, обычно упрекают в рационализме. Он стремится регулировать все с помощью разума и, следовательно, не может смириться с тем, что в делах человека огромное место есть и должно быть занято чувствами и вообще иррациональным – т.е. тем, что разумным не является. Либерализм никоим образом не отрицает того, что люди порой поступают неразумно. Если бы человек всегда действовал разумно, не было бы нужды призывать его руководствоваться разумом. Либерализм не утверждает, что люди всегда поступают разумно, скорее что им следовало бы в своих собственных правильно понятых интересах всегда поступать обдуманно. Суть либерализма состоит в стремлении к тому, чтобы в сфере социальной политики так же признавался здравый смысл, как он без всяких возражений признается в других сферах человеческой деятельности. Если кто-то, услышав от доктора ре-

комендацию вести разумный – т.е. здоровый – образ жизни, ответил бы: «Я знаю, что Ваш совет разумен, однако мои чувства запрещают мне ему последовать. Я хочу делать то, что вредно для моего здоровья, несмотря на неразумность этих действий», то вряд ли его поведение будет нуждаться в комментариях. Что бы мы ни предпринимали для достижения поставленных самим себе целей, мы стараемся делать это разумно. Человек, который хочет перейти железнодорожные пути, не выберет для этого момент, когда мимо проходит поезд. Человек, который хочет пришить пуговицу, будет стараться не уколоть палец иголкой. В каждой сфере практической деятельности человек развил такие приемы или технологию, которые предписывают, как следует поступать, если вы хотите вести себя разумно. Совершенно ясно, что человеку желательно овладеть приемами, которыми он может пользоваться в жизни. А тот, кто забирается в сферы, где он не владеет приемами, тот плохой работник и заслуживает порицания. Только в сфере социальной политики считается, что должно быть иначе. Здесь должен решать не разум, а чувства и импульсы. Вопрос, как устроить так, чтобы в темное время суток было хорошее освещение, обычно обсуждается только с помощью разумных доводов. Однако как только обсуждение доходит до того пункта, когда предстоит решить, должен ли завод, производящий освещение, управляться частными лицами или муниципалитетом, разумные доводы в расчет уже не принимаются. Здесь чувство, общественное мнение – короче, не разум – должны определять результат. Мы тщетно спрашиваем: почему?

Организация человеческого общества по образцу, наиболее подходящему для достижения предполагаемых результатов, является делом весьма прозаичным и скучным, как, скажем, постройка железной дороги или производство одежды или мебели. Национальные и правительственные дела действительно более важны, чем все остальные практические вопросы человеческой деятельности, поскольку общественный строй представляет фундамент всего остального и для каждого человека успех в достижении собственных целей возможен только в обществе, благоприятствующем их осуществлению. Но как ни возвышенна может быть сфера, в которой находятся политические и социальные вопросы, она все же охватывает проблемы, подлежащие контролю, и, следовательно, эти проблемы следует рассматривать в соответствии с канонами разумного. В таких проблемах, не меньше чем во всех наших мирских делах, мистицизм является только злом. Возможности нашего понимания весьма ограничены. Мы не можем надеяться, когда-либо постичь тайны Вселенной. Но факт того, что мы никогда не сможем понять смысла и цели нашего существования, не мешает принимать меры предосторожности, чтобы избежать инфекционных заболеваний или использовать подходящие

средства лечения, прокормить и одеть себя. Точно так же он не должен удерживать нас от организации общества таким образом, чтобы те земные цели, за которые мы боремся, могли быть достигнуты наиболее эффективным способом. Даже государство и судебная система, правительство и его администрация не настолько возвышенны, хороши и грандиозны, чтобы мы не включили их в область рационального размышления. Проблемы социальной политики – это проблемы социальной технологии, и их решение следует искать теми же путями и теми же средствами, которые мы используем при решении других технических проблем: с помощью рационального размышления и исследования конкретных условий. Всем, что есть человек, и всем, что возвышает его над животными, он обязан своему разуму. Почему он должен отказываться от разума именно в сфере социальной политики и доверяться неопределенным и смутным чувствам и импульсам?

4. Цель либерализма

Существует распространенное мнение, будто либерализм отличается от других политических движений тем, что он ставит интересы части общества – имущих классов, капиталистов и предпринимателей – выше интересов других классов. Это утверждение абсолютно ошибочно. Либерализм всегда исходил из блага для всех людей, а не для какой-либо особой группы. Именно это пытались выразить английские утилитаристы – хотя, по правде говоря, не совсем точно – в известной формуле: «Величайшее счастье для величайшего числа».

Исторически либерализм был первым политическим движением, которое нацелено на рост благополучия всех людей, а не особых групп. Либерализм отличается от социализма – который также призывает к борьбе за лучшую участь для всех – не целью, а средствами достижения этой цели. Утверждение, что следствием либеральной политики является или должно считаться покровительство особым интересам определенного слоя общества, вызывает также вопрос, подлежащий обсуждению. Одна из задач настоящей работы – показать, что такой упрек ни в коей мере не оправдан. Но того, кто его выдвигает, нельзя изначально обвинять в несправедливости. И хотя мы считаем его мнение неправильным, оно вполне может быть вызвано лучшими побуждениями. В любом случае тот, кто нападает на либерализм таким образом, считает, что его намерения бескорыстны и он желает именно того, о чем говорит. Совершенно иначе поступают те критики либерализма, которые упрекают его в желании содействовать не общему благополучию, а только особым интересам определенных классов. Такие критики и несправедливы, и невежественны. Выбирая такой способ нападения, они показывают, что прекрасно знают слабость своей позиции. Они пользуются отравленным оружи-

ем, потому что иначе не могут рассчитывать на успех. Если доктор убеждает пациента, который просит пищу, вредную для здоровья, в порочности его желания, ни у кого не хватит глупости сказать: «Доктор не заботится о благе пациента. Тот, кто желает пациенту добра, не должен лишать его удовольствия насладиться такой изысканной пищей». Каждый поймет, что доктор советует пациенту отказаться от удовольствия, которое приносит вкусная, но вредная пища, единственно с целью избежать ущерба здоровью. Но как только дело касается социальной политики, все склонны относиться к этому совершенно иначе. Когда либерал предостерегает против определенных популистских мер, так как знает об их вредных последствиях, его считают врагом народа, а похвала достается демагогу, который, не взирая на будущий вред, рекомендует то, что кажется на данный момент целесообразным. Разумное действие отличается от неразумного тем, что оно предусматривает временные жертвы. На самом деле эти жертвы кажущиеся, так как с лихвой компенсируются благоприятными результатами, которые будут получены позже. Человек, избегающий вкусной, но нездоровой пищи, несет лишь временную и кажущуюся жертву. Результат – отсутствие вреда здоровью – показывает, что он не потерял, а выиграл. Такое поведение, однако, требует предвидения последствий. Демагог извлекает выгоду из этого факта. Он выступает против либерала, который требует временных и всего лишь кажущихся жертв, и объявляет его жестокосердным врагом народа, провозглашая между тем себя другом человечества. Поддерживая меры, которые он считает правильными, он прекрасно знает, как тронуть сердца слушателей и вызвать слезы рассказами о бедности и нищете.

Антилиберальная политика – это политика «проедания» капитала. Она рекомендует изобилие в настоящем обеспечить за счет будущего. Это в точности тот же случай, что и с нашим пациентом. В обоих примерах относительно тяжелые невзгоды в будущем являются неизбежной платой за относительно полное моментное наслаждение. Говорить в данном случае, что это вопрос жестокосердия или филантропии, просто нечестно и неверно. И не только обычные действия политиков и прессы антилиберальных партий заслуживают такого упрека. Почти все авторы школы Sozialpolitik [социальной политики] извлекли пользу из этого закулисного метода ведения борьбы. То, что в мире существуют бедность и нищета, не является, как склонен верить по своей бестолковости средний читатель газет, аргументом против либерализма. Как раз бедность и нищету либерализм и стремится уничтожить, считая предлагаемые им для этого меры единственно подходящими. Пусть тот, кто знает лучшие или просто иные средства для достижения этой цели, приведет этому доказательство. Утверждение, что либералы не борются за благо

для всех членов общества, а лишь для особых групп, никоим образом не заменяет такого доказательства. Тот факт, что существуют бедность и нищета, не стал бы аргументом против либерализма, даже если бы мир сегодня следовал либеральной политике. Всегда оставался бы открытым вопрос, не было бы еще большей бедности и нищеты, если бы доминирующей была другая политика. Наблюдая все те способы, которыми сегодня в каждой части света с помощью антилиберальной политики создаются ограничения и препятствия институту частной собственности, очевидно, совершенно абсурдно пытаться делать какие-либо выводы относительно неправильности либеральных принципов лишь на том основании, что экономические условия в настоящем не совсем такие, как хотелось бы. Для того чтобы оценить, чего достигли либерализм и капитализм, следует сравнить условия, какие мы имеем сейчас, с теми, какие были в средние века и в первые столетия современной эры. То, чего могли бы достичь либерализм и капитализм, если бы их не ограничивали, можно вывести только из теоретических рассуждений.

5. Либерализм и капитализм

Общество, в котором осуществляются либеральные принципы, обычно называется капиталистическим, а состояние такого общества – капитализмом. Поскольку экономическая политика либерализма осуществлялась на практике лишь весьма приближенно, то существующие сегодня в мире условия почти не дают нам представления о смысле и достижениях собственно капитализма в настоящем его значении. Тем не менее в целом нашу эпоху можно называть эпохой капитализма, потому что все, чем создано богатство нашего времени, восходит к капиталистическим институтам. Благодаря тем либеральным идеям, которые все еще живы в нашем обществе, – тому, что еще существует в нем от капиталистической системы, – огромные массы наших современников могут наслаждаться уровнем жизни, гораздо более высоким, чем тот, который всего лишь несколько поколений назад был возможен только для богатых и особо привилегированных.

Конечно, в привычной риторике демагогов эти факты представляются совершенно иначе. Послушать их, так можно подумать, что весь прогресс в технологии производства способствует выгоде исключительно нескольких избранных, тогда как массы все глубже погружаются в нищету. Однако после недолгого размышления легко понять, что технический прогресс и промышленные новшества создают условия удовлетворения нужд огромных масс. Все крупные отрасли промышленности, производящие потребительские товары, работают непосредственно для них; все отрасли, производящие машины и полуфабрикаты, работают на них косвенно. Великие промышленные достижения последних десятилетий, как и те, которые произошли в XVIII ве-

ке, обозначаемые не совсем удачным выражением «промышленная революция», помимо всего прочего, позволили полнее удовлетворить потребности широких масс. Развитие текстильной промышленности, механизация производства обуви и прогресс в обработке и распределении продовольствия по самой своей сути принесли пользу широчайшей публике. Благодаря этим отраслям хозяйства массы людей сегодня одеваются и питаются значительно лучше, чем когда-либо раньше.

Однако массовое производство дает не только пищу, жилье и одежду, но и другую, необходимую для большинства, продукцию. Людям служат пресса и киноиндустрия, и даже театр и подобные «крепости искусства» с каждым днем все более и более становятся местами массового развлечения. Тем не менее в результате усердной пропаганды антилиберальных партий, которая выворачивает факты наизнанку, люди сегодня стали связывать идеи либерализма и капитализма с образом мира, ввергнутого в возрастающую бедность и нищету. Конечно, никакой пропаганде никогда не удастся, как надеялись демагоги, придать словам «либерал» и «либерализм» совершенно уничтожительное значение. Однако невозможно отбросить тот факт, что, несмотря на все усилия антилиберальной пропаганды, в этих словах все же еще осталось что-то, что чувствует каждый нормальный человек, когда слышит слово «свобода».

Антилиберальная пропаганда поэтому избегает слишком часто упоминать слово «либерализм» и предпочитает, чтобы те низости, которые она приписывает либеральной системе, связывались с термином «капитализм». Это слово вызывает ассоциацию с бессердечным капиталистом, который не думает ни о чем, кроме собственного обогащения, не брезгуя при этом эксплуатацией своих сограждан. Едва ли кто-нибудь подумает, формируя представление о капиталисте, что общественный строй, организованный на подлинно либеральных принципах, построен так, чтобы у предпринимателей и капиталистов был только один путь к богатству, а именно: лучше обеспечивать соотечественников тем, что они сами считают необходимым.

Вместо того чтобы говорить о капитализме в связи с невероятным ростом уровня жизни масс, антилиберальная пропаганда упоминает капитализм только по поводу тех явлений, которые сделались возможными единственно из-за ограничений, наложенных на либерализм. Никак не упоминается тот факт, что капитализм предоставил некогда редкие предметы роскоши, а также пищу – в том числе и некогда считавшийся роскошью сахар – в распоряжение огромных масс. Капитализм упоминается в связи с сахаром, только когда картель повышает цену выше мировой рыночной цены. Как будто такое явление можно было бы представить себе при социальном строе, где дей-

ствуют либеральные принципы! В стране с либеральным режимом, где нет тарифов, картели, повышающие цену товара выше мировой рыночной цены, были бы совершенно немыслимы.

Связующие звенья в цепи построений, благодаря которым антилиберальной демагогии удастся обвинить либерализм во всех эксцессах и дурных последствиях антилиберальной политики, следующие. Начинают с допущения, что либеральные принципы нацелены на содействие интересам капиталистов и предпринимателей в ущерб интересам остального населения и что либерализм – это политика, которая благоприятствует богатым за счет бедных. Затем замечают, что многие предприниматели и капиталисты при определенных условиях защищают покровительственные тарифы, в то время как другие – производители оружия - поддерживают политику «национальной готовности» и немедленно переходят к заключению, что это, должно быть, и есть «капиталистическая» политика.

В действительности, однако, дело обстоит совершенно иначе. Либерализм является не политикой в интересах какой-либо особой группы, а политикой в интересах всего человечества. Следовательно, неправильно утверждать, что предприниматели и капиталисты имеют какой-то особый интерес поддерживать либерализм. Их интересы в борьбе за либеральную программу в точности те же самые, что и у всех остальных. Могут быть отдельные случаи, когда некоторые предприниматели или капиталисты прячут свои «особые» интересы в программу либерализма, но этим интересам всегда противостоят особые интересы других предпринимателей или капиталистов.

Дело это не такое простое, как представляют его те, кто везде чует «интересы» и «заинтересованные партии». Например, когда страна вводит тариф на чугун, нельзя объяснить «просто» тем, что это приносит выгоду чугунным магнатам. В стране обычно есть люди с противоположными интересами, даже среди предпринимателей: в любом случае, те, кто получают выгоду от тарифа на чугун – постоянно сокращающееся меньшинство. Не может служить объяснением и взяточничество, так как люди, получившие взятки, могут также составлять меньшинство; и, кроме того, почему взятки дает только одна группа – протекционисты, а не их оппоненты – фритредеры?

В действительности идеология, которая делает возможным протекционистский тариф, не создается ни «заинтересованными партиями», ни теми, кого они подкупили, а идеологами, которые дают миру идеи, направляющие все человеческие дела. В нашу эпоху, когда преобладают антилиберальные идеи, фактически все думают соответствующим образом, так же, как сто лет назад большинство людей думало на языке преобладавшей тогда либеральной идеологии. Если многие предприниматели сегодня защищают протек-

ционистские тарифы, то это не более чем форма, которую принимает антилиберализм в конкретном случае. Это не имеет ничего общего с либерализмом.

6. Психологические корни антилиберализма

Задача этой книги – обсуждение проблемы социальной кооперации с помощью разумных доводов. Но корень оппозиции либерализму не может быть найден исходя из здравого смысла. Эта оппозиция берет начало не от разума, а от патологического умственного склада – от негодования и от невротического состояния, которое может быть названо комплексом Фурье – по имени французского социалиста.

По поводу негодования и завистливого недоброжелательства много говорить не стоит. Негодование действует тогда, когда человек так ненавидит кого-либо за его более благоприятные обстоятельства, что готов нести тяжелые потери, лишь бы тот, кого он ненавидит, тоже потерпел ущерб. Многие из тех, кто нападает на капитализм, прекрасно знают, что их положение при любой другой экономической системе будет менее благоприятным. Отдавая себе в этом отчет, они выступают за реформу, т.е. за социализм, так как надеются, что богатые, которым они завидуют, тоже будут страдать при социализме. Снова и снова можно услышать, как социалисты утверждают, будто даже материальную нужду переносить в социалистическом обществе будет легче потому, что люди будут понимать, что ни один не живет лучше соседа.

Во всяком случае, негодование все же можно преодолеть с помощью разумных доводов. В конечном итоге человеку, исполненному негодования, все-таки не так трудно объяснить, что ему важнее не ухудшить положение более удачливого собрата, а улучшить свое собственное.

С комплексом Фурье бороться гораздо труднее. В этом случае мы имеем дело с серьезным заболеванием нервной системы – неврозом, предметом изучения психолога, а не законодателя. И все же его нельзя игнорировать при исследовании проблем современного общества. К сожалению, до сих пор медики редко задавались вопросом: что представляет собой комплекс Фурье? Его не задал себе даже Фрейд, великий мастер психологии, как и не задали последователи его теории невроза, хотя именно психоанализу мы обязаны открытием того единственного пути, который ведет к последовательному и систематическому пониманию умственных расстройств такого типа.

Едва ли хоть одному человеку из миллиона удастся осуществить цель своей жизни. Результат трудов человека, даже того, к кому судьба благосклонна, остается далек от того, на что позволяли надеяться романтические мечтания юности. Планы и желания разбиваются о тысячу препятствий, и сил человеческих оказывается недостаточно для достижения целей, на кото-

рые он настроился. Крушение надежд, расстройство планов, собственная несостоятельность перед лицом задач, которые он себе поставил, – все это составляет наиболее глубокую болезненную основу жизненного опыта каждого человека. А это – обычная человеческая судьба. Существуют два вида реакции на такой опыт. Один из них выражен в практической мудрости Гете:

Не воображаешь ли ты, что я должен ненавидеть жизнь,

Должен бежать в пустыню, Потому что не все ростки моих мечтаний расцвели? – восклицает Прометей. И Фауст понимает в «высший момент»: «последнее слово мудрости» состоит в том, что

Лишь тот достоин жизни и свободы,

Кто каждый день идет за них на бой.

(Лишь тот, кем бой за жизнь изведен,

Жизнь и свободу заслужил).[Пер. В.Пастернака. – *Прим. пер.*]

Такую волю и такой дух не могут победить никакие земные невзгоды. Тому, кто принимает жизнь такой, как она есть, не приходится искать убежища своему разрушенному сознанию, утешая себя «спасительной ложью». Если не приходит долгожданный успех, если превратности судьбы в мгновение ока разрушили то, что кропотливо строилось годами тяжелого труда, тогда он просто умножает свои усилия. Он может смотреть беде в глаза без отчаяния.

Невротик не может выносить жизнь в реальных формах. Для него она слишком сырая, слишком грубая, слишком обычная. Он не имеет, как здоровый человек, достаточно мужества «держаться, несмотря ни на что» и стремится сделать жизнь терпимой. Это бы не соответствовало его слабости. Вместо этого он находит убежище в иллюзии. Иллюзия, по Фрейдю, это «само по себе нечто желанное, вид утешения»; она характеризуется «сопротивлением натиску логики и реальности». Ни в коей мере недостаточно, следовательно, пытаться уговорить пациента отказаться от его иллюзии, убедительно демонстрируя ее абсурдность.

Для того чтобы выздороветь, пациент сам должен побороть ее. Он должен научиться понимать, почему он не хочет смотреть правде в глаза и ищет убежища в иллюзиях. Только теория невроза способна объяснить успех, достигнутый фурьеризмом – этим сумасшедшим продуктом серьезно поврежденного рассудка.

Здесь не место приводить доказательства психоза Фурье, цитируя пассажи из его сочинений. Эти описания представляют интерес только для психиатра, а также, возможно, для людей, которые получают определенное удовольствие от чтения непристойной литературы. Но дело в том, что марксизм, когда ему приходится оставить сферу напыщенной диалектической риторики

(или осмеяния и оклеветания оппонентов) и сделать несколько скудных ремарок по существу вопроса, никогда не мог выдвинуть ничего другого, кроме того, что уже предложил «утопист» Фурье. Марксизм также неспособен построить картину социалистического общества, не делая тех двух допущений, которые делал Фурье и которые противоречат всему опыту и здравому смыслу. С одной стороны, он предполагает, что «материальная основа» производства, которая уже «присутствует в природе и не требует производительных усилий со стороны человека», имеется в таком изобилии, что ее не нужно экономизировать; отсюда и вера марксизма в «практически неограниченный рост производства». С другой стороны, он предполагает, что в социалистическом обществе работа превратится «из бремени в удовольствие» – т.е. она станет «первостепенной жизненной потребностью». Там, где изобилие всех товаров обеспечено и работа является удовольствием, несомненно, ничего не стоит создать сказочную страну «с молочными реками и кисельными берегами». Марксизм верит, что с высоты своего «научного социализма» он имеет право с презрением взирать на романтизм и романтиков. Но в действительности его собственные методы ничем от их не отличаются. Вместо того чтобы убрать преграды, стоящие на пути его стремлений, марксизм также предпочитает, чтобы все препятствия просто исчезли в тумане фантазии.

В жизни невротика «спасительная ложь» имеет двойную функцию. Она не только утешает его в прошлых неудачах, но создает картину будущего успеха. В случае социальной неудачи, которая только и интересует нас здесь, утешение состоит в вере, что неспособность человека достичь высоких целей, к которым он стремился, должна приписываться не его собственной неспособности, а несовершенству общественного строя. Недовольный ожидает от ниспровержения этого строя успеха, в котором ему отказала существующая система. Следовательно, абсолютно бесполезно пытаться объяснить ему, что утопия, о которой он мечтает, неосуществима и что единственный институт, возможный для общества, организованного по принципу разделения труда, – это частная собственность на средства производства. Невротик цепляется за свою «спасительную ложь», и, когда он должен сделать выбор, отказавшись либо от нее, либо от логики, он предпочитает пожертвовать логикой. Потому что жизнь для него была бы невыносимой без утешения, которое он находит в идее социализма. Эта идея подсказывает ему, что не он сам, а мир виноват в его неудаче. Это убеждение поднимает его подавленную уверенность в себе и освобождает от мучительного чувства подчиненности.

Благочестивый христианин времен расцвета Христианства мог легче переносить земные несчастья, потому что он надеялся на продолжение существования души в другом, лучшем мире, где те, кто на земле был первыми, бу-

дут последними, а последние – первыми. Точно так же для современного человека социализм стал эликсиром от земных невзгод. Вера в бессмертие, в воздаяние в будущем и в воскрешение сформировала стимул к добродетельному поведению в этой жизни. Результат от обещаний социализма оказался совсем иным. Он не налагает никаких других обязательств, кроме оказания политической поддержки социалистической партии; и в то же время он порождает ожидания и требования. Эта основная характеристика социалистической мечты объясняет, почему каждый сторонник социализма ожидает того, в чем до сих пор ему было отказано. Авторы социализма обещают не только богатство для всех, а также счастье и любовь каждому, полное физическое и духовное развитие каждой личности, раскрытие во всех людях великих талантов к искусству и науке и т.п. Совсем недавно Троцкий заявил в одном из своих сочинений, что в социалистическом обществе «средний человеческий тип поднимется до высот Аристотеля, Гете или Маркса. А новые вершины поднимутся выше этого уровня» [Leon Trotsky, *Literature and Revolution*, Пер. Р.Струнского, London, 1925, P. 256]. Социалистический рай будет царством совершенства, населенным абсолютно счастливыми сверхлюдьми. Вся социалистическая литература полна нелепицы такого рода. Но именно эти нелепицы завоевывают социализму большинство сторонников.

Нельзя послать каждого человека, больного комплексом Фурье, к доктору для психоаналитического лечения; число тех, кто им страдает, слишком велико. Никакое средство в этом случае не годится, кроме лечения болезни самим пациентом. Через самопознание он должен научиться терпеть свою участь в жизни, не ища козла отпущения, на которого можно возложить всю вину, и прилагать усилия к тому, чтобы понять фундаментальные законы социальной кооперации.

II. Основы либеральной политики

- 1. Собственность**
- 2. Свобода**
- 3. Мир**
- 4. Равенство**
- 5. Неравенство распределения богатства и дохода**
- 6. Частная собственность и этика**
- 7. Государство и правительство**
- 8. Демократия**
- 9. Критика доктрины силы**
- 10. Доводы фашизма**
- 11. Границы правительственной деятельности**
- 12. Веротерпимость**
- 13. Государство и антиобщественное поведение**

1. Собственность

Человеческое общество представляет собой объединение людей для совместной деятельности. В противоположность изолированной деятельности индивидов совместная деятельность на основе принципа разделения труда создает преимущество – более высокую производительность. Если некоторое число людей работает в сотрудничестве и кооперации в соответствии с принципом разделения труда, то они будут производить (при прочих равных) не только то же самое количество, которое они производили бы, работая как самостоятельные индивиды, а значительно больше. Вся человеческая цивилизация стоит на этом. Именно разделение труда отличает человека от животных. Именно разделение труда сделало слабого человека, значительно уступающего большинству животных в физической силе, властелином планеты и создателем чудес техники. Не будь разделения труда, мы ни в каком отношении не были бы впереди наших предков, живших тысячу или десять тысяч лет назад.

Человеческий труд сам по себе не способен увеличивать благосостояние. Чтобы труд был плодотворным, он должен быть приложен к материалам и ресурсам Земли, которые Природа предоставила в наше распоряжение. Земля со всеми веществами и силами и человеческий труд составляют два фактора производства, от целенаправленного взаимодействия которых происходят все товары, служащие удовлетворению наших материальных внешних нужд. Для того чтобы производить, необходимо использовать труд и материальные факторы производства, включая не только природное сырье и ресурсы, в большинстве случаев находящиеся в земле, но и промежуточные продукты, уже изготовленные из этих первичных природных факторов про-

изводства ранее затраченным трудом. На языке экономики мы различаем соответственно три фактора производства: труд, землю и капитал. Под землей следует понимать все, что Природа предоставляет в наше распоряжение в виде веществ и сил расположенных на, под и над поверхностью Земли, в воде и в воздухе; под капиталом и капитальными ресурсами – все промежуточные блага, произведенные из земли с помощью труда, служащие предметом труда для дальнейшего производства, как то машины, орудия, полуфабрикаты всех типов и т.д.

Теперь мы хотим рассмотреть две различные системы кооперации, существующие при разделении труда: одну, основанную на частной собственности на средства производства, и другую, основанную на общественной собственности на средства производства. Последняя называется социализмом или коммунизмом; первая – либерализмом или также (с тех пор как эта система создала в XIX веке разделение труда, охватывающее весь мир) капитализмом. Либералы утверждают, что единственной работающей и эффективной системой человеческого сотрудничества в обществе, основанном на разделении труда, является частная собственность на средства производства. Они заявляют, что социализм как всеобъемлющая система, охватывающая все средства производства, неработоспособна и что применение социалистического принципа к части средств производства, хотя и не является, конечно, невозможным, ведет к сокращению производительности труда, так что вместо создания большего богатства оно должно, наоборот, давать эффект уменьшения богатства.

Программа либерализма, следовательно, если выразить ее одним словом, будет читаться так: собственность, т.е. частное владение средствами производства [в отношении товаров, готовых к потреблению, частное владение является само собой разумеющимся и не оспаривается даже социалистами и коммунистами]. Все остальные требования либерализма вытекают из этого фундаментального требования.

В ряд со словом «собственность» в программе либерализма вполне можно поставить слова «свобода» и «мир». И это не потому, что старая программа либерализма обычно их сюда и помещала. Мы уже говорили, что программа сегодняшнего либерализма переросла программу старого либерализма, она основана на более глубоком и лучшем понимании общественных взаимоотношений и опирается на прогресс, который сделала наука в последние десятилетия. Свобода и мир были выдвинуты на передний план программы либерализма не потому, что многие из «старых» либералов считали их скорее равными по значимости фундаментальным принципам либерализма, а не просто необходимым следствием единственно фундаментального

принципа – частной собственности на средства производства; а только лишь потому, что свобода и мир подвергались особенно яростным нападкам со стороны противников либерализма. И либералы не хотели отказаться от этих принципов и создать видимость того, что они в какой-либо мере признали справедливость выдвигаемых возражений.

2. Свобода

Идея свободы столь прочно укоренилась во всех нас, что в течение долгого времени никто не осмеливался ставить ее под сомнение. Люди привыкли всегда говорить о свободе с величайшей почтительностью. Такое отношение к свободе есть достижение либерализма, хотя этот факт теперь нередко забывают. И только Ленин называл ее «буржуазным предрассудком». Само название «либерализм» происходит от слова «свобода», а название партии, оппозиционной либералам [оба обозначения возникли в ходе конституционной борьбы первых десятилетий XIX века в Испании] изначально было «рабская» («servile»).

До возникновения либерализма даже мудрые философы, основоположники великих религий, духовенство, воодушевленные самыми лучшими намерениями, и государственные деятели, которые искренне любили свой народ, смотрели на рабство определенной части человеческой расы как на справедливую, в общем полезную и явно благотворную систему. Некоторым людям и народам, как считалось, свобода дарована природой, другие же «осуждены» на рабство. Таким образом думали не только хозяева, но также и большее число рабов. Они мирились со своим рабским положением не только потому, что им приходилось подчиняться превосходству хозяев в силе, но также и потому, что они находили в этом некое благо: раб был освобожден от забот о своем хлебе насущном, так как хозяин был обязан снабжать его всем жизненно необходимым. Когда в XVIII и в первой половине XIX века возник либерализм, чтобы уничтожить крепостное право и подчинение крестьянского населения Европы и рабство негров в заокеанских колониях, немало искренних гуманистов объявили себя противниками этого. Несвободные работники привыкли к своей зависимости и не воспринимали ее как зло. Они были не готовы к свободе и не знали, что с нею делать. Прекращение хозяйской заботы было бы для них пагубным. Они были бы не способны управлять своими делами таким образом, чтобы всегда обеспечивать себе больше, чем то количество, которого было едва достаточно для удовлетворения первых жизненных потребностей, и вскоре впали бы в нужду и нищету. Эмансипация, таким образом, не только не дала бы им ничего, имеющего реальную ценность, но серьезно ухудшила бы их материальное благосостояние.

Поразительно, что можно было услышать, как эти взгляды выражали даже рабы. Для того чтобы противостоять таким суждениям, многие либералы считали необходимым представлять в качестве общего правила (и даже в преувеличенном виде) исключительные случаи жестокого обращения. Эти крайности никоим образом не были правилом. Были, конечно, отдельные примеры плохого обращения, и тот факт, что такие случаи существовали, был дополнительным основанием для уничтожения этой системы. Как правило, однако, отношение хозяев к рабам было человеческим и мягким.

Когда тем, кто рекомендовал уничтожить принудительную зависимость с общегуманистических позиций, говорили, что сохранение этой системы было также и в интересах рабов и крепостных, они не знали, что ответить. Ибо против этого аргумента в защиту рабства существует только один довод, который может опровергнуть и действительно опровергал все остальные, – а именно, что свободный труд несравнимо более производителен, чем рабский. Раб не заинтересован в том, чтобы стараться изо всех сил. Он работает ровно столько и настолько усердно, насколько это необходимо для того, чтобы избежать наказания за невыполненный минимум работы. С другой стороны, свободный работник знает, что чем большего результата он достигает своим трудом, тем больше ему заплатят. Он напрягает все свои силы для того, чтобы повысить свой доход. Достаточно сравнить те требования, которые предъявляются к работнику, обслуживающему современный трактор, с относительно скромными затратами ума, силы и прилежания, которые всего два поколения назад считались достаточными для крепостного пахаря России. Только свободный труд может совершить то, что должно требоваться от современного промышленного рабочего.

Бестолковые болтуны могут, следовательно, бесконечно спорить по поводу того, предназначены ли все люди для свободы и готовы ли они к ней в данный момент. Они могут продолжать утверждать, что существуют расы и народы, которым природой предписана жизнь в рабстве, и что расы господ несут долг сохранения остального человечества в зависимости. Либерал ни в какой мере не будет выступать против их аргументов, потому что его аргументы в пользу свободы для всех без исключения совершенно иного рода. Мы, либералы, не утверждаем, что Бог или Природа задумали всех людей свободными, так как не посвящены в замыслы Бога или Природы, и мы из принципа избегаем вовлечения Бога или Природы в спор о земных делах. Мы утверждаем, что система, основанная на свободе для всех работников, гарантирует наивысшую производительность труда и, следовательно, служит интересам всех. Мы нападаем на принудительное рабство не потому, что оно выгодно только «хозяевам», а потому, что убеждены: в конечном счете оно

вредит интересам всех членов общества, включая «хозяев». Если бы человечество оставалось верным практике содержания всей или даже части рабочей силы в рабстве, изумительные экономические достижения последних ста пятидесяти лет были бы невозможны. У нас не было бы ни железных дорог, ни автомобилей, ни самолетов, ни пароходов, ни электрического освещения и энергетики, ни химической промышленности, мы жили бы как древние греки или римляне, при всей их гениальности, – без всего этого. Достаточно просто упомянуть об этом, чтобы каждому было понятно, что даже бывшие хозяева рабов и крепостных имели все основания быть удовлетворенными ходом развития общества после уничтожения принудительного рабства. Европейский рабочий сегодня живет в более благоприятных и приемлемых внешних условиях, чем жил когда-то египетский фараон, несмотря на то что фараон управлял тысячами рабов, в то время как рабочий не зависит ни от чего, кроме силы и умения своих рук. Если бы набоб из давних времен был помещен в те условия, в которых живет современный простой человек, он бы без колебания объявил, что его жизнь была нищенской по сравнению с той, которую ведет в наше время человек даже среднего достатка.

Это – плоды свободного труда. Свободный труд способен создать больше богатства для всех, чем рабский труд когда-то давал хозяевам.

3. Мир

Есть благородные люди, которые ненавидят войну, потому что она приносит смерть и страдания. Какого бы восхищения не вызывал их гуманизм, их аргументы против войны, основанные на филантропических позициях, по видимому, частично или полностью теряют всю свою силу, если мы рассмотрим утверждения сторонников и защитников войны. Последние никоим образом не отрицают того, что война приносит боль и горе. Тем не менее они верят, что именно при помощи войн и только войнами человечество способно добиваться прогресса. Война – отец всех вещей, сказал какой-то греческий философ, и тысячи людей повторяли это вслед за ним. Человек вырождается в мирные времена. Только война пробуждает в нем дремлющие таланты и силы и вселяет в него возвышенные идеалы. Если бы войны отменили, человечество впало бы в праздность и застой.

Трудно или даже невозможно опровергнуть такой способ аргументации со стороны защитников войн, если единственное возражение состоит в том, что войны требуют жертв. Сторонники войн придерживаются мнения, что жертвы эти приносятся не впустую и они совершенно необходимы. Если бы правдой было то, что война – отец всех вещей, то человеческие жертвы, которых она требует, были бы необходимы для дальнейшего повышения всеобщего благосостояния и прогресса человечества. Можно горько оплакивать

эти жертвы, даже стараться уменьшить их число, но нельзя оправдать желание уничтожить войны и установить вечный мир.

Либеральная критика аргументов в защиту войн принципиально отличается от критики гуманистов. Она начинается с предпосылки, что не война, а мир является отцом всех вещей. Единственное, что дает возможность человечеству двигаться вперед и что отличает человека от животных, это социальная кооперация. Единственное, что производительно, это труд: он создает богатство и тем самым закладывает материальные основы для внутреннего расцвета человека. Война только разрушает; она не создает. Война, резня, разрушение и опустошение связываются в нашем сознании с хищными зверями джунглей; созидательный труд – это особое, присущее только человеку свойство. Либерал питает отвращение к войне не как гуманист, не потому, что она имеет «полезные» результаты, а потому, что последствия ее только вредные.

Любящий мир гуманист обращается к всемогущему монарху: «Не затевай войны, несмотря на то что у тебя есть перспектива улучшить собственное благосостояние победой. Будь благороден и великодушен и откажись от соблазнительной победы, даже если это означает для тебя жертву и потерю преимущества». Либерал думает по-другому. Он убежден, что победоносная война есть зло даже для победителя, а мир всегда лучше войны. Он требует не жертвы со стороны сильнейшего, а осознания того, в чем состоят его, сильнейшего, истинные интересы и умения понимать, что мир для него так же выгоден, как и для более слабого.

Когда миролюбивый народ подвергается нападению со стороны воинственного врага, он должен оказать сопротивление и сделать все необходимое, чтобы отразить нападение. Героические дела, совершенные в такой войне теми, кто борется за свою свободу и жизнь, всецело достойны похвалы. Заслужено превозносить мужество и храбрость таких борцов. Здесь отвага, неустрашимость и презрение к смерти похвальны, поскольку они служат добру. Но люди совершили ошибку, представляя эти солдатские доблести как абсолютные достоинства, как качества в себе и для себя, без учета результата, которому они послужили. Тот, кто придерживается такого мнения, должен, если он последователен, таким же образом признать в качестве благородных качеств отвагу, неустрашимость и презрение к смерти грабителя. В действительности, однако, не существует ничего хорошего или плохого самого по себе. Действия становятся хорошими или плохими только через тот результат. Даже великий спартанец Леонид не был бы достоин тех почестей, которые ему воздают, если бы пал не как защитник родины, а как предводитель

захватнической армии, вознамерившейся отнять у мирного народа свободу и земли.

Насколько вредны войны для развития человеческой цивилизации, становится совершенно очевидным, как только становятся понятными преимущества, происходящие от разделения труда. Разделение труда превращает самостоятельного индивида в [животное политическое – *греч.*], зависящего от своих товарищей, социальное животное, о котором говорил еще Аристотель. Акты враждебности между одним животным и другим или между одним дикарем и другим никоим образом не изменяют экономической основы их существования. Дело обстоит совершенно иначе, когда конфликт, который должен быть разрешен посредством оружия, возникает в сообществе, где труд разделен. В таком обществе каждый индивид имеет особую функцию; никто более не занимает такого положения, чтобы жить независимо, потому что все нуждаются в помощи и поддержке друг друга. Самостоятельные фермеры, которые производят на своих собственных фермах все, что нужно им и их семьям, еще могут позволить себе затеять войну друг с другом. Но когда деревня разделяется на группировки, где кузнец на одной стороне, а сапожник на другой, то одной группировке придется страдать от отсутствия обуви, а другой – от отсутствия инструментов и оружия. Гражданская война уничтожает разделение труда, она вынуждает каждую группу людей существовать самостоятельно, за счет труда своих сторонников.

Если бы возможность таких столкновений считалась вероятной, то разделение труда никогда бы не смогло развиваться до такого уровня, когда в случае действительной войны, пришлось бы терпеть лишения. Углубляющееся разделение труда возможно только в таком обществе, где существует гарантия продолжительного мира. Разделение труда может развиваться только в условиях безопасности. В отсутствие этой предпосылки разделение труда не распространяется далее пределов деревни или даже индивидуального домохозяйства. Разделение труда между городом и деревней – когда крестьяне окружающих деревень поставляют зерно, скот, молоко и масло городу в обмен на товары, произведенные городским населением, – уже предполагает гарантию мира, по крайней мере в пределах рассматриваемого региона. Если разделение труда охватывает целую нацию, то гражданская война должна находиться за пределами возможного; если же оно должно охватить весь свет – должен быть гарантирован продолжительный мир между народами.

Всякий сегодня счел бы совершенно бессмысленным для современной столицы типа Лондона или Берлина готовиться к войне с жителями примыкающей территории. Тем не менее в течение многих веков города Европы жили под гнетом возможности такой войны, принимали меры как к поддер-

жанию обороны, так и к смягчению возможных экономических последствий. Были города, где оборонительные сооружения изначально сконструированы так, чтобы в случае необходимости они могли выстоять какое-то время, содержат скот и выращивая зерно внутри городских стен.

В начале XIX века подавляющая часть населенного мира была по-прежнему разделена на ряд более-менее самостоятельных экономических районов. Даже в наиболее развитых регионах Европы потребности удовлетворялись большей частью за счет производства внутри региона. Торговля, которая выходила за узкие рамки границ близлежащей округи, была относительно незначительной и охватывала только такие товары, которые не могли производиться на месте из-за климатических условий. В значительно большей части мира, однако, собственное деревенское производство снабжало жителей почти всем необходимым. Для этих деревень нарушение торговых отношений, вызываемое войной, обычно не сопровождалось сколь-либо значительным ухудшением экономического благополучия. Даже жители более развитых стран Европы не особенно жестоко страдали во время войны. Если бы континентальная система, которую Наполеон I ввел в Европе для того, чтобы изгнать с континента английские товары и товары, поступившие в Британию из-за океана, претворялась в жизнь даже более сурово, чем это было в действительности, она все же вряд ли принесла бы жителям континента какие-либо ощутимые лишения. Им бы, конечно, пришлось обходиться без кофе и сахара, хлопка и хлопковых изделий, специй и многих редких сортов дерева; но все эти продукты играли тогда второстепенную роль в домашних хозяйствах широких масс.

Развитие сложной системы международных экономических отношений есть продукт либерализма и капитализма XIX века. Только они сделали возможной широкую специализацию современного производства с сопутствующими улучшениями технологии. Для того чтобы снабдить семью английского рабочего всем, что она потребляет и чего она желает, необходима кооперация народов пяти континентов. Чай к завтраку поставляется из Японии или Цейлона, кофе – из Бразилии или Явы, сахар – из Вест-Индии, мясо – из Австралии или Аргентины, хлопок из Америки или Египта, шкуры для кожаных изделий – из Индии или России и т. д. И в обмен на эти продукты английские товары идут во все части света, в самые отдаленные и недостижимые деревни и фермы. Такой процесс стал мыслим и возможен только потому, что с торжеством либеральных принципов люди перестали принимать всерьез идею о том, что когда-либо вновь может разразиться Великая война. В Золотой век либерализма война между людьми белой расы всеми рассматривалась как дело прошлого.

Но события повернулись иначе. Либеральные идеи и программы были вытеснены социализмом, национализмом, протекционизмом, империализмом, этатизмом и милитаризмом. Тогда как Кант и фон Гумбольдт, Бентам и Кобден восхваляли вечный мир, представители следующей эпохи не уставали превозносить войну – как гражданскую, так и международную. И их успех не заставил себя ждать. Результатом явилась Мировая война, <Первая мировая война, поскольку книга напечатана в 1927г. – Прим. науч. ред> которая преподнесла нашему веку своего рода предметный урок несовместимости между войной и разделением труда.

4. Равенство

Ни в чем различие в доводах старого либерализма и неолиберализма не проявляется яснее, и нигде его нельзя так легко продемонстрировать, как в их отношении к проблеме равенства. Либералы XVIII столетия, движимые идеями естественного права (*natural law*) и эпохи Просвещения (*Enlightment*), требовали равенства политических и гражданских прав для всех, потому что они полагали, что все люди равны. Бог создал всех людей равными, наделив их фундаментально одинаковыми способностями и талантами, вдохнув в каждого свой дух. Все различия между людьми являются лишь искусственными, продуктом социальных, человеческих – скажем так, преходящих, – институтов. То, что в человеке бессмертно – его дух – несомненно, одинаково заложен в богатом и в бедном, в дворянине и в простом человеке, в белом и цветном.

Ничто, однако, не является столь плохо обоснованным, как утверждение о присущем всем членам человеческой расы равенстве. Люди абсолютно не равны. Даже между братьями существуют весьма заметные различия в физических и умственных качествах. Природа никогда не повторяет своих творений; она не производит ничего массового и ничего стандартного. Каждый человек, выходящий из ее мастерской, несет на себе отпечаток индивидуальности, уникальности и неповторимости. Люди не равны, и требование равенства перед законом никак не может основываться на утверждении, что с равными надлежит обращаться одинаково.

Существуют две причины, почему люди должны быть равными перед законом. Одна уже упоминалась, когда мы анализировали аргументы против насильственного рабства. Для того чтобы труд мог достичь максимальной производительности, работник должен быть свободен, потому что только свободный работник, наслаждающийся плодами своего собственного усердия в форме зарплаты, будет полностью напрягать свои силы. Второе соображение в пользу равенства всех людей перед законом – это поддержание социального мира. Уже указывалось на то, что следует избегать всякого нару-

шения мирного процесса разделения труда. Но почти невозможно сохранить продолжительный мир в обществе, где права и обязанности различаются в соответствии с классовой принадлежностью. Тот, кто отказывает части населения в правах, должен всегда быть готов к объединенному наступлению тех, кто лишен гражданских прав, на привилегированную часть общества. Классовые привилегии должны исчезнуть, и тогда прекратится конфликт по их поводу.

Следовательно, совершенно не имеет смысла придирается к формуле, в которой либерализм воплотил свой постулат равенства, упрекая его в том, что он создал лишь равенство перед законом, а не истинное равенство. Всей человеческой силы не хватило бы, чтобы сделать людей действительно равными. Люди есть и всегда будут неравными. Именно приведенные здесь здравые соображения, апеллирующие к полезности, составляют аргументы в пользу равенства всех людей перед законом. Либерализм никогда не был нацелен ни на что большее и никогда ни о чем большем не мог и просить. Сделать негра белым выше человеческой силы. Но можно дать негру те же самые права, что и белому, и тем самым предложить ему возможность зарабатывать столько же, сколько белый, если он столько же производит.

Но социалисты говорят, что недостаточно сделать людей равными по закону. Для того чтобы сделать их действительно равными, нужно также наделить их и одинаковым доходом. Недостаточно уничтожить привилегии, дарованные по рождению и по чину. Надо завершить дело, покончив с наиболее важной из всех привилегий, а именно с той, которая дается частной собственностью. Только тогда полностью реализуется либеральная программа, а последовательный либерализм, таким образом, ведет в конечном счете к социализму, к уничтожению частной собственности на средства производства.

Привилегии являются институциональным соглашением, дающим преимущество одним лицам или определенной группе за счет других. Привилегия существует, несмотря на то что она приносит вред некоторым – возможно, большинству – и не приносит пользы никому, за исключением тех, для чьей выгоды она была создана. В условиях феодальной системы средних веков сеньоры владели наследственным правом вершить правосудие. Они являлись судьями, потому что унаследовали это положение независимо от того, были ли у них способности и свойства, которые делают человека подходящим на роль судьи. По их мнению, эта должность была не чем иным, как выгодным источником дохода. Здесь правосудие было привилегией благородного по рождению.

Однако если, как в современных государствах, судьи всегда выбираются из круга тех, кто имеет юридическое образование и опыт, это не составляет привилегию в пользу юристов. Предпочтение отдается юристам не ради них самих, а ради общественного благополучия, поскольку люди обычно придерживаются мнения, что знание юриспруденции есть необходимая предпосылка для осуществления правосудия. Вопрос о том, следует или нет определенное институциональное устройство считать привилегией определенной группы, класса или человека, нельзя решать по тому, приносит или нет оно выгоду этой группе, классу или человеку, а в соответствии с тем, насколько его можно рассматривать как полезное широкой публике. Тот факт, что на корабле в море один человек – капитан, а остальные составляют его команду и подчиняются его приказам, конечно же, является преимуществом для капитана. Тем не менее это не является привилегией капитана, если он имеет способность вести судно меж рифов в шторм и тем самым быть полезным не только себе, но и всей команде.

Для того чтобы определить, считать ли какое-либо институциональное устройство специальной привилегией человека или класса, надо задать вопрос не о том, приносит ли оно выгоду тому или иному человеку или классу, а лишь о том, выгодно ли это устройство широкой публике. Если мы придем к заключению, что только частная собственность на средства производства делает возможным развитие человеческого общества в сторону процветания, то ясно, что это равносильно тому, что частная собственность не является привилегией владельца собственности, а является общественным институтом, служащим добру и выгоде всех, несмотря на то что она может в то же время быть особенно приятной и полезной для некоторых.

Либерализм выступает за сохранение института частной собственности вовсе не в интересах владельцев собственности. Воле не потому либералы хотят сохранить этот институт, что его уничтожение нарушило бы чьи-то права собственности. Если бы они считали, что уничтожение института частной собственности будет в интересах всех, они выступали бы за то, чтобы его уничтожить, как ни противна была бы такая политика интересам владельцев собственности. Однако, сохранение этого института служит интересам всех слоев общества. Даже бедняк, который ничего не может назвать своим, живет в нашем обществе несравнимо лучше, чем если бы он жил в таком, которое не способно производить даже малую часть того, что производится сегодня.

5. Неравенство распределения богатства и дохода

Что в нашем общественном устройстве более всего подвергается критике? Неравенство распределения богатства и дохода! Существуют бедные и

богатые; существуют очень бедные и очень богатые. Выход далеко искать не надо: равное распределение всего богатства.

Первое возражение против этого предложения заключается в том, что его осуществление мало поможет ситуации, потому что людей с умеренными средствами значительно больше, чем богатых, так что каждый человек мог бы ожидать от такого распределения лишь совсем незначительного улучшения своего жизненного уровня. Это, конечно, правильно, но это еще не все аргументы. Те, кто выступает за равенство в распределении дохода, упускают из виду наиболее важный момент, а именно, что суммарный доступный для распределения годовой продукт общественного труда не зависит от способа его деления. То, что этот продукт сегодня производится в данном количестве, не является природным или технологическим явлением, независимым от социальных условий. Напротив, это всецело является результатом наших общественных институтов. При нашем общественном порядке только потому и возможно неравенство в богатстве, что оно стимулирует каждого производить столько, сколько он может и при самых низких издержках, – и человечество имеет сегодня то суммарное годовое богатство, которое теперь доступно для потребления. Если бы этот побудительный мотив был уничтожен, производительность снизилась бы так сильно, что та доля, которая при равном распределении досталась бы каждому, была бы значительно меньше, чем получает сегодня даже самый бедный.

Неравенство в распределении дохода имеет, однако, еще одну функцию, абсолютно такой же важности, как и та, о которой уже говорилось: оно делает возможным роскошь богатых.

Много глупых вещей говорили и писали о роскоши. Против потребления предметов роскоши выдвигались возражения, будто несправедливо, когда одни наслаждаются великим изобилием, другие пребывают в нужде. Этот аргумент как будто имеет некоторые достоинства. Но так только кажется. Если удастся показать, что потребление роскоши выполняет полезную функцию в системе социальной кооперации, то тогда этот аргумент можно считать неверным. Именно это мы и попытаемся продемонстрировать.

Защищая роскошь, мы не станем приводить аргумент, который можно подчас услышать, будто роскошь перераспределяет деньги между людьми. Если бы богатые не позволяли себе роскоши, то якобы бедные не имели бы дохода. Это просто чепуха! Потому что если бы не было потребления роскоши, то капитал и труд, которые иначе применялись бы в производстве предметов роскоши, производили бы другие блага, например, предметы массового потребления, «необходимые» товары, вместо товаров «ненужных».

Для того чтобы сформировать правильную концепцию общественной значимости роскоши, нужно прежде всего осознавать, что понятие роскоши является относительным. Роскошь – это образ жизни, который находится в остром контрасте с тем, который ведут широкие массы современников. Концепция роскоши, следовательно, является, по существу, исторической. Многие вещи, которые кажутся нам сегодня предметами необходимости, когда-то считались предметами роскоши. Когда в средневековье аристократическая византийская дама, жена венецианского дожа, использовала золотой прибор, который можно было бы назвать предшественницей вилки, вместо того чтобы есть руками, венецианцы смотрели на это как на безбожную роскошь и считали справедливым, когда эту даму поражала ужасная болезнь: это, должно быть, полагали они, вполне заслуженное Божье наказание за такую противоземную экстравагантность. Два или три поколения назад даже в Англии ванная в доме считалась роскошью; сегодня ванная есть в доме каждого среднего английского рабочего. Тридцать пять лет назад не было автомобилей; двадцать лет назад обладание таким средством передвижения было знаком особенно роскошного образа жизни. Сегодня в Соединенных Штатах даже рабочий имеет свой собственный «форд». Таков ход экономической истории. Роскошь сегодня – это необходимость завтра. Каждое новшество сначала входит в нашу жизнь как предмет роскоши для немногих богатых людей, чтобы только через некоторое время стать предметом необходимости, воспринимаемым каждым человеком как данность. Потребление роскоши дает промышленности стимул открывать и создавать новые продукты. Это один из динамических факторов нашего хозяйства. Ему мы обязаны теми прогрессивными инновациями, благодаря которым постепенно повышался уровень жизни всех слоев населения.

Большинство не питает симпатий к богатому бездельнику, который проводит жизнь в удовольствиях, никогда не занимаясь никакой работой. Но даже он выполняет свою функцию в жизни общественного организма. Он подает пример «роскошной» жизни, который пробуждает в массах осознание новых потребностей и дает промышленности стимул к производству. Было время, когда только богатые могли позволить себе роскошь посещать зарубежные страны. Шиллер никогда не видел швейцарских гор, которые прославлял в «Вильгельме Телле», хотя они граничили с его швабской родиной. Гете не видел ни Парижа, ни Вены, ни Лондона. Сегодня, однако, путешествуют сотни тысяч людей, а скоро это будут делать миллионы.

6. Частная собственность и этика

В попытке продемонстрировать социальную функцию и необходимость частной собственности на средства производства и сопутствующего ей нера-

венства в распределении дохода и богатства мы в то же время предоставляем доказательство моральной оправданности частной собственности и основанного на ней капиталистического общественного порядка.

Нравственность заключается в том внимании, которое должен уделить каждый член общества необходимым условиям общественного существования. Человек, живущий в изоляции, не имеет моральных правил. Ему не нужно сомневаться в своей правоте по поводу каких-то поступков, которые он считает полезным совершать, поскольку ему не приходится думать о том, не наносит ли он этим ущерб другим. Но как член общества человек должен принимать во внимание во всем, что он делает, не только свою непосредственную пользу, но также и необходимость в каждом действии укреплять общество в целом. Жизнь индивида в обществе возможна только при помощи социальной кооперации, и каждый индивид весьма серьезно пострадал бы, распались вдруг социальная организация жизни и производства. Требуя от индивида, чтобы он соблюдал интересы общества во всех своих действиях, чтобы он не предпринимал таких действий, которые, принося пользу ему, были бы вредны для общественной жизни, общество не требует, чтобы он жертвовал собой в интересах других. Поскольку та жертва, которую он принимает на себя, лишь условна: это отказ от непосредственной и относительно меньшей выгоды в обмен на значительно большую в конечном счете пользу. Интерес каждого индивида состоит в продолжении существования общества как объединения людей, работающих совместно и разделяющих общий образ жизни. Тот, кто отказывается от моментальной выгоды для того, чтобы не подвергать опасности сохранение существования общества, жертвует меньшим ради большего.

Смысл этой заботы об общем социальном интересе часто понимался неправильно. Полагали, что ее нравственная ценность состоит в самом факте самопожертвования, в отказе от немедленного удовлетворения. Отказывались видеть, что нравственную ценность представляет не сама жертва, а тот результат, которому служит эта жертва, и приписывали нравственную ценность жертве, отказу как таковому – и только. Но жертвование нравственно только тогда, когда оно служит нравственному результату. Существует бездна различий между человеком, который рискует жизнью и имуществом из высших побуждений, и человеком, который жертвует ими, никоим образом не принося этим пользы обществу.

Все, что служит сохранению социального порядка, – нравственно; все, что наносит ему ущерб, – безнравственно. Соответственно, когда мы приходим к заключению, что какой-либо институт полезен для общества, то нельзя более утверждать, что он безнравственен. Могут, вероятно, существовать

разные мнения относительно того, общественно полезен или вреден тот или иной институт. Но коль уж он был назван полезным, то нельзя более утверждать, что по какой-то необъяснимой причине он должен быть признан безнравственным.

7. Государство и правительство

Соблюдение нравственного закона есть конечный интерес каждого индивида, потому что от сохранения социальной кооперации выигрывают все. Это же налагает на каждого человека необходимость жертв, даже всего лишь условных, которые с избытком компенсируются выгодой. Осознание этого тем не менее требует определенного проникновения в связь между вещами, а согласование своих действий в соответствии с достигнутым пониманием требует определенной силы воли. Те, кто не имеет этого понимания или, понимая, не имеет необходимой силы воли, чтобы воплотить его, не способны добровольно следовать нравственному закону. Ситуация здесь та же самая, что и в отношении соблюдения правил гигиены, которым должен следовать человек в интересах собственного благополучия. Кто-то предается вредному и легкомысленному образу жизни, потворствуя своей слабости к наркотикам либо потому, что он не знает о последствиях, либо потому, что считает их менее губительными, чем отказ от моментного удовольствия, либо потому, что ему не хватает силы воли приспособить поведение к знанию. Существуют люди, которые считают, что общество должно прибегать к принудительным мерам и наставлять такого человека на путь истинный, стремясь исправить любого, чьи бездумные действия подвергают опасности его собственную жизнь и здоровье. Они выступают за то, чтобы алкоголиков и наркоманов принудительно удерживали от своих пороков и заставляли заботиться о своем добром здравии.

Вопрос о том, действительно ли принуждение отвечает в таких случаях поставленным целям, мы оставим для последующего рассмотрения. Нас волнует здесь нечто совершенно другое, а именно вопрос о том, следует ли людям, чьи действия представляют опасность для продолжения существования общества, принуждать воздержаться от них. Алкоголик и наркоман вредят только себе; человек, который нарушает правила морали, управляющие жизнью людей в обществе, вредит не только себе, но и всем. Жизнь в обществе была бы совершенно невозможной, если бы люди, которые желают продолжения его существования и ведут себя соответственно, должны были бы отказываться от применения силы и принуждения против тех, кто готов своим поведением это общество подорвать. Небольшое число антиобщественных индивидов, т.е. люди, которые не хотят или не могут приносить временные жертвы, требуемые от них обществом, способны сделать всю общественную

жизнь невозможной. Без принуждения и насилия против врагов общества, не может быть никакой жизни в обществе.

Мы называем аппарат принуждения и насилия, который заставляет людей придерживаться правил жизни в обществе, государством. Правила, в соответствии с которыми действует государство, – законом; а органы, на которых лежит ответственность за управление аппаратом принуждения, – правительством.

Существует, впрочем, секта, которая верит, что можно было бы вполне спокойно избавиться от всякой формы принуждения и строить общество всецело на добровольном соблюдении морального кодекса. Анархисты считают государство, закон и правительство излишними институтами в социальной системе, которая бы действительно служила на благо всем людям, а не только особым интересам привилегированного меньшинства. Только лишь потому, что существующий общественный порядок основан на частной собственности на средства производства, необходимо прибегать к принуждению и насилию для его защиты. Если бы была уничтожена частная собственность, то все без исключения стали бы спонтанно соблюдать правила социальной кооперации.

Уже указывалось на то, что эта доктрина ошибочна в той мере, в какой она касается характера частной собственности на средства производства. Но даже независимо от этого, она совершенно непригодна к употреблению. Анархист вполне правильно не отрицает того, что каждая форма человеческого сотрудничества в обществе, основанном на разделении труда, требует соблюдения некоторых правил поведения, которые человеку не всегда приятны, поскольку они вынуждают его к жертве, правда, лишь временной, но все же, по крайней мере на данный момент, болезненной. Но анархист ошибается, полагая, будто каждый без исключения будет соблюдать эти правила добровольно. Есть люди, страдающие дурным пищеварением, тем не менее они, прекрасно зная, что употребление определенной пищи вызовет у них через некоторое время жестокие, даже невыносимые боли, не могут отказать себе в наслаждении изысканным блюдом. Взаимные же связи жизни в обществе не так легко обнаружить, как физиологический эффект от пищи, и последствия их разрушений наступают не быстро и, главное, ощутимо для того, кто творит зло. Можно ли тогда предположить, не впадая окончательно в абсурд, что, несмотря на все это, каждый индивид в анархическом обществе будет иметь большую дальновидность и силу воли, чем обжора, страдающий расстройством пищеварения? Можно ли в анархическом обществе целиком исключить возможность того, что кто-нибудь по небрежности не бросит зажженную спичку и устроит пожар или в приступе злости, ревности или мес-

ти не причинит вред своему соседу? Анархизм не понимает истинной природы человека. Он был бы реален только в мире ангелов и святых.

Либерализм – не анархизм, и ничего общего с анархизмом он не имеет. Либерал вполне ясно понимает, что без помощи принуждения существование общества будет в опасности и за правилами поведения, соблюдение которых необходимо для обеспечения мирного сотрудничества, должна стоять угроза силы, иначе всей системе общества будет постоянно угрожать произвол любого из его членов. Нужно иметь возможность принудить человека, который не уважает жизнь, здоровье, личную свободу или частную собственность других, следовать правилам жизни в обществе. Вот та функция, которую либеральная доктрина возлагает на государство: защита собственности, свободы и мира.

Немецкий социалист Фердинанд Лассаль пытался выдать за нелепицу концепцию правительства, ограниченного исключительно этой сферой, называя государство, построенное на основе либеральных принципов, «государством – ночным сторожем». Но трудно понять, почему государство «ночного сторожа» должно быть более нелепым или плохим, чем государство, которое заботится о приготовлении кислой капусты, производстве пуговиц для брюк или издательстве газет? Для того что понять впечатление, которое Лассаль пытался создать своей острой критикой, нужно иметь в виду, что немцы его времени еще не забыли о государстве монархических деспотов с разнообразием административных и регулирующих функций и по-прежнему находились под большим влиянием философии Гегеля, который возвысил государство до положения божественной сущности. Если смотреть на государство так же, как Гегель, как на «самостоятельную нравственную субстанцию», как на «всеобщее в себе и для себя», как «рациональность воли», то, конечно, выглядит богохульством любая попытка ограничить функцию государства служением в качестве ночного сторожа.

Только таким образом можно понять, как люди могли зайти столь далеко, чтобы упрекать либерализм за враждебность или неприязнь к государству. Если я придерживаюсь того мнения, что нецелесообразно возлагать на правительство задачу управления железными дорогами, гостиницами или рудниками, то я не более враг государства, чем мог бы называться врагом серной кислоты, потому что я считаю, что как бы полезна она ни была для многих целей, она не пригодна ни для питья, ни для мытья рук.

Неправильно представлять отношение либерализма к государству так, будто он желает ограничить сферу возможно деятельности последнего или ненавидит в принципе любую деятельность государства в области экономики. Такая интерпретация вообще вне существа дела. Позиция, которую либе-

рализм занимает в отношении функций государства, является следствием защиты им частной собственности на средства производства. Будучи сторонником частной собственности, невозможно, конечно, быть одновременно приверженцем общественной собственности на средства производства, т.е. передачи ее в распоряжение правительства, а не индивидуальных владельцев. Таким образом, защита частной собственности на средства производства уже означает жесткое ограничение функций государства.

Социалисты иногда имеют обыкновение упрекать либерализм за недостаток последовательности. Они утверждают, что нелогично ограничивать деятельность государства в сфере экономики исключительно защитой собственности. Трудно увидеть, почему, если государство не должно оставаться совершенно нейтральным, его вмешательство следует ограничить защитой прав собственников.

Этот упрек был бы оправдан только в том случае, если бы оппозиционность либерализма в отношении всей правительственной деятельности в сфере экономики, выходящей за рамки защиты собственности, произрастала из отвращения в принципе к любой деятельности со стороны государства. Но дело совсем не в этом. Либерализм возражает против дальнейшего расширения сферы правительственной деятельности именно потому, что оно, в действительности, уничтожило бы частную собственность на средства производства. А в частной собственности либерал видит наиболее удобный принцип для организации жизни человека в обществе.

8. Демократия

Либерализм, следовательно, далек от оспаривания необходимости механизма государства, системы законов и правительства. Серьезным непониманием идей либерализма является любая попытка связать его с анархизмом. Для либерала государство есть абсолютная необходимость, поскольку на него возложены наиболее важные задачи: защита не только частной собственности, но также и мира, так как, если мира нет, невозможно полностью получить выгоды от частной собственности.

Достаточно одних только этих соображений, чтобы определить те функции, которые должно выполнять государство для того, чтобы соответствовать либеральному идеалу. Оно не только должно быть способно защищать частную собственность; оно также должно быть построено таким образом, чтобы ровный и мирный ход его развития общества никогда не прерывался гражданскими войнами, революциями или восстаниями.

Многие люди по-прежнему находятся в плену представления, которое восходит к долиберальной эпохе, о том, что с исполнением правительственных функций связано определенное благородство и достоинство. До совсем

недавнего времени, а зачастую и сегодня, государственные должностные лица получали удовольствие от того престижного положения, которое делало карьеру чиновника самой уважаемой. Общественное уважение, которым окружен молодой «асессор» <Гот, кто сдал второй государственный экзамен. – *Прим. ред. амер. изд.*> или помощник, далеко превосходит уважение к бизнесмену или юристу, состарившемуся в честных трудах. Писатели, ученые и художники, известность и слава которых распространилась далеко за пределы Германии, пользуются у себя на родине уважением, соответствующим зачастую довольно скромному рангу, который они занимают в бюрократической иерархии.

Не существует разумного основания для подобной переоценки деятельности, осуществляемой в конторах административных служащих. Это своего рода атавизм, след тех дней, когда бюргер должен был бояться князя и его рыцарей, так как в любой момент мог быть ими ограблен. На самом деле ничем не лучше, благороднее или почетнее проводить дни в правительственной конторе, заполняя документы, чем, например, работать в чертежной мастерской машиностроительного завода. У сборщика налогов занятие ничуть не более выдающееся, чем у тех, кто прямо занят созданием богатства, часть которого забирается в виде налогов для того, чтобы оплачивать расходы аппарата правительства.

Представление об особо выдающемся положении и особом достоинстве, связанном с выполнением правительственных функций, и составляет основу псевдodemократической теории государства. Согласно этой доктрине любой человек чувствует стыд, когда позволяет другим управлять собой. Ее идеалом служит конституция, по которой принимает решения и правит весь народ. Этого, конечно, никогда не было, никогда не может быть и никогда не будет, даже в условиях маленького государства. Когда-то считалось, что идеал непосредственной демократии был осуществлен в античных греческих городах-государствах и в маленьких кантонах швейцарских гор. Это тоже было ошибкой. В Греции только часть населения, а именно свободные граждане, имела какое-либо представительство в правительстве; колонны (*metics*) и рабы его не имели. В швейцарских кантонах только определенные дела сугубо местного характера решались и по-прежнему решаются согласно конституционному принципу прямой демократии. Все дела, выходящие за пределы этих узких территориальных границ, управляются федерацией, правительство которой никоим образом не соответствует идеалам прямой демократии.

Для человека вовсе не является постыдным, если он позволяет другим управлять собой. Правительство и администрация, полицейские и другие институты также требуют специалистов: профессиональных чиновников и про-

фессиональных политиков. Принцип разделения труда не обходит и функций правительства. Невозможно быть инженером и полицейским в одно и то же время. Моего достоинства, моего благополучия или моей свободы несколько не умаляет тот факт, что сам я не полицейский. Когда определенное число людей отвечает за предоставление защиты всем остальным, то это не более недемократично, чем если несколько человек берут на себя производство обуви для всех остальных. Нет ни малейшего смысла возражать против профессиональных политиков и профессиональных чиновников, если институты государства являются демократическими. Но демократия совершенно отлична от представлений романтических фантазеров, которые болтают о прямой демократии.

Правительство, состоящее из горстки людей – а правители всегда в меньшинстве по сравнению с теми, кем они управляют, как, например, производители обуви по сравнению с потребителями, – зависит от согласия управляемых, т.е. от принятия ими существующей администрации. Они могут рассматривать ее только лишь как наименьшее из зол или как неизбежное зло и все же придерживаться того мнения, что изменение существующей ситуации было бы нецелесообразным. Но если уж большинство управляемых приходит к убеждению, что необходимо и возможно изменить форму правления и заменить старый режим и старый персонал новым режимом и новым персоналом, дни прежнего сочтены. Большинство всегда будет иметь средства осуществить свои желания силой даже против воли старого режима. В конечном счете ни одно правительство не сможет поддерживать власть, если оно не имеет поддержки общественного мнения, если те, кем управляет, не убеждены в том, что это правительство хорошее. Сила, к которой прибегает правительство для того, чтобы сломить непокорные настроения, может быть успешно использована только до тех пор, пока большинство не объединяется в сплоченную оппозицию.

Следовательно, при любой форме государственного устройства существуют средства сделать правительство, по меньшей мере, зависимым от воли управляемых, а именно: гражданская война, революция, восстание. Но это как раз те самые средства, применения которых либерализм хочет избежать. Не может быть продолжительного экономического улучшения, если мирное течение дел постоянно прерывается внутренними столкновениями. Политическая ситуация, вроде той, какая существовала в Англии во времена войн Роз, за несколько лет ввергла бы современную Англию в глубочайшую и ужаснейшую нищету. Существующий уровень экономического развития никогда не был бы достигнут, если бы не было найдено способа предотвращать постоянные вспышки гражданских войн. Братоубийственная борьба, такая

как Французская революция 1789 года, обходится тяжелыми потерями жизни и имущества. Наша нынешняя экономика не смогла бы выносить такие катаклизмы. Населению современных столиц пришлось бы столь страшно страдать от революционных потрясений, которые могли бы преградить путь ввозу продовольствия и угля и перекрыть электричество, газ и воду, что уже один только страх перед возможностью таких беспорядков парализовал бы жизнь города.

Вот та область, где находит применение социальная функция демократии. Демократия – это такая форма политического устройства, которая позволяет адаптировать правительства к желаниям управляемых без насильственной борьбы. Если в демократическом государстве правительство более не проводит ту политику, которой хотело бы большинство населения, не нужно никакой гражданской войны, чтобы посадить в кабинеты тех, кто желает работать так, чтобы удовлетворять большинство. Путем выборов и парламентских соглашений перемена правительства происходит гладко – без трений, насилия и кровопролития.

9. Критика доктрины силы

Борцы за демократию в XVIII столетии утверждали, что только монархи и их министры морально развращены, неблагоразумны и порочны. В целом хорошие люди чистые, благородные и, кроме того, обладают необходимыми интеллектуальными способностями и всегда знают и делают то, что правильно. Это, конечно, совершеннейшая чепуха, не меньшая, чем лесть придворных, которые приписывают своим правителям все самые хорошие и благородные качества. Народ – это сумма отдельных граждан; и если некоторые люди не умны и не благородны, то все вместе, однако, таковыми не являются.

Поскольку человечество вошло в эпоху демократии с такими возвышенными ожиданиями, то не удивительно, что вскоре иллюзии должны были рассеяться. Вскоре выяснилось, что демократии совершают по крайней мере столько же ошибок, сколько совершали монархии и аристократии. Сравнение, которое люди провели между теми, кого демократия выдвигала в качестве главы правительств, и теми, кого императоры и короли во исполнение своей абсолютной власти возвышали до этого положения, оказалось ни в коей мере не в пользу новых обладателей власти. Французы обычно говорят об «убийственной силе смешного». И действительно, государственные деятели, представляющие демократию, вскоре повсеместно сделали ее посмешищем. Представители старого режима сохраняли определенное аристократическое достоинство, по крайней мере, во внешнем проявлении. Поведение новых правителей заставило презирать их. Ничто не принесло большего вреда де-

мократии в Германии и Австрии, чем пустое высокомерие и бесстыдное тщеславие, с которым держались лидеры социал-демократии, добравшись до власти после краха империи.

Таким образом, везде, где восторжествовала демократия, вскоре возникла антидемократическая доктрина в качестве фундаментальной оппозиции. Говорилось, что нет смысла позволять большинству править. Править должны лучшие, даже если они в меньшинстве. Это кажется столь очевидным, что число сторонников антидемократических движений всех видов постоянно растет. Чем более презираемыми оказывались те, кого демократия возвела наверх, тем больше росло врагов демократии.

Однако антидемократическая доктрина представляет серьезные заблуждения. Что значит в конечном итоге говорить о «лучшем человеке» или «лучших людях»? Польская республика поместила во главе правительства виртуозного пианиста, считавшегося лучшим поляком века. Но те качества, которыми должен обладать глава государства, – совсем не те, которыми должен обладать музыкант. Оппоненты демократии, употребляя выражение «лучший», не могут иметь в виду ничего другого, кроме как человека или людей, наиболее подходящих к ведению правительственных дел, даже если они плохо или совсем не разбираются в музыке. Но это приводит все к тем же политическим вопросам: «Кто является наиболее подходящим? Это был Дизраэли или Гладстон? Тори считали лучшим первого; виги – второго. Кто должен решать это, если не большинство?»

И тут мы подходим к решающему пункту всех антидемократических доктрин, выдвигаемому либо потомками старой аристократии или сторонниками наследственной монархии, либо синдикалистами, большевиками и социалистами, а именно к доктрине силы. Противники демократии отстаивают право меньшинства захватить государственную власть силой и править большинством. Моральное оправдание такого образа действий состоит, как считается, именно в силе, необходимой для действительного захвата власти. Лучшими признаются лишь те, кто компетентны править и командовать, продемонстрировав способности навязать свое правление большинству против его воли. Здесь учение организации «Аксъон франсез» совпадает с учением синдикалистов, а доктрина Людендорфа и Гитлера с доктриной Ленина и Троцкого.

Можно выдвинуть много доводов «за» и «против» доктрины силы, в зависимости от чьих-то религиозных и философских убеждений, по поводу которых едва ли можно ожидать согласия. Здесь не место представлять и обсуждать доводы «за» и «против», поскольку они не убедительны. Единствен-

ным решающим соображением может быть такое, которое основывается на фундаментальном аргументе в пользу демократии.

Если каждая группа, которая считает себя способной навязать свое правление остальным, имеет право предпринять подобную попытку, мы должны быть готовы к непрекращающейся серии гражданских войн. Но такое положение дел несовместимо с той стадией разделения труда, которую мы нынче достигли. Современное общество, основанное на разделении труда, может сохраняться только в условиях длительного мира. Если бы нам следовало готовиться к возможности продолжительных гражданских войн и внутренних столкновений, то нам пришлось бы отодвинуться назад – к такому примитивному состоянию разделения труда, когда пусть не каждая деревня, но, по крайней мере, каждая провинция стала бы практически автаркичной, т.е. способной прокормить и обеспечить себя какое-то время как самостоятельный экономический организм, ничего не импортирующий извне. Это состояние сопровождалось бы таким огромным упадком производительности труда, что земля смогла бы прокормить лишь часть того населения, которое она поддерживает сегодня. Антидемократический идеал ведет к такому типу экономической организации, который был известен средневековью и античности. Каждый город, каждая деревня, а в действительности, и каждый человек были укреплены и оснащены для обороны, и каждая провинция была настолько независима от остального мира в обеспечении себя продуктами, насколько это было возможно.

Демократ также придерживается мнения, что править должен лучший. Но он полагает, что пригодность человека или группы людей к управлению может быть наглядно продемонстрирована, когда им удастся убедить сограждан в своем праве на это положение, так что ведение общественных дел будет на них возложено добровольно, а не когда они прибегнут к силе и вынудят остальных признать их претензии. Тот, кто не может достичь лидирующего положения с помощью силы аргументов и уверенности, которую вселяет его персоне, не имеет оснований жаловаться на то, что сограждане предпочитают ему других.

Конечно, нельзя отрицать, что существует определенная ситуация, когда соблазн отступить от демократических принципов либерализма в самом деле очень велик. Если здравомыслящие люди видят, что их народ или все народы мира находятся на пути к разрушению, и они находят невозможным убедить своих сограждан обратить внимание на их советы, то они могут склониться к мысли, что будет честно и справедливо прибегнуть к любым мерам, чтобы спасти всех от несчастья. Тогда может возникнуть и найти сторонников идея диктатуры элиты, правительства меньшинства, удерживаемого у власти с

помощью силы и правящего в интересах всех. Но сила никогда не станет средством преодоления указанных трудностей. Тирания меньшинства не может продолжаться, пока ей не удастся убедить большинство в необходимости или, по крайней мере, в полезности ее правления. Но тогда меньшинство не нуждается более в силе для того, чтобы удерживаться у власти.

В истории множество впечатляющих примеров того, что даже наиболее жестокой политики подавления бывает недостаточно для сохранения власти у такого правительства. Стоит привести всего один, самый недавний и самый известный пример: когда большевики захватили власть в России, они были незначительным меньшинством, и их программа не встречала достаточной поддержки среди огромных масс их соотечественников. Крестьянство составляло основную массу русского народа, не имело ничего общего с большевистской политикой коллективизации в деревне. Крестьяне хотели раздела земли среди «деревенской бедноты», как называли эту часть населения большевики. И именно программа крестьянства, а не марксистских вождей была в действительности проведена в жизнь. Для того чтобы остаться у власти, Ленин и Троцкий не только приняли эту аграрную реформу, но даже сделали ее частью собственной программы, которую они и приняли для защиты от внутренних и внешних нападков. Только таким образом большевикам удалось завоевать доверие огромных масс русского народа. С того момента, как большевики приняли политику раздела земли, они правили уже не против воли широких народных масс, а с их согласия и поддержки. Для них были открыты только две возможности: надо было пожертвовать либо программой, либо властью. Они выбрали первую и остались у власти. Третьей возможности, т.е. возможности проводить программу с помощью силы против воли широких народных масс, вообще не существовало. Как всякое решительное и хорошо организованное меньшинство, большевики могли захватить власть силой и удерживать ее в течение короткого времени. В длительной перспективе, однако, они смогли бы удержать власть не дольше, чем любое другое меньшинство. Все многочисленные попытки белых свергнуть большевиков потерпели неудачу, потому что массы русского народа были против них. Но даже если бы это удалось, то победителям тоже пришлось бы уважать желания подавляющего большинства населения. После того как раздача земли стала свершившимся фактом, они уже не смогли бы вернуть помещикам то, что было у них отнято.

Только та группа, которая может рассчитывать на согласие управляемых ею людей, в состоянии установить длительный режим. Тот, кто хочет видеть мир управляемым в соответствии со своими идеями, должен стремиться к власти над умами людей. Невозможно на долгий срок подчинить людей про-

тив их воли режиму, который они отвергают. Тот, кто пытается сделать это с помощью силы, в конечном счете потерпит неудачу, и борьба, спровоцированная его попыткой, принесет больше вреда, чем могло бы принести самое худшее правительство, основывающееся на согласии управляемых людей. Людей нельзя сделать счастливыми против их воли.

10. Доводы фашизма

Несмотря на то что либерализм нигде не нашел полного признания, его успех в XIX веке был настолько серьезным, что некоторые из наиболее важных принципов либерализма стали считаться неоспоримыми. К 1914 году даже наиболее упорные и злейшие его враги вынуждены были примириться с тем, что многие либеральные принципы воспринимались как не подлежащие сомнению. Даже в России, куда проникли лишь несколько слабых лучей либерализма, защитникам царской деспотии, преследуя своих противников, все же приходилось принимать во внимание либеральные мнения в Европе. В течение [первой] мировой войны военные партии воюющих наций при всем своем рвении все же должны были в борьбе против внутренней оппозиции проявлять определенную умеренность.

Только когда исповедующие марксизм социал-демократы завоевали господство и захватили власть в полной уверенности, что эпоха либерализма и капитализма ушла навеки, тогда исчезли и последние уступки либеральной идеологии, которые до этого все еще считались необходимыми. Партии Третьего Интернационала считают любое средство допустимым, если им кажется, что оно сулит помощь в борьбе за достижение их результатов. Тот, кто не признает безоговорочно и целиком единственно правильного их учения и не поддерживает их, несмотря на все препятствия, заслуживает, по их мнению, смертного приговора; и они, не колеблясь, уничтожат и его, и всю его семью, включая детей, – там и тогда, где и когда физически возможно.

Откровенное проведение политики истребления оппонентов и убийства, совершаемые во исполнение этой политики, положили начало противоборствующему движению. Пелена внезапно спала с глаз некоммунистических врагов либерализма. До этого они верили, что даже в борьбе против ненавистного противника все же следует уважать определенные либеральные принципы. Им приходилось, хотя и неохотно, исключать убийства и террористические акты из списка мер, к которым можно прибегать в политической борьбе. Им приходилось мириться со многими ограничениями в преследовании оппозиционной прессы и в подавлении свободы слова. Теперь вдруг они увидели, что появились оппоненты, которые не обращают внимания на подобные соображения, для кого все средства хороши, чтобы нанести поражение противнику. Милитаристские и националистические враги Третьего Интернациона-

ла почувствовали себя обманутыми либерализмом. Либерализм, думали они, остановил их руку, когда они хотели нанести удар по революционным партиям, пока было еще возможно это сделать. Если бы, полагали они, либерализм им не помешал, они бы кровью в корне пресекли революционные движения. Революционные идеи получили возможность укорениться и расцвести только благодаря терпимости, проявленной ими к противникам, а их сила воли была ослаблена чрезмерным вниманием к либеральным принципам. Если бы много лет назад им пришла в голову идея, что можно просто-напросто жестоко разгромить любое революционное движение, то никогда не стали бы возможны победы, одержанные Третьим Интернационалом начиная с 1917 года. Когда дело доходит до стрельбы или драки, то милитаристы и националисты полагают, что они – самые меткие стрелки и самые искусные бойцы.

Фундаментальная идея этих движений, которая, по имени самого грандиозного и хорошо организованного среди них, итальянского, может быть названа фашистской состоит из тех же самых недобросовестных методов борьбы) против Третьего Интернационала, которые оно использует против своих противников. Третий Интернационал стремится истребить своих врагов и их идеи тем же способом, которым врач-гигиенист старается истребить заразные бактерии – он не считает себя хоть как-то связанным условиями какого-либо соглашения, которое он мог бы заключить с противниками, и полагает, что любая ложь и любая клевета в этой борьбе допустимы. Фашисты по крайней мере, в принципе, открыто высказывают такие намерения. То, что они пока не так сильно, как русские большевики, преуспели в освобождении себя от соблюдения определенных либеральных представлений, идей и традиционных этических норм, следует связывать единственно с тем фактом, что фашисты делают свое дело среди наций, в которых невозможно одним ударом уничтожить интеллектуальное и нравственное наследие нескольких тысячелетий, а не среди варварских народов по обе стороны Урала, отношение которых к цивилизации всегда было примерно таким же, как отношение мародерствующих обитателей лесов и пустынь, привыкших совершать время от времени грабительские набеги на цивилизованные земли в погоне за добычей. Из-за этой разницы фашизму никогда не удастся столь абсолютно, как русскому большевизму, освободиться от либеральных идей. Только под свежим впечатлением убийств и зверств, совершаемых поборниками Советов, немцы и итальянцы смогли вычеркнуть из памяти традиционные сдерживающие принципы справедливости и нравственности и получить импульс к кровавой расправе. Деяния фашистов и других им соответствующих партий были эмоциональными, рефлексными действиями, вызванными возмущением против деяний большевиков и коммунистов. Как только прошел первый

приступ злости, их политика приняла более умеренный курс и, возможно, станет еще более умеренной с течением времени. <Напомним читателю, что книга Л. Мизеса была написана в 1927 году. Развитие идеологии и практики фашизма в последующие годы быстро отбило охоту у либералов видеть в нем союзника в борьбе с коммунистами. – *Прим. науч. ред.*>

Эта умеренность является результатом того, что традиционные либеральные взгляды по-прежнему продолжают неосознанно влиять и на взгляды фашистов. Но как бы то ни было, и переход правых партий к тактике фашизма показывает: сражение против либерализма окончилось такими успехами, которые всего лишь немного времени назад считались бы совершенно немыслимыми. Многие люди одобряют методы фашизма, потому что, несмотря на то что его экономическая программа является в целом антилиберальной, а политика – совершенно интервенционистской, они далеки от того бессмысленного и неограниченного деструкционизма, которым коммунисты заклеили себя как архивраги цивилизации. Другие, полностью отдавая себе отчет в том, какое зло несет фашистская экономическая политика, смотрят на фашизм, в сравнении с большевизмом и советизмом, как, по крайней мере, на меньшее из зол. Однако же для большинства открытых или тайных сторонников и почитателей привлекательность фашизма состоит именно в насильственном характере его методов.

Теперь невозможно отрицать, что единственный способ, которым можно оказать действенное сопротивление насильственным методам, – это насилие. Против оружия большевиков в качестве ответной меры следует применять оружие, и было бы ошибкой проявлять слабость перед убийцами. Ни один либерал никогда не подвергал это сомнению. Либеральную политическую тактику от фашистской отличает не различие во взглядах на необходимость использовать силу оружия для сопротивления вооруженным нападениям, а различие в фундаментальной оценке роли насилия в борьбе за власть. Огромная опасность, угрожающая внутренней политике со стороны фашизма, лежит в его безграничной вере в решающую роль насилия. Для того чтобы добиться успеха, надо быть исполненным воли к победе и всегда действовать силой. Это высочайший принцип фашизма. Что происходит, однако, когда чей-либо противник, точно так же воодушевленный волей к победе, действует точно так же насильственно? Результатом должна стать битва, гражданская война. Окончательным победителем будет более многочисленная сторона. В конечном итоге меньшинство, даже если оно состоит из наиболее способных и энергичных, не может добиться успеха в сопротивлении большинству. Решающий вопрос, следовательно, остается всегда один: каким образом можно добиться большинства для своей партии? Это, однако, дело чисто ин-

теллектуального характера. Такого рода победа может быть одержана только с помощью разума, а не силы. Подавление всей оппозиции одним только насилием – наиболее неудобный способ завоевания сторонников любого курса. Использование прямой силы – так уж устроено общественное мнение – попросту вербует новых друзей для тех, с кем пытаются таким образом бороться. В борьбе между силой и идеей всегда побеждает идея.

Фашизм может восторжествовать сегодня потому, что всеобщее возмущение бесчестьями, творимыми социалистами и коммунистами, завоевало ему симпатии широких кругов. Но когда свежее впечатление от преступлений большевиков несколько потускнеет, социалистическая программа снова станет привлекать массы. Потому что фашизм не делает ничего для того, чтобы побороть эту программу, кроме подавления социалистических идей и преследования людей, которые их распространяют. Если бы он действительно хотел одолеть социализм, то ему бы пришлось противопоставить социализму идеи. Существует, однако, лишь одна идея, которая может эффективно противостоять социализму, а именно идея либерализма.

Часто говорилось, что ничто так не способствует делу, как сотворение мучеников. Это верно, но только отчасти. Укрепляет дело преследуемой стороны не мученичество его защитников, а тот факт, что на них нападают с помощью силы, а не с помощью разума. Подавление грубой силой – это всегда признание неспособности использовать лучшую силу – силу разума – лучшую, потому что только она обещает конечный успех. Это фундаментальная ошибка, от которой страдает фашизм и которая в конечном счете приведет к его падению. Победа фашизма в ряде стран – это только эпизод в долгом ряду сражений «за» и «против» собственности. Следующим эпизодом будет победа коммунизма. Окончательный исход борьбы, однако, будет решаться не оружием, а идеями. Именно идеи разделяют людей на борющиеся группировки, вкладывают оружие в их руки и определяют, против кого и за кого это оружие употребить. Только они, а не оружие в конечном счете решают исход дела.

Эти соображения касаются внутренней политики фашизма. Его внешняя политика, основанная на открыто признаваемом принципе силы в международных отношениях, не может не вызвать бесконечной серии войн, способных уничтожить всю современную цивилизацию, и не требует дальнейшего обсуждения. Чтобы поддерживать и повышать дальше наш нынешний уровень экономического развития, нужно, чтобы был гарантирован мир между народами. Но народы не могут жить вместе в мире, если основополагающая идеология состоит в вере в то, что какой-то народ может обеспечить себе мир в сообществе наций только силой.

Нельзя отрицать того, что фашизм и близкие к нему движения, направленные на установление диктатур, полны лучших намерений, и их интервенция в данный момент спасла Европейскую цивилизацию. Заслуга, которую фашизм таким образом завоевал себе, навечно останется в истории. Но несмотря на то что его политика принесла в данный момент спасение, она не принадлежит к числу тех, что может сулить продолжительный успех. Фашизм был временным чрезвычайным средством. Расценивать его как что-то большее было бы фатальной ошибкой. <Сегодня эти строки звучат как напоминание о той страшной цене, которую заплатила наша цивилизация за трагическую слепоту влиятельных представителей своей интеллектуальной элиты как на западе, так и на востоке Европы. – *Прим. науч. ред.*>

11. Границы правительственной деятельности

Задача государства, как ее видит либерал, состоит единственно и исключительно в гарантии защиты жизни, здоровья, свободы и частной собственности от насильственных нападений. Все, что идет дальше этого, есть зло. Правительство, которое вместо выполнения этих задач, зашло бы так далеко, чтобы, например, посягнуло на персональные гарантии жизни и здоровья, свободы и собственности, было бы, конечно, абсолютно неподходящим.

Все же, как говорит Джакоб Буркхардт, власть сама по себе есть зло, неважно, кто ее осуществляет. Она имеет тенденцию развращать тех, кто ею обладает, и приводит к злоупотреблениям. Не только абсолютные монархи и аристократы, но также и массы, в чьи руки демократия ввергает высшую государственную власть, также очень легко склоняются к излишествам.

В Соединенных Штатах запрещено производство и продажа алкогольных напитков. <Речь идет о так называемом «сухом законе», действовавшем в США – *Прим. науч. ред.*> Другие страны не заходят так далеко, но почти везде налагаются некоторые ограничения на продажу опиума, кокаина и подобных наркотиков. Одной из общепризнанных задач законодательства и правительства считается защита человека от самого себя. Даже те, кто в других случаях обычно опасается расширения сферы правительственной деятельности, считают вполне нормальным, чтобы свобода человека в этом отношении была ограничена. Право, только невежественный доктринер может быть против таких запретов. В самом деле, этот тип вмешательства властей в жизнь человека встречает такое признание, что противники либерализма склонны строить на этой основе свои доводы и выводить заключение, что полная свобода – это зло и некоторые ограничительные меры все же должны налагаться на свободу индивида правительственной властью, выступающей в качестве попечителя частного благополучия. Не возникает вопроса, должны

ли власти налагать ограничения на свободу, а существует только вопрос, как далеко они должны зайти в этом отношении.

Не стоит тратить слов по поводу очевидной истины – все наркотики вредны. Вопрос здесь не в том, вредно ли даже малое количество алкоголя, или вред приносит только злоупотребление алкогольными напитками. То, что алкоголизм, пристрастие к кокаину и морфию являются смертельными врагами жизни, здоровья и способности к работе и наслаждениям, есть установленный факт; и утилитарист должен, следовательно, считать их пороками. Но все это вовсе не означает, что власти должны подавлять эти пороки, вводя торговые запреты. Также никоим образом не очевидно, что такое вмешательство со стороны правительства действительно способно подавить эти пристрастия или, даже если этот результат мог бы быть достигнут, это еще не означало бы, что тотчас же не открылся бы ящик Пандоры и оттуда не появились бы другие, не менее вредоносные, чем алкоголизм и морфинизм, опасности.

Никто не мешает жить в воздержании или в умеренности тому, кто убежден, что употребление или чрезмерное употребление этих отрав пагубно. Этот вопрос нельзя рассматривать исключительно в отношении алкоголизма, пристрастия к морфию и кокаину и т.д., которые всеми здравомыслящими людьми признаются злом. Дело здесь в другом: если большинству граждан, в принципе, дано право навязывать свой образ жизни меньшинству, то невозможно ограничиться запретами потребления алкоголя, морфия, кокаина и подобных ядов. Разве то, что правильно в отношении этих ядов, не должно быть правильно также и для никотина, кофеина и других подобных веществ? Почему бы государству вообще не начать предписывать, какую пищу можно потреблять, а какой следует избегать, потому что она вредна? В спорте, например, также многие люди склонны делать больше, чем им позволяют силы. Почему бы государству не вмешаться и сюда? Немногие знают, как быть умеренными в сексуальной жизни, и, по-видимому, стареющим людям особенно трудно понять, что вообще следовало бы перестать предаваться подобным удовольствиям или, по крайней мере, заниматься этим в меру. Не должно ли государство вмешаться и сюда?

Еще более вредным, чем все эти удовольствия, скажут многие, является чтение порочной литературы. Следует ли позволять прессе, потворствующей самым низменным инстинктам, развращать душу? Не стоит ли запретить показ порнографических картинок, неприличных пьес, короче, всех приманок безнравственности? И не является ли распространение ложных социологических учений столь же вредным для людей и народов? Следует ли разрешать подстрекать к гражданской войне и к войнам против других стран? И следует

ли разрешать непристойным памфлетам и богохульным речам подрывать уважение к Богу и Церкви?

Мы видим, что, как только мы отказываемся от принципа, согласно которому государство не должно вмешиваться ни в какие вопросы, касающиеся образа жизни, мы приходим к регулированию и ограничению вплоть до мельчайших деталей. Личная свобода человека отменяется. Он становится рабом общества и обязан подчиняться диктату большинства. Едва ли стоит распространяться о том, какими способами могли бы злоупотреблять такими полномочиями злые люди, находящиеся у власти. Обладание властью такого типа, даже для людей, движимых самыми лучшими намерениями, непременно превратило бы мир в кладбище духа. Весь прогресс человечества был достигнут в результате инициативы небольшого меньшинства, которое начало отступать от идеалов и привычек большинства до тех пор, пока их пример не подвигнул наконец и остальных воспринять нововведения. Дать большинству право диктовать меньшинству, о чем и как ему думать, что читать и что делать, – значит, раз и навсегда положить конец прогрессу.

Не надо возражать, будто борьба против пристрастия к морфию и борьба против «вредной» литературы – совершенно разные вещи. Единственная разница между ними в том, что некоторые из тех самых людей, которые сочувствуют запрету первого, не согласятся на запрет второго. В Соединенных Штатах методисты и фундаменталисты после принятия закона, запрещающего производство и продажу алкогольных напитков, поднялись на борьбу за подавление теории эволюции, и им уже удалось в ряде штатов изгнать дарвинизм из школ. В Советской России подавляется каждое свободное выражение собственного мнения. Будет ли дано разрешение на печатание какой-либо книги, зависит от усмотрения ряда необразованных и неотесанных фанатиков, на которых правительство возложило за это ответственность заботиться о такого рода вопросах.

Склонность наших современников требовать правительственного запрета, как только им что-либо не нравится, и их готовность подчиняться таким запретам даже тогда, когда то, что запрещено, вполне для них приемлемо, показывает, сколь глубоко укоренился в них дух раболепия. Потребуется много лет самообразования, чтобы подданный превратился в гражданина. Свободный человек должен уметь мириться с тем, что его сограждане действуют и живут не так, как он считает правильным. Он должен освободиться от привычки звать полицию, как только ему что-то не нравится.

12. Веротерпимость

Либерализм ограничивает свое внимание всецело и исключительно земной жизнью и земными стремлениями. Царство религии не входит в этот

мир. Таким образом, либерализм и религия могли бы существовать бок о бок, не имея точек соприкосновения. То, что им суждено было прийти к неприязни друг друга, не было виной либерализма. Он не переходил границ своей сферы и не вторгался во владения религиозной веры или метафизической доктрины. Тем не менее он столкнулся с церковью как политической силой, претендующей на право регулировать в соответствии со своими взглядами не только отношения человека с грядущим миром, но также и дела мира нынешнего. Именно здесь и пришлось развернуть боевые порядки.

Победа, одержанная либерализмом в этом конфликте, была столь решительной, что Церковь вынуждена была раз и навсегда отказаться от тех требований, на которых энергично настаивала в течение тысячелетий. Сжигание еретиков, преследования инквизиции, религиозные войны – все это сегодня принадлежит истории. Никто сейчас не сможет понять, как мирных людей, которые соблюдали свои религиозные обряды так, как они считали правильным, в четырех стенах своего собственного дома, могли привлекать к суду, заключать в тюрьмы, мучить и сжигать. Но даже если костров больше нет *ad maiorem Dei gloriam* <к вящей славе Божьей (лат.) – Прим. пер.>, нетерпимости по-прежнему хватает.

Либерализм, однако, сам должен быть нетерпим к любому виду нетерпимости. Если считать мирное сотрудничество всех людей целью социальной эволюции, то нельзя позволить, чтобы мир нарушался священниками и фанатиками. Либерализм провозглашает терпимость к любой религиозной вере и любому метафизическому учению не по причине безразличия к этим «высшим» вещам, а из убеждения в том, что гарантия мира внутри общества должна иметь приоритет над всем и всеми. А поскольку это требует терпимости ко всем мнениям и ко всем церквам и сектам, то он должен призвать их всех вернуться в надлежащие рамки, когда они ведут себя нетерпимо. В общественной организации, основанной на мирном сотрудничестве, нет места притязанию Церкви на монополию воспитания и образования молодежи. Церквам может и должно быть отдано все, что предоставляют им приверженцы по собственной доброй воле. Им не может быть позволено ничего в отношении тех людей, которые не хотят иметь с ними ничего общего.

Трудно понять, как эти принципы либерализма могли нажить врагов среди религиозных людей различных вероисповеданий. Если они не позволяют церкви навязывать людям свою веру с помощью собственной силы или силы, данной в ее распоряжение государством, то одновременно и защищают эту же церковь от того, чтобы другие церкви и секты принудительно обращали людей в свою веру. То, что либерализм отбирает у церкви одной рукой, он снова отдает ей другой рукой. Даже религиозные фанатики вынуждены при-

знать, что либерализм не отбирает у религии ничего такого, что принадлежит ее сфере деятельности.

Конечно, церкви и секты – там, где они имеют превосходство, но могут достигнуть успеха в преследовании раскольников, – также требуют терпимости, по крайней мере к себе, там, где они оказываются в меньшинстве. Однако требование терпимости не имеет ничего общего с либеральным требованием терпимости. Либерализм требует терпимости, следуя принципу, а не из противоречия. Он требует терпимости даже к очевидно бессмысленным учениям, абсурдным формам ереси и ребячески глупым суевериям. Он требует терпимости к доктринам и мнениям, которые он считает вредными и разрушительными для общества и даже для тех движений, с которыми неумолимо борется. Требовать и проявлять терпимость либерализм побуждают из соображения о содержании доктрины, к которой следует быть терпимыми, а сознание того, что только терпимость может создать и сохранить условие социального мира, без которого человечество может снова впасть в варварство и бедность давно прошедших столетий.

Против глупого, бессмысленного, ошибочного и вредного либерализм борется оружием разума, а не грубой силой и репрессиями.

13. Государство и антиобщественное поведение

Государство представляет собой аппарат принуждения и насилия. Это верно не только в отношении «государства – ночного сторожа», но в равной мере и любого другого государства, а более всего в отношении государства социалистического. Все, что положено делать государству, оно делает с помощью принуждения и силы. Подавление поведения, опасного для общественного порядка, – самая суть государственной деятельности; в социалистическом государстве к этому добавляется контроль над средствами производства.

Здравомыслящие римляне символически выразили этот факт, изобразив топор и связку розг в качестве эмблемы государства. Глубокомысленный мистицизм, называющий себя философией, сделал в наше время все возможное, чтобы скрыть истинный смысл этого вопроса. Для Шеллинга государство есть прямой и видимый образ абсолютной жизни, ступень в раскрытии Абсолюта Мировой Души. Государство существует только ради самого себя, и его деятельность направлена исключительно на поддержание как сущности, так и формы своего существования. Для Гегеля в государстве проявляется Абсолютный Разум, и Объективный Дух реализуется в нем же. Это есть этический разум, развившийся в органическую реальность – реальность и этическая идея как проявившаяся, овеществленная воля. Эпигоны идеалистической философии превзошли даже своих учителей в обожествлении го-

сударства. Конечно, не ближе к истине находятся и те, кто, как Ницше, в качестве реакции на эти и подобные доктрины называют государство самым холодным из всех холодных чудовищ. Государство не является ни холодным, ни теплым, поскольку оно представляет собой абстрактную концепцию, от имени которой действуют люди в органах государства и правительства. Вся государственная деятельность есть человеческое действие, зло, причиняемое людям людьми же. Цель – сохранение общества – оправдывает действие органов государства, но зло от этого не ощущается меньше теми, кто от него страдает.

Зло, которое один человек причиняет другому, приносит вред обоим – не только тому, по отношению к кому оно делается, но и тому, кто это зло совершает. Ничто не развращает человека так сильно, как возможность быть орудием закона и причинять людям страдания. Судьба подданного – это тревога, рабский дух и прислужливое низкопоклонство; но фарисейское самодовольство, самонадеянность и высокомерие хозяина ничем не лучше.

Либерализм стремится смягчать остроту отношений правительственного чиновника и гражданина. Делая это, он, конечно, не идет по стопам тех романтиков, которые защищают антиобщественное поведение нарушителя закона и порицают не только судей и полицейских, но и общественный порядок как таковой. Либерализм не хочет и не может отрицать того, что принудительная сила государства и законное наказание преступников – это институты, без которых общество никогда, ни при каких обстоятельствах не сможет обойтись. Однако либерал полагает, что цель наказания состоит единственно в том, чтобы исключить, насколько это возможно, опасное для общества поведение. Наказание не должно быть карательным или репрессивным. Преступник заслужил приговор по закону, но не ненависть и садизм судьи, полицейского и тем более толпы, жаждущей расправы.

Наибольший вред в принудительной силе, которая оправдывает себя «именем государства», связан с тем, что она направляет свои удары против возникающих инноваций, поскольку всегда в конечном счете поддерживается согласием большинства. Человеческое общество не может обойтись без государственного аппарата, но прогресса человечеству пришлось достигать вопреки сопротивлению государства и его принуждающих сил. Не удивительно, что все, кто имел предложить человечеству что-то новое, не могли сказать ничего доброго о государстве и его законах! Неисправимые этатисты-мистики и почитатели государства вправе предъявлять им претензии. Либералы поймут их положение, даже если они не могут одобрить их взглядов. И все же каждый либерал должен противостоять этой понятной антипатии ко всему, что имеет отношение к тюремщикам и полицейским, когда она дохо-

дит до чрезмерной самонадеянности и провозглашает право человека восставать против государства. Насильственное сопротивление государственной власти – это последнее средство меньшинства в попытке вырваться из-под гнета большинства. Меньшинство, которое хочет увидеть торжество своих идеалов, должно добиваться интеллектуальными средствами того, чтобы стать большинством. Государство должно быть устроено так, чтобы рамки его законов давали человеку определенную свободу, в пределах которой он мог бы двигаться свободно. Гражданин не должен быть столь жестко ограничен в своей деятельности, чтобы при расхождении взглядов с властями он оказался перед единственным выбором – либо погибнуть, либо уничтожить государственный механизм.

II. Либеральная экономическая политика

1. Организация экономики

2. Частная собственность и ее критики

3. Частная собственность и правительство

4. Неосуществимость социализма

5. Интервенционизм

6. Капитализм – единственно возможная система общественной организации

7. Картели, монополии и либерализм

8. Бюрократизация

Примечания к главе 2

1. Организация экономики

Можно различить пять систем организации сотрудничества людей в обществе, основанном на разделении труда: систему частной собственности на средства производства, которую в развитой форме мы называем капитализмом; систему частной собственности на средства производства с периодической конфискацией всего богатства и его последующим перераспределением; система синдикализма; систему общественной собственности на средства производства, которая известна как социализм или коммунизм; и наконец систему интервенционизма.

История частной собственности на средства производства совпадает с историей развития человечества от звероподобного состояния до высших достижений современной цивилизации. Противники частной собственности приложили массу усилий, чтобы продемонстрировать, что в первобытном состоянии человеческого общества института частной собственности в законченной форме еще не существовало, потому что часть обрабатываемой земли периодически подвергалась перераспределению. Из этого наблюдения, которое показывает, что частная собственность – «историческая категория», они попытались вывести заключение, что без нее снова можно было бы спокойно обойтись. Логическая ошибка, заключающаяся в этом обосновании, столь вопиюща, что не требует дальнейшего обсуждения. Существование социальной кооперации в далекой древности в отсутствие полностью реализованной системы частной собственности не может служить доказательством того, что можно точно так же обойтись без частной собственности и на более высоких стадиях развития цивилизации. Если бы история могла вообще что-либо доказать в этом вопросе, то только то, что нигде и никогда не существовало народа, который без частной собственности сумел выйти из состояния самой гнетущей нужды и дикости, едва отличной от животного существования.

Прежде противники системы частной собственности на средства производства нападали не на институт частной собственности как таковой, а только на неравенство в распределении дохода. Они предлагали уничтожить неравенство доходов и богатства посредством системы периодического перераспределения богатства товаров или, по крайней мере, земли, которая была в то время практически единственным фактором производства. В технологически отсталых странах, где преобладает примитивное сельскохозяйственное производство, идея равного распределения собственности живет и поныне. Люди обычно называют это аграрным социализмом, хотя такое название не совсем удачно, поскольку система эта не имеет ничего общего с социализмом. Большевистская революция в России, которая начиналась как социалистическая, установила в сельском хозяйстве не социализм, т.е. общественную собственность на землю, а аграрный социализм. На значительных территориях остальной Восточной Европы разделение больших землевладений среди мелких фермеров под именем аграрной реформы выступает как идеал, поддерживаемый влиятельными политическими партиями.

Нет необходимости далее вдаваться в обсуждение этой системы. Она должна привести к сокращению продукта труда, и это вряд ли можно отрицать. Только там, где земля все еще возделывается самым примитивным способом, можно не увидеть падения производительности, которое следует за ее пределом. Каждый поймет, что бессмысленно дробить молочную ферму, оборудованную всеми средствами современной техники. Распространение принципа передела на промышленность и торговые предприятия вообще нелегко. Железную дорогу, прокатный стан или машинную фабрику невозможно разделить. Можно взяться за периодическое перераспределение собственности, если сначала совершенно разрушить экономику, основанную на разделении труда и свободном рынке, и вернуться к экономике самостоятельных усадеб, которые хотя и существуют бок о бок, но не ведут торговли и обмена.

Идея синдикализма представляет собой попытку приспособить идеал равного распределения собственности к обстоятельствам современной крупномасштабной промышленности. Синдикализм стремится вернуть владение средствами производства не индивидам и не обществу, а рабочим, занятым в конкретной отрасли промышленности или области производства.

Поскольку пропорции, в которых сочетаются материальные и личные факторы производства, в разных отраслях производства различны, то равенства в распределении собственности таким способом вообще не может быть достигнуто. С самого начала рабочий одной отрасли промышленности получит большую долю собственности, чем рабочий другой отрасли. Стоит толь-

ко задуматься о тех трудностях, которые должны будут возникнуть из постоянной необходимости перебрасывать капитал и труд из одной отрасли производства в другую. Возможно ли будет изъять капитал из одной отрасли промышленности, чтобы таким образом переоборудовать другую? Возможно ли будет уволить рабочих из одной отрасли производства, чтобы перевести их в другую, где капиталовооруженность одного рабочего меньше? Невозможность таких перебросок делает синдикалистское всеобщее благосостояние совершенно абсурдным и неосуществимым в качестве формы социальной организации. Кроме того, если мы предполагаем, что, помимо отдельных групп, и над ними существует центральная власть, которая правомочна проводить такие переброски, то мы уже имеем дело не с синдикализмом, а с социализмом. И действительно, синдикализм как социальный идеал представляет собой такой вопиющий абсурд, что рискнуть защищать его в принципе могли только тупицы, не удосужившиеся хоть как-то продумать эту проблему.

Социализм, или коммунизм, – это такая организация общества, в которой собственностью, правом использовать все средства производства, наделяется общество, т.е. государство как социальный аппарат принуждения и насилия. Для того чтобы считать общество социалистическим, несущественно, распределяется ли общественный дивиденд поровну или в соответствии с каким-либо иным принципом. Также не имеет решающего значения, осуществляется ли социализм посредством формального перехода собственности на все средства производства к государству или частные владельцы номинально сохраняют свою собственность, и социализация состоит в том, что все эти «владельцы» имеют право использовать средства производства, находящиеся в их руках, только в соответствии с предписаниями государства. Если правительство решает, что и как должно производиться, кому продаваться и по какой цене, тогда частная собственность существует только номинально. Реально же вся собственность обобществлена, поскольку движущей силой экономической деятельности является уже не стремление предпринимателей и капиталистов к прибыли, а необходимость выполнять возложенную обязанность и подчиняться командам.

Наконец надо упомянуть интервенционизм. Согласно широко распространенному мнению, существует средний путь – между социализмом и капитализмом, третий способ социальной организации: система частной собственности, регулируемая, контролируемая и направляемая постановлениями власти (актами вмешательства, или интервенционизма).

Система периодического перераспределения собственности и система синдикализма не будут обсуждаться в дальнейшем. Эти две системы обычно не вызывает особых споров. Никто из тех, кого можно воспринимать сколь-

ко-нибудь всерьез, не защищает ни одну из них. Нам предстоит заняться рассмотрением только социализма, интервенционизма и капитализма.

2. Частная собственность и ее критики

Жизнь человека – это состояние отнюдь не безоблачного счастья. Земля не есть рай. И хотя в этом нет вины социальных институтов, люди обыкновенно возлагают ответственность на них. Основой любой цивилизации служит частная собственность на средства производства. Тот, кто выступает с критикой современной цивилизации, начинает, следовательно, с частной собственности. Ее обвиняют во всем, что не нравится критику, особенно в тех бедах, которые происходили и происходят из того факта, что частной собственности мешали и в различных отношениях ограничивали, так что весь ее социальный потенциал до сих пор не смог реализоваться полностью.

Обычный способ действия критика состоит в том, чтобы представлять, как чудесно все было бы, если бы он добился своего. В мечтах он уничтожает всякую волю, противоположную его собственной, путем возвышения себя самого или кого-нибудь, чьи желания в точности совпадают с его собственными, до положения абсолютного властителя мира. Всякий, кто воспекает право сильнейшего, считает сильнейшим себя. Тот, кто поддерживает институт рабства, не перестает мечтать, как сам он мог бы быть рабом. Тот, кто требует ограничений свободы совести, требует этого в отношении других, но не для себя. Тот, кто выступает за олигархическую форму правления, всегда включает себя в олигархию, и тот, кто впадает в экстаз при мысли о просвещенном деспотизме или диктатуре, достаточно нескромен, чтобы в своих фантазиях предназначать себе роль просвещенного деспота или диктатора или, по крайней мере, ожидать, что сам он станет деспотом над деспотом или диктатором над диктатором. Точно так же, как никто не желает видеть себя в положении слабого, угнетенного, подавленного, обездоленного – в роли подданного без всяких прав. Так и при социализме, никто не мечтает ни о чем другом, кроме как о роли генерального директора или наставника генерального директора. В мечтах и фантазиях о социализме не существует никакой другой жизни, которую бы стоило жить.

Антикапиталистическая литература создала образец этих фантазий, эксплуатируя привычный прием противопоставления прибыльности и производительности. То, что происходит в капиталистическом общественном порядке, мысленно противопоставляется тому, что – в соответствии с желаниями критика – будет достигнуто в идеальном социалистическом обществе. Все, что отклоняется от этого идеального образа, характеризуется как непроизводительное. Максимальная прибыльность для конкретных людей и максимальная производительность для общества не всегда совпадают. И это долго

считалось наиболее серьезным упреком капиталистической системе. Только в последние годы стало признаваться, что в большинстве случаев социалистическое общество не могло бы действовать иным способом, чем это делают индивиды в капиталистическом обществе. Но даже там, где указанное противоречие действительно существует, невозможно предположить, что социалистическое общество обязательно делало бы все правильно, а капиталистический социальный порядок всегда следует осуждать, если он делает что-то иначе. Концепция производительности достаточно субъективна; она никак не может представлять собой отправного пункта для объективной критики.

Не стоит, следовательно, заниматься анализом размышлений нашего фантазера-диктатора. В его мечтательном видении каждый горит желанием исполнять его команды немедленно и пунктуально. Какими могут оказаться вещи в реальном, а не в воображаемом социалистическом обществе, - совершенно другой вопрос. Предположение, что равного распределения совокупного годового продукта капиталистической экономики между всеми членами общества хватит, чтобы гарантировать каждому достаточные средства к жизни, является, как показывают простые статистические расчеты, совершенно неверным. Таким образом, социалистическое общество едва ли могло бы достичь заметного повышения жизненного уровня масс. Надежду на перспективу благосостояния и даже богатства для всех социалистическое общество может сделать реальной при одном условии: труд в этом обществе будет более производительным, чем при капитализме, и социалистическая система сможет обойтись без ряда лишних и, следовательно, непроизводительных расходов.

В связи с этим вторым моментом говорят, например, об устранении бремени издержек сбыта, конкуренции и рекламы товаров. Ясно, что в социалистическом обществе нет места для такого рода расходов. И все же не стоит забывать, что социалистический механизм распределения тоже будет включать не такие уж маленькие издержки, а возможно, на самом деле даже большие, чем издержки капиталистической экономики. Но это не решающий элемент в нашем рассуждении о значении этих затрат. Социалист предполагает без всякого сомнения, как само собой разумеющееся, что в социалистической системе производительность труда будет, по крайней мере, такой же, как в капиталистическом обществе, и стремится доказать, что она будет даже выше. Но первое допущение никоим образом не является столь самоочевидным, как думают сторонники социализма. Количество вещей, производимых в капиталистическом обществе, не зависит от того способа, каким организовано производство. Решающее значение имеет тот факт, что на каждой стадии производства, в каждой отрасли особый интерес занятых в ней людей

самым тесным образом связан с производительностью конкретной доли затрачиваемого труда. Каждый работник должен напрягаться до предела, поскольку его зарплата определяется результатом его труда, и каждый предприниматель должен стремиться производить как можно дешевле – т.е. не просто с наименьшими затратами труда и капитала, но явно с меньшими, чем его конкуренты.

Только благодаря этим стимулам капиталистическая экономика и смогла произвести то богатство, которое она имеет. Выступать против упоминавшихся чрезмерных издержек механизма капиталистического сбыта – значит, близоруко смотреть на реальные вещи. Тот, кто упрекает капитализм в расточении ресурсов, потому что на шумных деловых улицах можно найти много конкурирующих галантерейщиков и еще больше табачников, не способен увидеть, что данная организация торговли – это всего лишь результат такого механизма производства, который обеспечивает наивысшую производительность труда. Весь прогресс производства был достигнут только потому, что ориентация на коммерческий успех заложена в природе этого механизма. Только благодаря тому, что все предприниматели находятся в постоянной конкуренции и их безжалостно вытесняют, если они не производят наиболее прибыльным способом, беспрестанно улучшаются и совершенствуются методы производства. Если бы этот стимул исчез, не было бы дальнейшего прогресса производства и стремления экономить ресурсы. Следовательно, совершенно абсурдно ставить вопрос о том, сколько можно было бы сберечь, если устранить издержки на рекламу. С таким же успехом можно спросить, сколько можно произвести, если уничтожить конкуренцию между производителями. Ответ на этот вопрос не вызывает сомнения.

Люди могут потреблять, только если они трудятся и, следовательно, лишь столько, сколько произведено их трудом. Характерной чертой капиталистической системы и является то, что она предоставляет каждому члену общества стимул выполнять свою работу с максимальной эффективностью и таким образом достигать наивысшей производительности. В социалистическом обществе не хватает этой прямой связи между трудом и теми товарами и услугами, которыми человек мог бы, таким образом, наслаждаться. Стимул к работе состоял бы не в возможности получать удовольствие от плодов труда, а в приказе работать со стороны властей и в собственном чувстве долга. Развернутая аргументация, что подобная организация труда невозможна, будет предложена в следующей главе.

В капиталистической системе всегда подвергается критике тот факт, что собственники средств производства занимают привилегированное положение. Они могут жить, не работая. Если смотреть на общественный порядок с

индивидуалистской точки зрения, то можно увидеть в этом серьезный недостаток капитализма. Почему одному человеку должно быть лучше, чем другому? Но тот, кто рассматривает вещи не с точки зрения конкретных людей, а с точки зрения социального порядка в целом, обнаружит, что владельцы собственности могут сохранять свое приятное положение лишь при условии, что они предоставляют услугу, без которой общество не может обойтись. Капиталист может сохранять свое приятное положение, только переводя средства производства в сферу применения, наиболее важную для общества. Если он этого не делает – а инвестирует свое богатство неразумно, – он понесет убытки, и если он вовремя не исправит ошибки, то вскоре будет безжалостно вытеснен со своего привилегированного положения. Он перестанет быть капиталистом, и его место займут другие – те, кто лучше для этого подходит. В капиталистическом обществе средства производства всегда находятся в руках наиболее подходящих для этого людей, и – хотят они этого или нет – они должны постоянно стараться применять средства производства таким образом, чтобы те приносили максимальный результат.

3. Частная собственность и правительство

Все, кто находится у политической власти: правительства, короли и республиканские руководители, всегда косо смотрели на частную собственность. Любой правительственной власти присуще стремление не признавать никаких ограничений на свои действия и распространять сферу своего господства как можно дальше. Управлять всем, не оставлять никакого простора для того, чтобы что-либо свершалось собственным путем, без вмешательства властей, – вот цель, к которой тайно стремится каждый правитель. Если бы только на пути не стояла частная собственность! Частная собственность создает для человека сферу, где он свободен от государства. Она ставит пределы осуществлению воли властей. Она позволяет другим силам действовать бок о бок и в оппозиции к политической власти. Частная собственность становится, таким образом, основой всех видов деятельности, которые свободны от насильственного вмешательства со стороны государства. Она является почвой, на которой вырастают зерна свободы и в которой коренится автономия человека, а в конечном счете – весь интеллектуальный и материальный прогресс. В этом смысле частную собственность даже назвали фундаментальной предпосылкой развития человека. Но эта последняя формулировка может быть принята лишь со многими оговорками, потому что обычное противоречие между индивидом и коллективом, между индивидуалистическими и коллективистскими идеями и целями есть не более чем устаревшее поверье.

Таким образом, никогда не существовало политической силы, которая бы добровольно воздерживалась от того, чтобы препятствовать свободному

развитию и деятельности института частной собственности на средства производства. Правительства терпят частную собственность тогда, когда они вынуждены это делать, но они не принимают ее и не признают ее необходимости добровольно. Даже либеральные политики, завоевав власть, обычно отодвигали свои либеральные принципы в большей или меньшей степени на задний план. Тенденция налагать жесткие ограничения на частную собственность, злоупотреблять политической властью и отказываться уважать или признавать любую свободную сферу – вне пределов господства государства – слишком глубоко укоренилась в менталитете тех, кто управляет правительственным аппаратом принуждения и насилия, чтобы они когда-либо были способны добровольно ей противостоять. Либеральное правительство – это *contradictio in adjecto* <внутреннее противоречие, логическая нелепость, (лат.) – Прим. пер.>. Правительства должны быть вынуждены принять либерализм силой единогласного мнения народа; и не стоит ожидать того, чтобы они стали либеральными добровольно.

Легко понять, что могло бы принудить правителей признать права собственности их подданных в обществе, состоящем исключительно из фермеров, где все в равной степени богаты. При таком общественном устройстве каждая попытка ограничить право собственности немедленно встретила бы сопротивление объединенного фронта всех подданных против правительства и таким образом привела бы к падению последнего.

Однако ситуация коренным образом отличается в таком обществе, где существует не только сельскохозяйственное, но и промышленное производство, и особенно там, где существуют предприятия большого бизнеса, предусматривающие крупномасштабные инвестиции в промышленность, добычу ресурсов и торговлю. В таком обществе тем, в чьих руках правительство, вполне удается предпринимать действия, направленные против частной собственности. В действительности, нет ничего более политически выгодного правительству, чем нападки на права собственности – это всегда было простым средством подстрекания масс против владельцев земли и капитала. Поэтому с незапамятных времен идеей всех абсолютных монархов, всех деспотов и тиранов было объединение себя с «народом» в союз против классов собственников. Вторая империя Людовика Наполеона была не единственным режимом, основанным на принципе цезаризма.

Прусское авторитарное государство Гогенцоллернов (Hohenzollerns) также подхватило идею, введенную в германскую политику Лассалем во время конституционной борьбы в Пруссии, о завоевании поддержки рабочих масс для борьбы с либеральной буржуазией посредством политики этатизма и интервенционизма. Это было основополагающим принципом «обще-

ственной монархии», столь высоко превозносимой Шмоллером и его школой.

Однако несмотря на все преследования, институт частной собственности уцелел. Ни злоба всех правительств, ни враждебная компания писателей и моралистов, церкви и религий, ни возмущение масс – само по себе коренящееся в инстинктивной зависти – не смогли добиться его уничтожения. Каждая попытка заменить его каким-нибудь другим способом организации производства и распределения всегда быстро оказывалась абсурдной и неосуществимой. Людям пришлось признать, что без института частной собственности не обойтись и вернуться к нему, независимо от того, нравился он им или нет.

Тем не менее до сих пор люди отказываются понять причину возврата к институту свободной частной собственности на средства производства. Ее следует искать в том факте, что экономическая система, служащая нуждам и целям жизни в обществе, в принципе неосуществима иначе, как на этой основе. Люди оказались неспособны заставить себя избавиться от идеологии, к которой они привязались, а именно веры в то, что частная собственность есть зло, без которого невозможно до поры до времени обойтись, – по крайней мере, до тех пор, пока человечество в достаточной степени не разовьется этически. Несмотря на то что правительства – конечно, вопреки своим намерениям и стремлениям, свойственным каждому организованному центру власти, – смирились с существованием частной собственности, они по-прежнему продолжают твердо придерживаться (не только внешне, но и в своем мышлении) идеологии, враждебной правам собственности. В самом деле, они считают непринятие частной собственности в принципе правильным, а каждое отклонение от него с их стороны – связанным только с их собственной слабостью или с учетом интересов влиятельных групп.

4. Неосуществимость социализма

Социализм обычно считается неосуществимым на том основании, что человеку не хватает моральных качеств, требуемых для социалистического общества. Существует опасение, что при социализме большинство людей не будут проявлять того же усердия в исполнении своих обязанностей и задач, какое они вкладывают в ежедневную работу при общественном порядке, основанном на частной собственности на средства производства. В капиталистическом обществе каждый человек знает, что плоды его труда принесут удовольствие ему самому, что его доход растет или уменьшается в соответствии с тем, насколько продукт его труда растет или уменьшается.

В социалистическом обществе человек будет думать, что от эффективности его труда мало что зависит, поскольку ему в любом случае причитает-

ся фиксированная доля совокупного продукта, а размер этого последнего не может заметно сократиться вследствие потерь, вызываемых ленью любого человека. В действительности следует опасаться того, что данное убеждение станет всеобщим и производительность труда в социалистическом обществе значительно упадет.

Возражение, выдвигаемое, таким образом, против социализма, совершенно логично, но оно не проникает в существо дела. Если бы в социалистическом обществе возможно было выделить продукт труда каждого работника с той же точностью, с какой это делается в капиталистической системе при помощи экономического расчета, осуществимость социализма не зависела бы от доброй воли конкретного человека. Общество могло бы, по крайней мере в определенных пределах, определить долю суммарного выпуска, предназначенную каждому рабочему, на основе размера его вклада в производство. Неосуществимым социализм делает именно то, что расчет такого рода в социалистическом обществе невозможен.

В капиталистической системе подсчет прибыльности дает тот способ, который указывает человеку, должно ли его предприятие при данных обстоятельствах действовать вообще, и работает ли оно наиболее эффективным способом из возможных, т.е. при наименьших издержках факторов производства. Если дело оказывается неприбыльным, то это означает, что сырье, полуфабрикаты и труд, которые для него требуются, применяются другими предприятиями для получения результата, более необходимого и более важного с точки зрения потребителей, или для получения того же самого результата, но более экономичным способом (т.е. с меньшими затратами капитала и труда). Так, например, ручное ткачество стало в какой-то момент невыгодным. Это означало, что капитал и труд, занятый в машинном ткачестве, дает больше продукции и, следовательно, неэкономично держаться того метода производства, в котором те же самые затраты капитала и труда приносят меньший результат.

Когда планируется новое предприятие, то можно посчитать заранее, станет ли оно вообще прибыльным и каким образом этого добиться. Если, например, есть намерение построить железную дорогу, то можно путем оценки ожидаемого объема перевозок, затрат и выручки подсчитать, стоит ли вкладывать капитал и труд в такое предприятие. Если результат такого расчета покажет, что проектируемая железная дорога не обещает прибыли, то это лишь сигнализирует, что существует другая, более необходимая обществу сфера применения капитала и труда, чем сооружение этой железной дороги. Мир пока не настолько богат, чтобы позволить себе такой расход. Но расчет затрат и прибыли является решающим только тогда, когда возникает во-

прос, стоит ли вообще начинать данное дело. Он управляет каждым шагом, который делает предприниматель при ведении своего бизнеса.

Капиталистический экономический расчет, который только и делает возможным рациональное производство, основан на денежной оценке затрат. Только потому, что ценность всех товаров и услуг на рынке может быть выражена в денежных единицах, эти товары и услуги могут, несмотря на их неоднородность, входить в расчет, предусматривающий однородные единицы измерения. В социалистическом обществе, где всеми средствами производства владеет государство и где, следовательно, не существует рынка и обмена производимыми товарами и услугами, не может также быть цен, выраженных в денежных единицах на сложные товары и услуги. Таким образом, у такой общественной системы не оказалось бы инструмента для рационального управления предприятиями, т.е. не было бы экономического расчета, поскольку экономический расчет не может проводиться без общего знаменателя, к которому могут быть приведены все разнородные товары и услуги.

Рассмотрим простейший случай. Железную дорогу из пункта А в пункт Б можно проложить по нескольким маршрутам. Представим, что между А и Б стоит гора. Железная дорога может быть построена так, чтобы она проходила по горе, вокруг горы или с помощью туннеля сквозь гору. В капиталистическом обществе вычислить, какая ветка окажется наиболее прибыльной, - простейшее дело. Определяются капитальные затраты, необходимые на сооружение каждой из трех линий, и различия в текущих издержках, связанных с эксплуатацией каждой дороги. Из этих цифр нетрудно определить, какой вариант строительства будет наиболее прибыльным. В социалистическом обществе не могло быть сделано таких расчетов. Оно не имело бы реального способа приведения к единому измерителю всех товаров и услуг – разнородного количества и качества, - которые в данном случае берутся в расчет. Перед обычными, ежедневными проблемами, связанными с управлением экономикой, социалистическое общество будет беспомощно, поскольку у него не будет верного способа вести такие расчеты.

Процветанием, которое дало возможность сегодня жить на нашей земле значительно большему числу людей, чем в докапиталистическую эпоху, мы обязаны единственно капиталистическому методу производства, состоящему из очень длинных производственных цепочек, функционирование которых необходимо требует денежного расчета. А именно это и невозможно при социализме. Напрасно трудились социалистические писатели, чтобы продемонстрировать, как можно обойтись даже без денежной оценки затрат и результатов. Все их усилия в этом отношении потерпели неудачу.

Итак, руководители социалистического общества столкнулись бы с проблемой, которую едва ли смогли бы решить. Невозможно было бы определить, какой из бесчисленных способов действия является наиболее рациональным. Возникший хаос в экономике быстро и неминуемо привел бы к всеобщему обнищанию и к движению назад, к примитивным условиям, при которых когда-то жили наши предки.

Социалистический идеал, доведенный до своего логического завершения, вылился бы в общественный порядок, в котором все средства производства принадлежат народу в целом. Производство всецело находится в руках правительства, центра власти в обществе. Оно одно определяет, что и как следует производить и каким способом распределять товары. Не имеет большого значения, будет ли социалистическое государство построено демократическим или каким-либо иным путем. Даже демократическое социалистическое государство непременно представляло бы собой жестко организованную бюрократию, в которой каждый, за исключением высших властей, находился бы в подчиненном положении чиновника, обязанного неукоснительно выполнять директивы. При этом он мог бы, используя свою возможность как избирателя, даже принимать участие каким-либо способом в выработке этих директив центральной власти.

Социалистические государственные предприятия такого типа несопоставимы с государственными предприятиями, независимо от их размеров, которые, как мы видим, развиваются в последние десятилетия в Европе, особенно в Германии и в России. <Речь идет о России периода «новой экономической политики». – *Прим. науч. ред.*> Все они процветают бок о бок с частной собственностью на средства производства. Они вступают в коммерческие сделки с предприятиями, которыми владеют и управляют капиталисты, и они получают от этих предприятий разнообразные стимулы, укрепляющие их деятельность. Государственным железным дорогам, например, их поставщики, производители локомотивов, вагонов, сигнальных сооружений и другого оборудования, предоставляют механизмы, которые уже успешно проявили себя где-нибудь на железных дорогах, находящихся в частной собственности. Таким образом, государственные предприятия получают стимул вводить инновации и не отстают от прогресса в технологии и в методах управления бизнесом, который совершается вокруг них.

Общеизвестно, что государственные и муниципальные предприятия в общем и целом потерпели провал: они дороги и неэффективны, их приходится субсидировать из налоговых фондов. Конечно, там, где общественное предприятие занимает монопольное положение, как, например, обычно бывает в случае муниципального транспортного оборудования, электрического

освещения и электростанций, негативные последствия неэффективности не обязательно выражаются в видимом финансовом крахе. При определенных обстоятельствах эту ситуацию можно скрыть, используя монопольное положение, – поднять цены на товары и услуги на такой высокий уровень, что сделать эти предприятия прибыльными, несмотря на неэкономичное управление. Более низкая производительность социалистического способа производства здесь просто проявляется иначе и не так легко распознается. По существу, однако, дело обстоит так же.

Но ни один эксперимент социалистического управления конкретными предприятиями не может дать нам каких-либо оснований для заключения о том, что было бы, если бы реализовался социалистический идеал общественной собственности на все средства производства. В социалистическом обществе будущего, в котором не останется никакого простора для свободной деятельности частных предприятий, работающих бок о бок с теми предприятиями, которыми владеет и управляет государство, центральному плановому органу будет не хватать того критерия, который дается всей экономике рынком и рыночными ценами. На рынке, куда поступают все товары и услуги, обменные соотношения (пропорции), выраженные в денежных ценах, охватывают все, что покупается и продается. В общественном порядке, основанном на частной собственности, появляется, таким образом, возможность прибегнуть к денежному расчету для сравнения результатов всех видов экономической деятельности. Общественная производительность каждой экономической операции может быть измерена посредством бухгалтерии и калькуляции затрат. Остается еще показать, что общественные предприятия не способны производить калькуляцию затрат тем же способом, что и частные предприятия. Тем не менее денежный расчет все же дает даже государственным и общественным предприятиям некоторую основу для выяснения успеха или неудачи их деятельности. В полностью социалистической экономической системе это было бы совершенно невозможно, так как в отсутствие частной собственности на средства производства не могло бы быть обмена товарами производственного назначения, не было бы рынка и, следовательно, рыночных цен, денежного расчета. Общее руководство чисто социалистического общества не будет, следовательно, иметь средства привести к общему знаменателю издержки производства всех разнородных товаров, которые оно планирует произвести.

Также нельзя достичь этого путем определения расходов в натуральном выражении для сравнения со сбережениями в натуральном выражении. Нельзя ничего рассчитать, если невозможно привести к общей мере часы труда различного качества, железо, уголь, стройматериалы каждого вида, машины

и все остальные продукты, требуемые для деятельности и управления различными предприятиями. Расчет возможен только тогда, когда мы в состоянии привести все рассматриваемые товары и услуги к денежным единицам. Конечно, и денежная калькуляция имеет свои несовершенства и недостатки, но у нас нет ничего лучшего в качестве замены. Действенность денежной системы достаточна для практических целей жизни. Если бы мы отказались от денежной оценки, никакое экономическое вычисление стало бы абсолютно невозможным.

Это и есть то решающее возражение, которое экономическая наука выдвигает против возможности социалистического общества. Такое общество должно было бы отказаться от узкой сферы особого рода интеллектуального труда, которая представляет собой не что иное, как сотрудничество всех предпринимателей, землевладельцев и рабочих – производителей и потребителей – при формировании рыночных цен. Но без этого рациональность, т.е. возможность, экономического расчета немыслима.

5. Интервенционизм

Социалистический идеал сейчас все больше и больше начинает терять своих сторонников. Глубинные экономические и социологические исследования проблем социализма, которые показали его неосуществимость, не остались без последствий, и неудачи, которыми везде окончились социалистические эксперименты, привели в замешательство даже его наиболее вдохновенных приверженцев.

Постепенно люди снова начинают понимать, что общество не может обойтись без частной собственности. Тем не менее враждебная критика, которой подвергалась система частной собственности на средства производства в течение последних десятилетий, оставила столь сильное предубеждение против капиталистической системы, что, несмотря на то что люди знают о несоответствии социализма требованиям жизни и о его неосуществимости, они не могут решиться открыто признать необходимость возврата к либеральным взглядам на собственность. Признается, конечно, что социализм, т.е. общественная собственность на средства производства неосуществим вообще или, по крайней мере, на данный момент. Но, с другой стороны, утверждается, что ничем не сдерживаемая частная собственность на средства производства также есть зло.

Таким образом, люди хотят создать третий путь, форму общества, стоящую посередине между частной собственностью на средства производства, с одной стороны, и общественной собственностью на средства производства – с другой. Частной собственности будет позволено существовать, но способы, которыми средства производства станут использоваться предпринимателями,

капиталистами и землевладельцами, будут регулироваться, управляться и контролироваться постановлениями властей. Таким путем формируется концептуальный образ регулируемого рынка, капитализма, ограниченного указами властей, и частной собственности, лишенной своих якобы вредных неотъемлемых качеств посредством государственного вмешательства.

Лучше всего смысл и природа этой системы видны из некоторых примеров последствий государственного вмешательства. Наиболее решающие акты такого рода, с которыми нам приходится иметь дело, нацелены на установление цен на товары и услуги на уровне, отличном от того, который был бы определен свободным рынком.

В том случае, когда цены формируются на свободном рынке или сформировались бы в отсутствие вмешательства со стороны властей, издержки производства компенсируются выручкой от продаж. Если правительством устанавливается более низкая цена, то выручка не компенсирует затрат. До тех пор пока хранение товаров, на которые распространяется это, не вызовет стремительного понижения их цен, торговцы и производители будут изымать их с рынка в надежде на более благоприятные времена. Возможно, в ожидании того, когда указание правительства будет отменено. Если власти не хотят, чтобы данные товары совсем исчезли с рынка в результате их вмешательства, то они не могут ограничиться установлением цены. Они должны в то же время потребовать, чтобы все имеющиеся запасы продавались бы по предписанной цене.

Но даже и этого недостаточно. При цене, определенной свободным рынком, предложение и спрос совпали бы. Теперь же, когда правительственным указом цена зафиксирована на более низком уровне, спрос увеличился, тогда как предложение осталось неизменным. Имеющихся запасов недостаточно, для того чтобы полностью удовлетворить всех, кто готов платить установленную цену. Часть спроса останется неудовлетворенной. Механизм рынка, который в других случаях стремится уравновесить предложение и спрос с помощью колебаний цен, более не действует. Теперь покупатели, которые были готовы платить цену, установленную властями, должны покинуть рынок с пустыми руками. Те, кто был в очереди раньше или кто имел положение, позволяющее использовать личные связи с продавцами, уже разобрали весь запас. Другие вынуждены уходить, не получив ничего. Если правительство хочет избежать такого рода последствий своего вмешательства, идущих вразрез с его намерениями, то оно должно добавить к контролю за ценами и принудительной продаже еще и рacionamento. Таким образом правительственное регулирование должно определять, сколько товара может предоставляться каждому конкретному претенденту по установленной цене.

Но раз имевшиеся в момент правительственного вмешательства запасы уже истощились, возникает несравнимо более трудная проблема. Раз товары следует продавать по цене, назначенной правительством, то производство более не является прибыльным. Следовательно оно будет сокращено или вообще остановлено. Если правительство по каким-то причинам хочет, чтобы производство все же продолжалось, оно должно принудить изготовителей продолжать производство. С этой целью ему придется также зафиксировать цены на сырье и материалы, а также ставки заработной платы. Издаваемые для этого указы, однако, не могут ограничиваться только одной или несколькими отраслями производства, которые власти хотят регулировать, потому что считают их продукты особенно важными. Регулирование должно охватить тогда уже все отрасли производства. Власти теперь должны регулировать цены всех товаров и ставки всех видов заработной платы. Короче говоря, правительство должно распространять свой контроль на деятельность всех предпринимателей, капиталистов, землевладельцев и рабочих. Капитал и труд хлынут в некоторые, еще свободные, отрасли производства, и правительству не удастся достичь своим первым актом вмешательства намеченной цели. Целью властей является рост производства именно в той отрасли промышленности, которую по причине важности ее продукции они выделили особо. И в полную противоположность их замыслу именно вследствие их вмешательства эта отрасль производства приходит в упадок.

Следовательно, совершенно очевидно, что попытка правительства вмешиваться в действие экономической системы, основанной на частной собственности на средства производства, не достигает задуманных целей. Она является, с точки зрения властей, не только бесполезной, но и явно противоречащей их цели, поскольку в огромной степени увеличивает то самое «зло», против которого была направлена. Перед тем как был введен контроль за ценой, товар был, по мнению правительства, слишком дорогим; теперь он совсем исчезает с рынка. Это, однако, не есть задуманный правительством результат: оно же хотело сделать товар дешевле и доступней. Новая ситуация - отсутствие товара, - с этой точки зрения, должна представляться намного большим злом. В этом смысле можно говорить, что вмешательство государства бесполезно и идет вразрез с той целью, которой оно было призвано служить, а система экономической политики, которая пытается действовать с помощью таких актов вмешательства, неосуществима и немыслима, так как она противоречит экономической логике.

Если правительство не восстановит правильный ход вещей, отказавшись от своего вмешательства, т.е. отменив контроль над ценами, тогда за первым шагом должны последовать и другие. К запрету назначения цены, выше ус-

тановленной, оно должно добавить не только меры, обязывающие продавать запасы в порядке принудительного рационирования, но и пределы цен на сложные товары, контроль за заработной платой, а в конечном счете – принудительный труд для предпринимателей и рабочих. Эти меры не могут ограничиваться одной или несколькими отраслями производства, они должны охватывать все хозяйство. Другого выбора просто не существует: либо воздержаться от вмешательства в свободную игру рынка, либо передать все управление производством и распределением правительству. Либо капитализм, либо социализм – третьего пути нет.

Механизм описанной цепи событий хорошо известен всем, кто был свидетелем попыток правительств во время войны и в периоды инфляции зафиксировать цены с помощью указов. Все сегодня знают, что правительственный контроль над ценами не имел никаких других результатов, кроме исчезновения с рынка тех товаров, на которые он распространялся. Везде, где правительство фиксирует цены, результат всегда один и тот же. Когда, к примеру, правительство устанавливает потолок для квартирной платы, немедленно возникает дефицит жилья. В Австрии социал-демократическая партия практически уничтожила квартирную плату. Следствием этого является нехватка жилья для многих тысяч людей, например, в Вене, несмотря на то что ее население значительно сократилось с начала мировой войны, а муниципалитет успел построить несколько тысяч новых домов.

Рассмотрим еще один пример: установление минимальных ставок заработной платы.

Когда в отношения между работодателем и служащим не вторгаются законодательные постановления или насильственные меры со стороны профсоюзов, заработная плата, выплачиваемая работодателем за каждый вид труда, в точности равна приросту стоимости, которую этот труд добавляет в процессе производства. Заработная плата не может подняться выше этого, поскольку тогда наниматель не мог бы получать прибыль и, следовательно, был бы вынужден остановить неприбыльную часть производства. Но зарплата и не может упасть, снизиться, потому что тогда рабочие перешли бы в другие отрасли производства, где их вознаграждение было бы выше, так что наниматель был бы вынужден прекратить производство по причине нехватки труда.

В экономике существует, следовательно, такой уровень заработной платы, при котором все рабочие находят применение и каждый предприниматель, желающий вести дело прибыльно при этой заработной плате, всегда находит рабочих. Эту ставку заработной платы экономисты обычно называют «равновесной», или «естественной», заработной платой. Она растет, если при

прочих равных уменьшается количество рабочих; она сокращается, если при прочих равных доступное количество капитала, которое требуется применить в производстве, также уменьшается. При этом можно заметить, что говорить просто о «заработной плате» и о «труде» не совсем точно. Трудовые услуги сильно различаются по качеству и количеству, различается и плата за труд.

Если бы экономика никогда не отклонялась от статичного состояния, то на рынке труда, свободном от вмешательства правительства или давления профсоюзов, не было бы безработных. Но статичное состояние общества – это просто воображаемая конструкция экономической теории, интеллектуальный прием, без которого не может обойтись мышление и который дает нам возможность сформировать сравнительно ясное понимание действительно происходящих в экономике процессов. Жизнь – к счастью, спешим добавить мы – динамична. В экономике никогда не бывает остановки, происходят постоянные изменения, движения, инновации, непрерывное возникновение нового. Соответственно всегда существуют отрасли производства, которые находятся в состоянии упадка и сокращения, потому что спрос на их продукты упал и отрасли – в стадии зарождения и расширения. Если вспомнить только о последних нескольких десятилетиях, то мы сразу перечислим огромное количество новых отраслей: например, автомобильная промышленность, авиастроение, киноиндустрия, вискозное производство, консервная промышленность, радиовещание. Эти отрасли сегодня дают занятие миллионам рабочих. Некоторая часть рабочих пришла из закрывшихся отраслей производства, но еще больше рабочих пришло из тех отраслей, которые в результате технологических усовершенствований способны теперь обходиться меньшим количеством рабочих. И лишь небольшая часть появилась вследствие роста населения.

Порой изменения отношений между отраслями производства протекают так медленно, что ни одному рабочему не приходится переходить на новый вид работы, и только молодые, лишь начинающие зарабатывать себе на жизнь люди найдут себе применение в основном в новых или расширяющихся отраслях. Обычно, однако, в капиталистической системе, с ее быстрыми успехами в улучшении благосостояния, прогресс совершается настолько быстро, что заставляет людей приспособливаться к нему. Когда двести или более лет назад юноша обучался ремеслу, он мог рассчитывать на то, что в течение всей жизни он будет работать так, как он научился: он не боялся пострадать от своего консерватизма. Сегодня все иначе. Рабочий тоже должен приспособливаться к изменяющимся условиям, пополнять свои знания или учиться новому. Ему приходится оставлять производство и профессию, которая более не требует такого же числа рабочих, как раньше, и вступать в де-

ло, которое только что возникло или в котором теперь требуется больше рабочих, чем прежде. Но даже если он останется на старом месте работы, ему придется изучать новые приемы, когда этого потребуют обстоятельства.

Все это воздействует на рабочего через изменения ставок заработной платы. Если в конкретной отрасли бизнеса возникнет относительный избыток рабочих, то часть рабочих увольняют, и тем, кого уволили, уже трудно найти новую работу в той же отрасли бизнеса. Давление на рынок труда, оказываемое уволенными рабочими, понижает заработную плату в конкретной отрасли. Это, в свою очередь, побуждает рабочего искать работу в тех отраслях, которые хотят привлечь новых рабочих и, следовательно, готовы платить более высокую заработную плату.

Совершенно ясно, что нужно делать, чтобы удовлетворить желание рабочих получить занятие и одновременно высокую заработную плату. Заработную плату в целом невозможно установить выше уровня, на котором она была бы на рынке, свободном от правительственного вмешательства и иного институционального давления, без того, чтобы создать нежелательные для рабочих побочные эффекты. Зарплату можно повысить в одной отрасли или даже в одной стране, если переход рабочих из других отраслей или иммиграция из других стран запрещены. Такого рода повышения зарплаты совершаются за счет тех рабочих, вход которым прегражден. Их заработная плата теперь ниже, чем она была бы, если бы не было препятствий свободе передвижения. Рост зарплаты одной группы людей, таким образом, достигается за счет остальных. Политика затруднения свободного передвижения труда может быть выгодна только рабочим в странах и отраслях, которые переживают относительный дефицит рабочей силы. В отрасли или стране, где дело обстоит иначе, существует только одна причина повышения заработной платы: рост общей производительности труда, либо за счет увеличения доступного капитала, либо путем совершенствования технологических процессов производства.

Если, однако, правительство законодательно установит минимальную заработную плату выше уровня «равновесной» или «естественной» заработной платы, то работодатели вскоре обнаружат, что они более не в состоянии успешно руководить рядом предприятий, которые были прибыльными, когда заработная плата находилась на более низком уровне. Они будут вынуждены сокращать производство и увольнять рабочих. Следовательно, результатом искусственного роста заработной платы, т.е. такого, который навязывается рынку извне, является расширение безработицы.

Теперь, конечно, больше не делается попыток широкомасштабного законодательного установления минимальных ставок заработной платы. Но

власть профсоюзов дает им возможность вмешиваться в этот процесс даже в отсутствие соответствующего законодательства. Когда рабочие создают союзы для того, чтобы торговаться с работодателями, то это само по себе необязательно вызывает нарушения в деятельности рынка. Даже тот факт, что они с успехом присваивают себе право прерывать без уведомления контракты, в которые сами надлежащим образом вступили, и объявлять забастовку, сам по себе для рынка труда не опасен. Новую ситуацию на рынке труда создает элемент принуждения, проявляющийся в забастовках и в принудительном членстве в профсоюзе. Эта ситуация характерна сегодня для большинства промышленных стран Европы. Объединенные в профсоюз рабочие отказывают в доступе к приему на работу тем, кто не является членом их союза, и прибегают к открытому насилию во время забастовок, препятствуя другим рабочим занять место бастующих. Поэтому требования по поводу заработной платы имеют в точности ту же самую силу, что и указы правительства, устанавливающие минимальные ставки заработной платы. Наниматель должен, если он не хочет вообще закрыть свое предприятие, уступить требованиям профсоюза. Он вынужден платить столь высокую заработную плату, что ему приходится сокращать объем производства: то, что производится с большими издержками, не может найти такого же рынка сбыта, как то, что стоит дешевле. Таким образом, более высокая заработная плата, вытребованная профсоюзами, становится причиной безработицы.

Безработица, вызываемая этой причиной, коренным образом отличается по степени и продолжительности от той, которая возникает из-за постоянно происходящих перемен в виде и качестве труда, требуемого на рынке. Если бы источником безработицы был только постоянный прогресс промышленности, она не приобретала бы ни значительных масштабов, ни продолжительного характера. Рабочие, которые не могут более найти себе применения в одной отрасли производства, скоро устраиваются в других, которые расширяются или только зарождаются. Когда рабочие имеют свободу передвижения, и переход из одной отрасли в другую не затруднен юридическими и другими препятствиями, то приспособление к новым условиям происходит без особых трудностей и довольно быстро. Кроме того, организация бирж труда способствует дальнейшему сокращению масштабов этого вида безработицы.

Но безработица, вызванная вмешательством в функционирование рынка факторов принуждения, – это не мимолетное, непрерывно возникающее и исчезающее явление. Она неискоренима до тех пор, пока продолжает действовать причина, вызвавшая ее существование, т.е. пока закон или давление профсоюзов препятствуют снижению заработной платы, вызванному давлением со стороны безработных до того уровня, которого она достигла бы в от-

сутствие вмешательства правительства или профсоюзов, а именно уровня, при котором все те, кто хотят работать, в конечном счете найдут работу.

Поддержка безработных со стороны правительства или профсоюзов только усугубляет зло. В случае с безработицей, возникающей в силу динамических изменений в экономике, пособия по безработице приводят только к тому, что отсрочивается приспособление рабочих к новым условиям. Безработный рабочий получающий пособие, не считает необходимым искать нового занятия, если он больше не может найти места в своем деле; по крайней мере, пройдет больше времени, прежде чем он решит перейти на новую профессию или переехать в новую местность, или прежде чем он снизит требования к ставке заработной платы до уровня той, за которую он может найти работу. Если пособия по безработице установлены не слишком низкими, можно уверенно сказать, что пока они предоставляются, безработица не может исчезнуть.

Но если безработица создается искусственным повышением уровня заработной платы вследствие прямого вмешательства правительства или его терпимости по отношению к принудительным действиям со стороны профсоюзов, то единственный вопрос заключается в том, кто должен нести дополнительные издержки – наниматели или рабочие? Государство, правительство, общество никогда не принимают этого бремени на себя – они возлагают его на нанимателя или на рабочего, или и на того, и на другого. Если бремя падает на рабочих, то они лишаются полностью или частично плодов такого искусственного повышения заработной платы. Они могут быть вынуждены нести даже большие затраты, чем получили выгоды от искусственного увеличения заработной платы. Наниматель может в некоторой степени также нести бремя пособий по безработице, если ему придется платить налог, пропорциональный совокупной сумме выплачиваемой заработной платы. В этом случае страхование по безработице, увеличивая издержки на труд, имеет тот же эффект, что и дальнейшее увеличение заработной платы выше равновесного уровня: прибыльность труда уменьшается и количество рабочих, чей труд все еще может использоваться прибыльно, соответственно сокращается. Таким образом, безработица расширяется еще больше – как раскручивающаяся спираль. Нанимателей можно также заставить нести затраты на пособия по безработице с помощью налога на прибыль или капитал, без учета численности занятых рабочих. Но эта мера имеет тенденцию еще больше увеличивать безработицу. Потому что когда капитал истощается налогами или формирование нового капитала, по крайней мере, замедляется, то и условия применения труда становятся *ceteris paribus* [при прочих равных – *лат.*] менее благоприятными. <Даже если бы заработную плату повысили искусст-

венно (с помощью вмешательства со стороны правительства или принуждения со стороны профсоюзов) одновременно во всем мире и во всех отраслях производства, результатом было бы простое увеличение потребленного капитала и в конечном итоге как следствие последнего, еще большее сокращение доли зарплаты. Я детально рассматривал этот вопрос в работах, указанных в списке литературы, в конце книги.>

Очевидно, что бесполезно пытаться устранить безработицу путем организации программ общественных работ специально для этой цели. Необходимые ресурсы для таких проектов должны быть изъяты путем налогов или займов из той сферы применения, которую они могли бы найти в ином случае. Безработица в одной отрасли может быть уменьшена подобным путем только в той мере, в которой она увеличивается в другой.

С какой бы стороны мы ни рассматривали интервенционизм, становится очевидно, что эта система ведет к результатам, которые противоречат намерениям ее инициаторов и сторонников, и даже с их точки зрения оборачивается бессмысленной, самоубийственной и нелепой политикой.

6. Капитализм – единственно возможная система общественной организации

Изучение различных мыслимых способов организации общества на основе разделения труда неизбежно приводит к одному и тому же результату: существует только выбор между общественной и частной собственностью на средства производства. Все промежуточные формы социальной организации бесполезны и на практике должны оказаться саморазрушающимися. Если признать, что социализм тоже неработоспособен, то нельзя избежать вывода, что капитализм является единственно возможной системой социальной организации, основанной на разделении труда. Этот результат теоретического исследования не явится сюрпризом для историка или философа истории. Если капитализму удалось удержаться, несмотря на враждебность со стороны правительств и масс населения, если ему не пришлось уступить дорогу другим формам общественного сотрудничества, которым в гораздо большей степени достались симпатии теоретиков и практичных деловых людей, то это надо отнести только на счет того, что никакая другая система общественной организации неосуществима.

Также нет нужды объяснять, почему невозможно вернуться к формам общественной и экономической организации, характерным для средневековья. На всей территории, населенной современными народами Европы, средневековая экономическая система была способна поддерживать лишь часть того количества людей, которое сейчас проживает в этом регионе, и она давала каждому человеку намного меньше материальных благ, чем дает людям

сегодня капиталистическая система производства. О возврате к средневековью не может быть и речи, если вы не готовы сократить население до десятой или двенадцатой доли нынешней его численности и, более того, обязать каждого человека довольствоваться такой малостью, которая выходит за пределы воображения современного человека.

Все писатели, которые считают возврат к средневековью или, как они говорят, к «новому» средневековью, единственно достойным социальным идеалом, упрекают капиталистическую эпоху более всего за ее материалистическую позицию и менталитет. При этом они сами оказываются гораздо большими приверженцами материалистических взглядов, чем полагают. Разве это не грубейший материализм думать, как многие из этих авторов, что после возврата к формам политической и экономической организации, характерным для средних веков, общество по-прежнему смогло бы сохранить все созданные капитализмом технологические новшества и таким образом удерживать тот высокий уровень производительности человеческого труда, которого оно добилось в капиталистическую эпоху. Производительность капиталистического способа производства является продуктом капиталистического менталитета и капиталистического подхода к человеку и к удовлетворению его нужд. Она является результатом современной технологии только в той степени, в какой развитие технологии необходимо следует из капиталистического менталитета. Едва ли есть что-нибудь столь же абсурдное, как фундаментальный принцип материалистического понимания истории Маркса: «Ручная мельница создала феодальное общество; паровая мельница – капиталистическое общество». Потребовалось именно капиталистическое общество, чтобы создать необходимые условия для развития и приведения в действие первоначального замысла паровой мельницы. Именно капитализм создал технологию, а не наоборот. Не менее абсурдным является и представление о том, что технологический и материальный потенциалы нашей экономики могли сохраниться, если бы были разрушены интеллектуальные основания, на которых они строятся. Экономическая деятельность не могла бы вестись рационально, если бы господствующий менталитет вернулся к традиционализму и вере во власть. Предприниматель – так сказать, каталитический фактор капиталистической экономики, а соответственно и современной технологии – немыслим в той среде, где все погружены исключительно в созерцательную жизнь.

Если считать неосуществимой любую систему, кроме той, которая основана на частной собственности на средства производства, то частную собственность следует поддерживать как основу социальной кооперации и ассоциации и с каждой попыткой ее уничтожить надо решительно бороться.

Именно по этой причине либерализм защищает институт частной собственности от любой попытки уничтожения. Следовательно, когда люди называют либералов апологетами частной собственности, они совершенно правы, поскольку греческое слово, от которого произошло «апологет», означает именно «защитник». Конечно, лучше было бы избежать использования иностранного слова и довольствоваться английским. Но сложилось так, что для многих людей слова «апология» и «апологет» означают, что защищается что-то неправильное.

Гораздо важнее, однако, не отвергать любое уничижительное предположение, которое может заключаться в употреблении этих слов, а обратить внимание на то, что институт частной собственности не требует защиты, оправдания, поддержки или объяснения. Продолжение существования общества зависит от частной собственности, и, поскольку люди нуждаются в обществе, они должны крепко держаться за институт частной собственности, чтобы не навредить как своим собственным интересам, так и интересам всех остальных. Ибо общество может продолжать существовать только на основе частной собственности. Тот, кто ее защищает, защищает сохранение социальных уз, которые объединяют человечество, сохранение культуры и цивилизации. Он является апологетом и защитником общества, культуры и цивилизации, и, поскольку он стремится к таким результатам, он должен также желать и защищать единственное средство, которое обеспечивает их существование, а именно частную собственность.

Выступить за частную собственность на средства производства вовсе не значит утверждать, что капиталистическая общественная система, основанная на частной собственности, совершенна. Земного совершенства не бывает. Даже в капиталистической системе отдельные, многие или даже все вещи могут не совсем соответствовать вкусу конкретного человека. Но это единственно возможная социальная система. Можно взяться за модифицирование ее черт, но делать это до тех пор, пока не затрагивается существо и основа всего общественного порядка, а именно частная собственность. В общем и целом мы должны смириться с этой системой просто потому, что не может быть никакой другой.

В Природе также может существовать много такого, что нам не нравится. Но нам не дано изменить сущностный характер природных явлений. Если, например, кто-то думает – а есть и такие, кто утверждал, – будто тот способ, которым человек проглатывает, переваривает и усваивает пищу, – отвратителен, – спорить с ним по этому поводу невозможно. Единственное, что можно сказать ему: бывает только или так, или голод. Третьего пути нет. То же са-

мое верно и в отношении собственности. «Или-или»: или частная собственность на средства производства, или голод и нищета для всех.

Противники либерализма имеют обыкновение называть либеральную экономическую доктрину «оптимистической». Они употребляют этот эпитет либо в качестве упрека или ироничной характеристики либерального образа мышления.

Если под словом «оптимистическое» в отношении либерального учения имеется в виду, что либерализм считает капиталистический мир лучшим из всех миров, то это просто чепуха. Для идеологии, построенной как идеология либерализма, т.е. всецело на научной основе, такие вопросы, как «плоха или хороша система капитализма, возможна ли лучшая, и должна ли она быть отвергнута на основе определенных философских или метафизических позиций?» – совершенно неуместны. Либерализм выводится из строгих наук – экономики и социологии, которые не делают ценностных суждений и ничего не говорят о том, что должно быть, или о том, что хорошо и что плохо, но, напротив, всего лишь выясняют, с чем приходится иметь дело и как оно возникает. Когда эти науки показывают нам, что из всех мыслимых альтернативных путей организации общества может быть реализован лишь один, а именно система, основанная на частной собственности на средства производства, потому что все остальные мыслимые системы общественной организации неосуществимы, то в этом нет ничего такого, что могло бы оправдать эпитет «оптимистический». «Капитализм осуществим», – этот вывод не имеет ничего общего с оптимизмом.

Безусловно, противники либерализма считают, что капитализм – очень плохое общество. В той мере, в какой это утверждение содержит ценностное суждение, оно, естественно, не подлежит никакому обсуждению, претендующему на что-либо большее, чем крайне субъективное и, следовательно, ненаучное мнение. В той мере, однако, в какой это утверждение основывается на неправильном понимании происходящего в рамках капиталистической системы, экономика и социология могут это утверждение исправить. Но это также не оптимизм. Выявление многочисленных недостатков капиталистической системы не имело бы ни малейшего значения для вопросов социальной политики до тех пор, пока не было бы доказано, что другая общественная система не только лучше, но – самое главное – что она вообще возможна. Но этого сделано не было. Науке удалось показать, что каждая система общественной организации, которую можно себе представить в качестве замены капиталистической, внутренне противоречива и бесплодна, так что она не принесла бы результатов, задуманных ее сторонниками. Сколь неоправданно говорить в этой связи об «оптимизме» и «пессимизме» и насколько употребле-

ние эпитета «оптимистический» в отношении либерализма имеет целью окружить его неблагоприятной аурой, привнеся ненаучные, эмоциональные соображения, лучше всего показывает тот факт, что можно с таким же успехом называть «оптимистами» тех, кто убежден, будто возможно построение социалистического или интервенционистского государства всеобщего благосостояния. Большинство авторов, занимающихся экономическими вопросами, не упускают случая осыпать капиталистическую систему бессмысленными и ребяческими оскорблениями и вознести восторженные похвалы социализму, интервенционизму или даже аграрному социализму и синдикализму, как превосходным институтам. С другой стороны, встречались и такие, кто, хотя и в более умеренных выражениях, пели дифирамбы капиталистической системе. Если угодно, то как раз этих авторов можно назвать «оптимистами». А если так, то в тысячу раз более оправданно было бы назвать антилиберальных авторов «гипероптимистами» социализма, интервенционизма, аграрного социализма и синдикализма. Но тот факт, что этого не происходит – и только либеральных авторов, таких, как Бастиа, называют «оптимистами», – ясно показывает, что в этих случаях мы имеем дело не с попыткой истинно научной классификации, а с карикатурой.

Повторяем, либерализм утверждает вовсе не то, что капитализм хорош, если оценивать его с какой-либо определенной позиции. Он просто говорит, что для достижения тех результатов, к которым стремятся люди, подходит лишь капиталистическая система, и каждая попытка сделать явью социалистическое, интервенционистское, аграрно-социалистическое или синдикалистское общество, неизбежно окончится неудачей. Нервные люди, которые не могут выносить этой правды, назвали экономику мрачной наукой. Но экономика и социология не стали мрачнее других наук оттого, что они показывают нам реальный мир – например, механики, утверждающей недостижимость вечного двигателя, или биологии, говорящей о смертности всех живых существ.

7. Картели, монополии и либерализм

Противники либерализма утверждают, что в современном мире более не существует необходимых предпосылок для принятия либеральной программы. Либерализм был еще реален во времена, когда в каждой отрасли напряженно конкурировали друг с другом много фирм среднего размера. В наше время, когда тресты, картели и другие монополистические предприятия имеют полный контроль над рынком, либерализм столь же хорош, сколь и неприемлем – ни в каком варианте. И уничтожили его не политики, но тенденция, присущая неумолимой эволюции системы свободного предпринимательства.

Разделение труда придает каждой производственной единице в экономике особую функцию. Этот процесс никогда не останавливается, пока продолжается экономическое развитие. Мы давно прошли тот этап, когда одна фабрика производила все виды машин. Сегодня машиностроительное предприятие, которое не ограничивает себя производством определенного вида машин, уже не способно выдерживать конкуренцию. С развитием специализации сфера, обслуживаемая отдельным производителем, должна продолжать расширяться. Рынок, снабжаемый текстильной фабрикой, которая производит лишь несколько видов тканей, должен быть больше, чем рынок, обслуживаемый ремесленником, который ткёт все виды тканей. Несомненно, эта прогрессивная специализация производства развиваться в каждом виде предприятий, имеющих в качестве рынка целый мир. Если этому развитию не противостоит протекционизм или другие антикапиталистические меры, то в результате в каждой отрасли производства будет существовать относительно небольшое число фирм или даже единственная фирма, стремящаяся производить с высочайшей степенью специализации и снабжать весь мир.

Сегодня, конечно, мы очень далеки до такого состояния дел, поскольку политика всех правительств нацелена на отрезание от целостного мира маленьких областей, в которых под покровительством тарифов и других мер, призванных достичь того же результата, искусственно сохраняются или даже создаются предприятия, которые не смогли бы выдерживать конкуренцию на свободном мировом рынке. Независимо от соображений торговой политики, меры такого рода, направленные против концентрации бизнеса, защищаются с тех позиций защиты потребителей от эксплуатации со стороны монополитических объединений производителей.

Для того чтобы оценить верность этого довода, мы предположим, что разделение труда во всем мире уже продвинулось столь далеко, что производство каждого предмета сконцентрировано в единственной фирме, так что потребитель всегда сталкивается с единственным продавцом. При этих условиях, согласно неправильно формулируемой экономической доктрине, производители будут в состоянии поддерживать цены на сколь угодно высоком уровне, получать непомерные прибыли и тем самым значительно ухудшать жизненный уровень потребителей. Нетрудно увидеть, что эта идея совершенно ошибочна. Монопольные цены, если их установление предотвращается благодаря определенным актам вмешательства со стороны правительства, могут удерживаться долго только на основе правительственного контроля над минеральными и другими естественными ресурсами. Отдельная монополия в производстве, приносящая прибыль выше той, которую получают где-либо еще, будет стимулировать образование конкурирующих фирм, чье со-

перничество разрушит монополию и восстановит цены и прибыль на общем уровне.

Монополии в производящих отраслях не могут, однако, стать обычным явлением, поскольку при каждом данном уровне благосостояния в экономике общее количество инвестированного капитала и имеющихся трудовых ресурсов, занятых в производстве – а соответственно и объем общественного продукта, – являются величиной заданной. В каждой конкретной отрасли или в нескольких отраслях производства можно уменьшить количество используемого капитала и труда для того, чтобы увеличить цену единицы товара и суммарную прибыль монополиста или монополистов путем сокращения производства. Капитал и труд, высвобожденные таким образом, вольются затем в другую отрасль. Если, однако, все отрасли попытаются сократить производство, чтобы добиться более высоких цен, они тотчас высвободят труд и капитал, которые, будучи предложены по более низким ценам, дадут сильнейший стимул к созданию новых предприятий, которые вновь уничтожат монополистическое положение остальных. Идея всеобщего картеля или монополии в производственной отрасли является, следовательно, совершенно несостоятельной.

Настоящие монополии могут образовываться только в результате контроля над землей или минеральными ресурсами. Представление о том, что всю обрабатываемую на планете землю можно объединить в единую мировую монополию, не нуждается в дальнейшем обсуждении. Единственные монополии, которые мы будем здесь рассматривать, – это монополии, возникшие вследствие контроля над полезными ископаемыми. Монополии такого рода в действительности уже существуют в отношении добычи нескольких не очень важных минералов; возможно, попытки монополизировать добычу и других минералов когда-нибудь окажутся успешными. Это означало бы, что владельцы рудников и карьеров извлекали бы повышенную земельную ренту, а потребители сократили бы потребление и занялись поиском заменителей подорожавших материалов. Всемирная нефтяная монополия привела бы к повышенному спросу на гидроэлектроэнергию, уголь и т.д. С точки зрения мировой экономики и *sub specie aeternitatis* <с точки зрения вечности (лат.) – Прим. пер.>, это потребовало бы от нас большей бережливости в отношении ценного сырья, и, таким образом, будущим поколениям мы оставим больше, чем оставили бы в случае экономики, свободной от монополий.

Пугало монополии, которое всегда возникает в воображении, когда говорят о свободном развитии экономики, не должно вызывать тревоги. Всемирные монополии могли бы распространяться лишь на несколько предметов первичной переработки. Благоприятно их воздействие или нет, решить не

так просто. Тому, кто, рассматривая экономические проблемы, не способен освободиться от чувства зависти, эти монополии кажутся вредными только потому, что они приносят владельцам повышенные прибыли. Тот, кто подходит к этому вопросу без предвзятости, обнаружит, что эти монополии ведут к более экономному использованию ограниченных минеральных ресурсов. Если же действительно завидовать прибыли монополиста, то можно без всякой опасности и не ожидая никаких вредных экономических последствий, передать ее в государственную казну путем налогообложения дохода от разработок полезных ископаемых.

В отличие от мировых монополий существуют национальные и международные монополии. Они представляют сегодня практическую важность именно потому, что не возникают ни из какой естественной тенденции развития экономической системы, когда она предоставлена самой себе, а являются продуктом антилиберальной экономической политики. Попытки обеспечить монопольное положение в отношении определенных товаров почти во всех случаях становятся возможными только потому, что внешнеторговые тарифы поделили мировой рынок на маленькие национальные рынки. Кроме монополий такого рода, заслуживают внимания лишь такие, которые могут образовываться владельцами определенных (естественных) ресурсов, например, высокая стоимость транспортировки защищает их на местном рынке от конкуренции со стороны производителей из других районов.

Говорить о «контроле» над рынком и о «ценовом диктате» со стороны монополиста при оценке последствий функционирования трестов, картелей и предприятий, поставляющих на рынок уникальный товар, – значит, совершать фундаментальную ошибку. Монополист не осуществляет никакого контроля, он также не в состоянии диктовать и цены. Можно было бы говорить о контроле над рынком или о установлении монопольных цен в ситуации, когда рассматриваемый товар был бы в самом строгом и буквальном смысле жизненно необходимым потребителю и абсолютно незаменимым никаким иным подобным продуктом. Очевидно, что это неверно в отношении всех без исключения товаров. Нет такого товара, обладание которым было бы жизненно необходимо для тех, кто готов приобрести его на рынке.

Формирование монопольной цены отличается от формирования конкурентной цены тем, что при определенных, очень специальных условиях, у монополиста есть возможность получать большую прибыль от продажи меньшего количества товара по более высокой цене (которую мы называем монопольной), чем от продажи по той цене, которую определил бы рынок (конкурентная цена), если бы имела место конкуренция продавцов. Возникновение монопольной цены возможно лишь при особом условии: когда реак-

ция потребителей на увеличение цены не вызывает такого резкого падения спроса, который помешал бы росту суммарной прибыли от продажи меньшего количества товара по повышенным ценам. Если действительно можно достичь монопольного положения на рынке и использовать его для того, чтобы продавать по монопольным ценам, то в данной отрасли промышленности прибыль будет выше среднего уровня.

Может быть и так, что, несмотря на более высокую прибыль, новые предприятия такого типа не возникают из-за опасения оказаться достаточно прибыльными после снижения монопольной цены до уровня конкурентной. Нужно, однако, принять в расчет возможность того, что смежные отрасли, которые в состоянии вторгнуться в производство картелированного товара с относительно небольшими издержками, могут оказаться конкурентами. В любом случае отрасли, производящие товары-заменители, тотчас же воспользуются благоприятными обстоятельствами для расширения своего собственного производства. Все эти факторы сужают возможности возникновения монополии в той отрасли промышленности, которая не основана на монопольном контроле над определенными видами сырья. Появление такого рода монополии становится возможным только благодаря определенным законодательным мерам, таким как патенты и подобные им привилегии, тарифное регулирование, налоговые льготы и система лицензирования. Несколько десятилетий назад было много разговоров о транспортной монополии. До какой степени эта монополия основывалась на системе лицензирования, остается неясным. Сегодня люди в общем перестали беспокоиться об этом. Автомобиль и самолет стали серьезными конкурентами железным дорогам. Но даже до их появления возможность использования водных путей уже положила определенный предел росту ставок, которые железные дороги могли позволить себе взимать на некоторых линиях.

Не только огромным преувеличением, но непониманием фактов можно назвать бытующее сейчас утверждение о том, что образование монополий уничтожило необходимую предпосылку для реализации либерального идеала капиталистического общества. Можно сколько угодно исказить (и выворачивать) проблему монополии, но мы всегда придем к тому факту, что монопольные цены возможны только там, где есть контроль над естественными ресурсами или где законодательные установления и их действие создают необходимые условия для образования монополий. При свободном развитии экономики, за исключением горной промышленности и связанных с ней отраслей производства, не существует тенденции к ограничению конкуренции. никоим образом не оправдано возражение, обычно выдвигаемое против либерализма, что безвозвратно отошли в прошлое условия конкуренции, кото-

рые существовали во времена, когда классическая экономика и либеральные идеи лишь начинали развиваться. Чтобы восстановить эти условия, следует осуществить несколько либеральных требований, а именно: свободную торговлю внутри и между странами.

8. Бюрократизация

Существует еще один аспект, в связи с которым обычно говорят, что сегодня уже не выполняются необходимые условия для реализации либерального идеала общества. В больших предприятиях, которые стали необходимы благодаря прогрессу в разделении труда, все больше и больше растет количество занятых. Эти предприятия должны, следовательно, в ведении своего бизнеса становиться все более и более похожими на правительственную бюрократию, которую либералы также сделали объектом своей критики. День ото дня они становятся все более громоздкими и менее открытыми для инноваций. Отбор людей на руководящие должности совершается уже не на основании продемонстрированного ими профессионализма, а в соответствии с чисто формальными критериями, такими как данные об образовании или трудовом стаже, а зачастую просто в результате личной благосклонности. Таким образом, в конце концов исчезает характерная черта частного предприятия, отличающая его от предприятия общественного. Если в эпоху классического либерализма еще оправдано было выступать против государственной собственности на том основании, что она парализует всякую свободную инициативу и убивает радость труда, то сегодня это уже не так, поскольку на частных предприятиях дела ведутся с не меньшим бюрократизмом, педантизмом и формализмом, чем на тех, которые находятся в общественной собственности и управлении.

Для того чтобы можно было оценить правомерность этих возражений, надо сначала разобраться в том, что же в действительности следует понимать под бюрократией и бюрократическим ведением дела и чем она отличается от коммерческого предприятия и коммерческого ведения дела. Противостояние между коммерческим и бюрократическим образом мышления в интеллектуальном плане повторяет противостояние между капитализмом – частной собственностью на средства производства – и социализмом – общественной собственностью на средства производства. Тот, кто распоряжается факторами производства, неважно, собственными или взятыми в аренду у владельцев в обмен на некоторую компенсацию, должен всегда стараться использовать их таким образом, чтобы удовлетворять те потребности общества, которые при данных обстоятельствах являются наиболее насущными. Если он этого не сделает, то понесет убытки и окажется поначалу перед необходимостью сокращать свою деятельность как владелец и предприниматель, а в конце кон-

цов будет вообще вытесненным со своего места на рынке. Он тогда уже не будет ни владельцем, ни предпринимателем, и ему придется вернуться в ряды тех, кто не продает ничего, кроме собственного труда и не несет ответственности за то, чтобы направлять производство по пути, который является правильным с точки зрения потребителей.

Калькуляция прибылей и убытков, составляющая суть бухгалтерии бизнесмена, – это тот метод, который дает предпринимателям и капиталистам возможность проверять с максимальной точностью каждый шаг вплоть до мельчайших деталей и видеть, насколько это возможно, какой эффект дает каждая конкретная сделка в отношении суммарного результата предприятия. Учет затрат составляет наиболее важный интеллектуальный инструмент капиталистического предпринимателя, и не кто иной, как Гете, объявил систему двойной бухгалтерии «одним из чудеснейших изобретений человеческого разума». Гете мог сказать это, потому что был свободен от неприязни, которую всегда испытывают по отношению к бизнесменам малозначащие литераторы. Это они составляют тот хор, который постоянно поет о том, что неустанный учет и постоянная озабоченность по поводу прибыли и убытков являются самыми позорными из грехов.

Денежная калькуляция, счетоводство и статистика объемов продаж и производства позволяют даже самым большим и сложным фирмам осуществлять точную проверку результатов, достигнутых в каждом подразделении, и тем самым формировать суждение о вкладе, который каждое подразделение вносит в общий успех предприятия. Таким образом получается верный принцип для определения отношения, которое следует проявлять к руководителям различных подразделений. Можно точно узнать, чего они стоят и сколько им нужно платить. Продвижение на более высокие и ответственные посты совершается в результате очевидно продемонстрированных успехов. И так же, как деятельность менеджера каждого подразделения проверяется путем учета затрат, можно тщательно исследовать и работу предприятия в целом, а также влияние определенных организационных и иных мер.

Конечно, существуют пределы этого точного контроля. Невозможно определить успех или неудачу деятельности каждого человека внутри подразделения с той уверенностью, как это можно сделать в отношении руководителя подразделения. Существуют такие подразделения, чей вклад в общий результат не может оцениваться путем калькуляции: то, чем занимается исследовательский отдел, юридическая консультация, секретариат, статистическая служба и т.д., не может быть оценено тем же способом, как, например, эффективность какого-нибудь отдела продаж или производственного подразделения. Первое может быть вполне доверено приблизительной оценке чело-

века, возглавляющего отдел, а последнее – оценке генерального директора фирмы. Руководителям именно этого уровня (генеральному директору и руководителям различных подразделений) наилучшим образом видны рыночные условия деятельности. Они лично заинтересованы в правильности этих суждений – ведь их доходы напрямую зависят от эффективности тех операций, за которые они отвечают.

Случай, противоположный их предприятию, где каждая сделка контролируется путем калькуляции прибылей и убытков, представлен в механизме государственного управления. Справляется ли судья (а то, что верно в отношении судьи, столь же верно и в отношении любого высшего административного чиновника) со своими обязанностями лучше или хуже, не может быть продемонстрировано путем каких-либо вычислений. Не существует достоверного способа оценки – на основе объективного критерия – того, хорошо или плохо, дешево или дорого управляется тот или иной район или провинция. Суждение о деятельности государственных чиновников является, таким образом, вопросом субъективного и, следовательно, совершенно произвольного мнения. Даже вопрос о том, необходимо ли определенное управление, слишком много или слишком мало в нем служащих и соответствует ли его структура цели, может решаться только на основании суждений, предполагающих известный элемент субъективности.

Есть только одна область государственного управления, в которой критерий успеха или провала неоспорим: это война. Но даже здесь единственное, про что можно сказать определенно, это успех или неуспех операции. На вопрос о том, насколько распределение сил определяло исход дела еще до начала военных действий и в какой мере результат может быть приписан компетентности или некомпетентности руководителей и правильности тех мер, которые они принимали, нельзя ответить строго и точно. Были генералы, прославленные своими победами, которые в действительности делали все, чтобы облегчить триумф врага, и которые своим успехом обязаны исключительно обстоятельствам, благоприятствовавшим им настолько, чтобы перевесить их ошибки. Порой осуждали тех побежденных командиров, которые своими гениальными решениями сделали все возможное, чтобы предотвратить неизбежное общее поражение.

Управляющий частным предприятием дает служащим, на которых он возлагает самостоятельное выполнение обязанностей, только одну директиву: извлекать как можно большую прибыль. Все, что он имеет им сказать, заключено в этом единственном приказе, а изучение счетов дает возможность легко и точно определить, до какой степени подчиненные ему следуют. Руководитель бюрократического подразделения оказывается в совершенно

иной ситуации. Он может сказать своим подчиненным, что им нужно сделать, но его положение не позволяет ему удостовериться в том, являются ли средства, использованные для получения этого результата, наиболее подходящими и экономичными при данных обстоятельствах. Если он не вездесущ во всех конторах и бюро, то он не может судить о том, не было ли возможности достигнуть того же самого результата при меньших затратах труда и материалов. Тот факт, что сам результат не поддается численному измерению, а лишь приблизительной оценке, не стоит здесь и обсуждать. Мы не рассматриваем административные методы с точки зрения их побочных эффектов, а с точки зрения их влияния на деятельность бюрократического механизма. Следовательно, результат нас волнует только в отношении к понесенным затратам.

Поскольку нечего и пытаться определить это отношение путем вычислений, т.е. тем же способом, что и в коммерческом счетоводстве, то руководитель бюрократической организации должен давать своим подчиненным инструкции, выполнение которых обязательно. В этих инструкциях в общем случае предполагается обычное, нормальное течение дел. Однако даже в чрезвычайных ситуациях на расходование каких-либо денег нужно сначала получить разрешение от высших властей, а это утомительная и довольно неэффективная процедура, в пользу которой если и можно что-либо сказать, так только что это единственно возможный метод. Если бы каждому нижестоящему подразделению, каждому руководителю отдела, каждому отраслевому ведомству было бы дано право производить те затраты, которые они считают необходимыми, то издержки управления вскоре выросли бы до невероятных размеров. Не стоит заблуждаться: эта система имеет серьезные недостатки и крайне неудовлетворительна. Возникают многие ненужные расходы, а многие из тех, которые необходимы, не делаются, потому что бюрократический аппарат не в состоянии по самой своей природе приспособиться к обстоятельствам так, как коммерческая организация.

Эффект бюрократизации наиболее очевиден в его представителе – бюрократе. В частном предприятии наем труда не есть оказание услуги, а деловая сделка, от которой выигрывают обе стороны – наниматель и нанимаемый. Наниматель должен стараться платить жалованье, соответствующее стоимости затраченного труда. Если он этого не делает, он рискует потерять работника – тот перейдет на место, которое предлагает конкурент, готовый платить больше. Работник, чтобы не потерять работу, должен в свою очередь стараться выполнять свои служебные обязанности достаточно хорошо и быть достойным своей зарплаты. Поскольку предложение рабочего места – это не услуга, а деловая сделка, работник не должен бояться, что может быть уво-

лен, если попадет в персональную немилость. Предприниматель, увольняя по причинам личного предубеждения полезного работника, вредит только самому себе, а не работнику, который может найти такое же место где-либо еще.

Можно легко доверить руководителю любого подразделения право нанимать и увольнять работников, поскольку под давлением контроля, осуществляемого над его деятельностью счетоводством и бухгалтерией, ему приходится заботиться о том, чтобы его подразделение доставляло как можно большую прибыль, и, следовательно, он обязан в своих же собственных интересах стараться удержать у себя лучших работников. Если он по злобе уволит того, кого не стоило увольнять, и его действия мотивированы личными, а не объективными соображениями, то только он сам и пострадает от последствий. Каждое ухудшение результатов возглавляемого подразделения должно в конечном счете выразиться в убытках. Таким образом, включение нематериального фактора, т.е. «стоимости» труда, в процесс производства происходит без всякого трения.

В бюрократической организации дело обстоит совершенно иначе. Поскольку производительный вклад конкретного подразделения, а следовательно, и работника, даже когда он занимает руководящее положение, в этом случае выяснить невозможно, то широко открыта дверь для протекционизма и личных предубеждений как при назначении, так и при решении вопроса о вознаграждении. Тот факт, что ходатайство влиятельных лиц играет определенную роль при занятии официальных постов на государственной службе, вызван не низостью (или неблагородством) характера, присущей людям, ответственным за предоставление этих постов, а тем, что изначально не существует объективного критерия для определения квалификации, нужной для получения назначения. Конечно, следует нанимать самых компетентных, но кто является наиболее компетентным? Если бы на этот вопрос можно было бы ответить так же легко, как и на вопрос, чего стоит рабочий-металлург или наборщик, то не было бы никаких проблем. Но поскольку это не так, то в сравнение квалификаций разных людей обязательно входит элемент произвольности.

Для того чтобы удержать эту произвольность в возможно более узких границах, пытаются установить формальные условия для назначения и продвижения. Получение определенного поста ставится в зависимость от образовательного уровня, сдачи экзаменов и от продолжительности работы на других постах. Продвижение же ставится в зависимость от стажа службы. Естественно, все эти приемы ни в каком смысле не заменяют отсутствие возможности отбора наиболее подходящего человека для каждого поста путем

калькуляции прибылей и убытков. Было бы излишним особо подчеркивать, что посещение школы, экзамены и трудовой стаж не дают ни малейшей гарантии правильности отбора. Напротив: эта система изначально мешает энергичным и компетентным занимать посты, соответствующие их силам и способностям. Еще никто и никогда из тех, кто представляет собой истинно ценного работника, не поднимался на вершину по пути предписанной программы обучения и положенного и predetermined продвижения по службе. Даже в Германии, где существует религиозная вера в бюрократов, выражение «идеальный функционер» употребляется для обозначения мягкотелого и слабого человека, хотя и движимого хорошими намерениями.

Таким образом, характерный признак бюрократического управления состоит в том, что в оценке успеха деятельности ему не хватает мерил, основанного на подсчете прибылей и убытков, и вследствие этого оно, пытаясь компенсировать этот недостаток, вынуждено прибегать к совершенно неадекватным средствам подчинить ведение дел и прием на работу формальным предписаниям. Все те недостатки, которые обычно вменяют в вину бюрократическому управлению – негибкость, недостаток изобретательности и беспомощность перед проблемами – и которые легко преодолеваются на предприятиях, стремящихся к прибыли, являются результатом этого единственного фундаментального свойства. До тех пор пока деятельность государства ограничивается той узкой областью, которую отводит ему либерализм, недостатки бюрократии во всяком случае не могут сделаться существенными. Они становятся серьезной проблемой для экономики целой страны, когда государство – тоже, естественно, самое верно в отношении муниципалитетов и других форм местного управления – доходит до обобществления средств производства и активного участия в хозяйственной деятельности или даже только в торговле.

Общественное предприятие, имеющее целью максимизацию прибыли, может, конечно, соотносить прибыли и убытки, пока большинство фирм находятся в частной собственности и, следовательно, все еще существует рынок и формируются рыночные цены. Единственное препятствие в его деятельности и развитии состоит в том, что управляющие такого предприятия – как государственные функционеры, лично не заинтересованы в успехе дела. Такая заинтересованность характерна для управляющих частными предприятиями. Директору общественного предприятия, следовательно, не может быть предоставлена свобода действовать независимо при принятии важных решений. Поскольку он не пострадает от потерь, которые при определенных обстоятельствах могут возникнуть в результате его политики в бизнесе, то он, ведя дело, может слишком легко склоняться в пользу рисков, которые не

взял бы на себя по-настоящему ответственный директор частного предприятия, поскольку в случае недостачи он должен будет разделить убытки. Власть руководителя общественного предприятия, следовательно, должна быть каким-то образом ограничена. Очерчена ли она набором жестких правил или решениями контролирующего комитета или вышестоящей власти – в любом случае бюрократическое управление страдает громоздкостью и отсутствием умения приспособиться к изменяющимся условиям, что везде приводило общественные предприятия к неудачам.

На самом деле редко бывает, чтобы государственное предприятие было нацелено на одну только прибыль и оставляло в стороне все остальные соображения. Как правило, от общественного предприятия требуется, чтобы оно придерживалось определенных «национальных» и прочих установок. Ожидается, например, что его политика в отношении поставок и продаж будет отдавать предпочтение внутреннему, а не иностранному производству. От государственных железных дорог требуется, чтобы они устанавливали такую тарифную сетку, которая будет служить особой коммерческой политике правительства, чтобы они строили и поддерживали линии, которые, хотя и не могут работать прибыльно, должны содействовать экономическому развитию определенной территории, и чтобы они вводили в действие другие линии из стратегических и иных других соображений. Когда в ведение бизнеса вторгаются такие факторы, не может быть и речи о каком-либо контроле. Директор государственных железных дорог, который в конце года представляет отрицательную балансовую ведомость, имеет возможность сказать: «Железные дороги, за которые я отвечаю, конечно, работали в убыток, если рассматривать это со строго коммерческой позиции предприятия, стремящегося к прибыли. Но если принять во внимание такие факторы, как наша национальная экономическая и военная политика, то не надо забывать о том, что они служили большому делу, значимость которого не укладывается в калькуляцию прибылей и убытков». При таких обстоятельствах подсчет прибылей и убытков явно теряет всякий смысл оценки успешности работы предприятия. А посему даже независимо от других факторов, имеющих ту же тенденцию, железная дорога будет управляться точно теми же бюрократическими методами, как, например, тюрьма или налоговое управление.

Ни одно частное предприятие, независимо от его размера, никогда не может стать бюрократическим, пока оно действует целиком и полностью на коммерческой основе. Твердое следование предпринимательскому принципу максимизации прибыли дает возможность даже самой большой фирме абсолютно точно выяснить ту роль, которую играет каждая сделка и каждое под-

разделение в суммарном результате. Пока предприятия стремятся только к прибыли, они защищены от всех зол бюрократизма.

Бюрократизация частных предприятий, которая, как мы видим, сегодня происходит повсюду, есть прямой результат интервенционизма, вынуждающего предприятия принимать в расчет такие факторы, которые при условии свободы в определении своей политики, никогда не играли бы никакой роли в управлении бизнесом. Когда фирма должна учитывать политические предрассудки и всякого рода сентименты, чтобы избежать постоянного беспокойства со стороны различных государственных органов, она вскоре обнаруживает, что уже не имеет возможности строить свои расчеты на прочной основе баланса прибыли и убытка. Например, некоторые предприятия сферы коммунальных услуг в Соединенных Штатах, стремясь избежать конфликтов с общественным мнением и с законодательными, судебными и исполнительными органами, находящимися под влиянием правительства, придерживаются политики отказа от найма на работу католиков, евреев, атеистов, последователей учения Дарвина, негров, ирландцев, немцев, итальянцев и всех иммигрантов. В интервенционистском государстве фирма сталкивается с необходимостью приспособливаться к желаниям властей с целью избежать обременительных штрафов. Результат заключается в том, что эти и другие соображения, чуждые принципу погони за прибылью, начинают играть все возрастающую роль в ведении дела, в то время как значимость точной калькуляции и учета затрат соответственно уменьшается и частное предприятие начинает все больше воспринимать модель управления государственными предприятиями с их развитым аппаратом формально предписанных правил и постановлений. Одним словом, оно становится бюрократизированным.

Таким образом, прогрессирующая бюрократизация большого бизнеса никоим образом не является результатом неумолимой тенденции, присущей развитию капиталистической экономики. Она не что иное, как необходимое следствие принятия политики интервенционизма. В отсутствие правительственного вмешательства в деятельность фирм даже самые большие фирмы могли бы управляться точно таким же, коммерческим, способом, как и малые.

Примечания к главе 2

Синдикализм как социальную идею не надо путать с синдикализмом как тактикой профсоюзов («прямым действием» французских синдикалистов). Конечно, последняя может служить средством в борьбе за реализацию синдикалистского идеала, но ее также можно заставить служить другим результатам, не совместимым с этим идеалом. Можно, например, стремиться – и

это в точности то же самое, что надеются сделать некоторые французские синдикалисты – прийти к социализму с помощью синдикалистской тактики.

III. Либеральная внешняя политика

- 1. Границы государства**
- 2. Право на самоопределение**
- 3. Политические основы мира**
- 4. Национализм**
- 5. Империализм**
- 6. Колониальная политика**
- 7. Свободная торговля**
- 8. Свобода передвижения**
- 9. Соединенные Штаты Европы**
- 10. Лига Наций**
- 11. Россия**

1. Границы государства

Для либерала нет никакого противоречия между внутренней и внешней политикой. Часто и подробно обсуждаемый вопрос о том, преобладают ли соображения внешней политики над соображениями внутренней и наоборот, является, по его мнению, праздным. В политическую концепцию либерализма изначально входит весь мир. И те идеи, которые либерал стремится реализовать в ограниченном пространстве, должны, как предполагается, также действовать и в масштабной области международной политики. Если либерал и делает различие между внутренней и внешней политикой, то делает он это исключительно в целях удобства подразделения обширной области политических проблем на основные типы, а не из-за убеждения, будто для внутренней и внешней политики подходят различные принципы.

Цель внутренней политики либерализма та же, что и внешней, – мир. Она направлена на мирное сотрудничество как между народами, так и в рамках каждой нации. Отправным моментом либеральной теории является признание ценности и важности человеческого сотрудничества, и вся политика и программа либерализма служит поддержанию и дальнейшему расширению существующего состояния взаимного сотрудничества между членами человеческого сообщества. Конечным идеалом либерализма является совершенное сотрудничество всего человечества, осуществляемое мирно и без трений. Либеральное мышление всегда имело в виду все человечество, а не просто его части. Либерализм не останавливается на ограниченных группах, он не заканчивается на границе деревни, провинции, страны или континента. Его мышление космополитично и имеет вселенский характер: оно включает всех людей и весь мир. Либерализм в этом смысле является гуманистическим учением, а либерал – гражданином мира или космополитом.

Сегодня, когда в мире преобладают антилиберальные идеи, космополитизм для большинства населения представляется сомнительным. В Германии сверхфанатичные патриоты не могут простить великим немецким поэтам, особенно Гете, что их мышление и чувства, не замыкаясь в национальных рамках, имели космополитическую направленность. Полагают, что существует непримиримый конфликт между интересами нации и интересами человечества и что тот, кто направляет свои чаяния и стремления на благо всего человечества, тем самым пренебрегает интересами собственной нации. Едва ли может быть более ошибочное мнение. Немец, который действует на благо всего человечества, наносит не больше ущерба специфическим интересам своих сограждан, т.е. тем его соотечественникам, с которыми он разделяет общие землю и язык и с которыми он создает этническую и духовную общность, чем немец, действующий на благо всей немецкой нации, интересам своего родного города. Человек заинтересован в процветании всего мира в такой же степени, в какой он заинтересован в процветании местной общины, где он проживает.

Шовинистические националисты, считающие, что между нациями существуют непримиримые противоречия и стремящиеся принять политику господства их собственной нации над другими – если надо, то и с помощью силы, – обычно усердно настаивают на необходимости и полезности внутреннего национального единства. Чем больший акцент они делают на необходимости войны против зарубежных наций, тем сильнее звучит их призыв к миру и согласию среди членов их собственной нации.

Так вот, либерал ни в коем случае не выступает против внутреннего единства. Наоборот, потребность в мире в рамках каждой нации – сама по себе результат либерального мышления, и она стала осознанной лишь после того, как были более широко восприняты либеральные идеи XVIII века. До того как либеральная философия с ее безусловным приоритетом мира возобладавала в умах людей, развязывание войн не ограничивалось конфликтами между странами. Сами нации были раздираемы длительными гражданскими раздорами и кровавой внутренней борьбой. В XVIII веке британцы все еще выступали против британцев в битве под Гуллоденом, и даже в конце XIX века, когда Пруссия развязала войну против Австрии, другие германские государства выступили на стороне обоих участников боевых действий. В то время Пруссия не видела ничего плохого в борьбе на стороне Италии против германской Австрии, а в 1870 году только быстрое развитие событий помешало Австрии присоединиться к французам в войне против Пруссии и ее союзников. Многие победы, которыми так гордится прусская армия, были одержаны в боях с войсками других германских государств. Именно либера-

лизм научил нации соблюдать мир во внутренней политике, именно мир он надеется убедить сохранять и в отношениях с другими странами.

Именно из международного разделения труда либерализм и выводит решительный и неопровержимый довод против войны. Разделение труда уже давно вышло за рамки отдельной нации. Ни одна цивилизованная нация сегодня не удовлетворяет свои потребности исключительно только за счет собственного производства. Все вынуждены получать товары из-за рубежа и платить за них экспортом отечественной продукции. Все, что могло бы затруднить или прервать международный товарообмен, нанесло бы огромный ущерб всей человеческой цивилизации и подорвало бы благосостояние, а по сути дела – основу существования миллионов и миллионов людей. В век, когда народы зависят от товаров зарубежного производства, нельзя больше развязывать войн. Любое прекращение потока импорта могло бы оказать решающее воздействие на результат войны, развязанной нацией, занятой в международном разделении труда. Поэтому политика, желающая учитывать возможность войны, должна постараться сделать национальную экономику самообеспечиваемой, т.е. она даже в мирное время должна быть нацелена на свертывание международного разделения труда у границ своей страны. Если бы Германия пожелала выйти из международного разделения труда и постаралась бы удовлетворить все свои потребности непосредственно за счет внутреннего производства, то совокупный годовой национальный продукт Германии уменьшился бы, а за ним – благосостояние, уровень жизни и культурный уровень немецкого народа существенно снизились.

2. Право на самоопределение

Уже отмечалось, что в стране может царить внутренний мир только при условии, что демократическая конституция гарантирует бесконфликтное приспособление правительства к воле граждан. Ничего другого, кроме последовательного применения этого же принципа, не требуется также и для обеспечения мира между народами.

Либералы более раннего времени полагали, что народы земли миролюбивы по своей природе и только монархи желают войны, чтобы увеличить свою мощь и состояние путем завоевания провинций. Поэтому они полагали, что для обеспечения длительного мира достаточно заменить власть династических принцев правительствами, зависящими от народа. Если демократическая республика сочтет, что ее существующие границы, сформированные ходом истории до перехода к либерализму, больше не отвечают политическим желаниям народа, они должны быть изменены мирным путем, чтобы соответствовать результатам плебисцита, выражающего народную волю. Необходимо всегда иметь возможность изменять границы государства, если ясно

была выражена воля населения определенного района присоединиться к другому государству и выйти из того, к которому оно принадлежит в настоящий момент.

В XVII и XVIII веках российские цари присоединили к своей империи крупные области, население которых никогда не испытывало желания принадлежать российскому государству. Даже если бы Российская империя приняла абсолютно демократическую конституцию, желание населения этих территорий не было бы удовлетворено, потому что они не хотели связывать себя какими-либо узами политического союза с Россией. Их демократическим требованием было освобождение от Российской империи, создание независимых Польши, Финляндии, Латвии, Литвы и т.д. Тот факт, что эти и подобные им требования других народов (например, итальянцев, немцев в Шлезвиг-Гольштейне, славян в Габсбургской империи) могли быть удовлетворены только вооруженным путем, был важнейшей причиной всех войн, происшедших в Европе со времен Венского конгресса.

Право на самоопределение в вопросе о принадлежности к определенному государству, таким образом, означает: всякий раз, когда население какой-либо территории, будь то отдельная деревня, целый район или несколько прилегающих районов, дает знать путем свободного плебисцита, что оно больше не желает быть объединенным в государстве, к которому принадлежит в настоящий момент, а хочет либо образовать независимое государство, либо присоединиться к какому-нибудь другому государству, – его желание следует уважать и исполнять. Это единственно возможный и эффективный способ избежать революций, гражданских и мировых войн.

Называть это право на самоопределение «правом на самоопределение наций» – значит, неправильно его понимать. Это не право на самоопределение национальной единицы в сложившихся границах, а право населения территории решать вопрос о членстве в государстве, к которому оно хочет принадлежать. Непонимание этого различия приобретает ужасающие последствия, когда выражение «самоопределение наций» используется для обозначения того, что национальное государство имеет право отделять и включать в свой состав вопреки воле населения части нации, находящиеся на территории другого государства. Именно на основе понимаемого в этом смысле права на самоопределение наций итальянские фашисты стремятся оправдать свое требование об отделении кантонов от Швейцарии и присоединении их к Италии несмотря на то, что жители этих кантонов не испытывают такого желания. Подобную позицию занимают и некоторые сторонники пангерманизма в отношении немецкой Швейцарии и Нидерландов.

Право на самоопределение, о котором мы говорим, это не право на самоопределение наций, а скорее право на самоопределение населения каждой достаточно крупной для создания независимой административной единицы территории. Следовало бы на самом деле каким-то образом распространить право на самоопределение до уровня отдельной личности. Это неосуществимо только из-за непреодолимых трудностей технического характера. Так, необходимо, чтобы регион управлялся как отдельная административная единица и право на самоопределение ограничивалось волей большинства населения достаточно крупных областей, чтобы в системе управления страной считать их территориальными единицами.

Везде, где право на самоопределение было осуществлено (и везде, где бы его позволили осуществить), оно привело в XIX и XX веках (или привело бы) к созданию государств, состоящих из одной национальности (из людей, говорящих на одном языке), и к распаду государств, состоящих из нескольких национальностей, но – как следствие свободного выбора всех имеющих право участвовать в плебисците. Создание государств, объединяющих всех членов национальной группы, было результатом осуществления права на самоопределение, а не его целью. Если некоторые части нации полагают, что им лучше быть политически независимыми и не быть частью государства, объединяющего всех представителей одной и той же языковой группы, конечно, можно попытаться изменить их политические идеи путем убеждения перейти на сторону принципа национальности, в соответствии с которым все члены одной и той же языковой группы должны создать независимое государство. Однако если стремиться решить их политическую судьбу против их воли путем призывов к якобы более высокому праву нации, то это нарушает право на самоопределение не в меньшей степени, чем любая другая форма угнетения. Раздел Швейцарии Германией, Францией и Италией, даже если он и был бы осуществлен в точном соответствии с языковыми границами, был бы таким же грубым нарушением права на самоопределение, как и раздел Польши.

3. Политические основы мира

Имея опыт мировой войны <имеется в виду первая мировая война. – *Прим. ред.*>, можно было бы подумать, что осознание необходимости вечного мира станет всеобщим. Однако все еще не признается тот факт, что длительный мир можно достигнуть, только осуществляя повсюду либеральную программу и следуя ей постоянно и последовательно, и что мировая война была не чем иным, как естественным и неизбежным следствием антилиберальной политики последних десятилетий.

Бессмысленный и бездумный лозунг возлагает на капитализм ответственность за начало войны. Связь между войной и политикой протекционизма совершенно очевидна, и, конечно, в результате грубого игнорирования фактов покровительственный тариф отождествляется непосредственно с капитализмом. Люди забывают, что еще совсем недавно все националистические издания были заполнены резкой критикой в адрес международного капитала («финансового капитала» и «международного золотого треста») за то, что он ставит себя вне родной страны, выступает против протекционистских тарифов, против войны и расположен к миру. Абсурдно также обвинять и военную промышленность в развязывании войны. Военная промышленность появилась и достигла значительных размеров, потому что настроенные на войну правительства и люди требовали вооружений. Было бы действительно нелепо полагать, что нации обратились к империалистической политике в порядке любезности в отношении производителей оружия. Военная промышленность, как и любая другая, появилась, чтобы удовлетворить спрос. Если бы нации предпочли пулям и взрывчатке другие товары, то фабриканты произвели бы эти товары вместо вооружений.

Можно предположить, что мечта о мире сегодня имеет всеобщий характер. Но народы мира совсем не понимают, какие условия необходимо выполнять для обеспечения мира.

Чтобы не был потревожен мир, необходимо устранить все побудительные мотивы агрессии. Должен быть установлен такой мировой порядок, при котором нации и национальные группы были бы удовлетворены условиями жизни и не ощущали необходимости прибегать к отчаянному средству – войне. Либерал не рассчитывает на то, что война будет уничтожена путем чтения молитв и проповеди морали. Он стремится создать социальные условия, которые устранят причины войн.

Первое требование в этом плане – частная собственность. Важный побудительный мотив для развязывания войны уже исключается, если частная собственность гарантируется даже во время войны, когда победитель не имеет права присваивать себе собственность частных лиц, а присвоение государственной собственности не имеет большого значения, потому что повсюду преобладает частная собственность на средства производства. Однако, этого далеко не достаточно, чтобы гарантировать мир. Чтобы осуществление права на самоопределение не могло быть сведено к фарсу, должны быть созданы такие политические институты, которые облегчают последствия передачи суверенитета над территорией другому государству, не предоставляя никому никаких преимуществ и не причиняя никому вреда. У людей существует не-

правильное понимание того, что для этого требуется. Попробуем разъяснить это на нескольких примерах.

Посмотрите на карту размещения языковых и национальных групп в Центральной и Восточной Европе. Как часто, например, границы между северной и восточной Богемией пересекают железнодорожные линии. Здесь, в условиях интервенционизма и этатизма, никак нельзя привести границы государства в соответствие с размещением языковых групп. Нельзя управлять чешской государственной железной дорогой на территории немецкого государства и тем более невозможно управлять железной дорогой, у которой через каждые несколько миль изменяется руководство. Было бы так же немыслимо останавливаться для оплаты новых тарифов через каждые четверть часа поездки. Таким образом, легко понять, почему сторонники этатизма и интервенционизма приходят к выводу о том, что «географическое» или «экономическое» единство таких районов должно быть «неразрывным» и рассматриваемая территория поэтому должна быть отдана под суверенитет одного «правителя». Каждая нация при этом стремится доказать, что при таких обстоятельствах только она имеет права и полномочия на роль такого правителя. Для либерализма здесь нет никаких проблем. Частные дороги, если они свободны от государственного вмешательства, могут без всяких проблем пересекать территории многих государств. Если нет тарифных границ и иных ограничений на передвижение людей и товаров, то не имеет значения, границы скольких государств пересекает поезд за несколько часов.

Карта языков показывает также наличие национальных анклавов. Без территориальной связи с основной частью своего народа соотечественники обитают в замкнутых поселениях, или на «языковых островах». При нынешних политических условиях они не могут быть соединены с Родиной. Тот факт, что район, окруженный государством, сегодня закрыт еще и тарифными стенами, делает неразрывную территориальную целостность политической необходимостью. Небольшое «зарубежное владение», изолированное от непосредственно примыкающей территории с помощью тарифов и других протекционистских мер, подверглось бы экономическому удушению. Но нет более простой проблемы, коль существует свободная торговля, а государство берет на себя защиту частной собственности. В таком случае ни одному «языковому острову» не придется молча соглашаться с нарушением своих национальных прав только из-за того, что он не связан с основной частью собственного народа территорией.

Пресловутая «проблема коридора» также возникает только в условиях империалистической, этатистской и интервенционистской системы. Страна, не имеющая выхода к морю, полагает, что ей нужен «коридор» к морю для

защиты своей внешней торговли от влияния интервенционистской и этатистской политики стран, территория которых отделяет ее от моря. Если бы принцип свободной торговли стал правилом, то было бы трудно увидеть, какие преимущества от владения «коридором» может ожидать не имеющая выхода к морю страна.

Переход из одной «экономической зоны» (в этатистском смысле) в другую имеет серьезные экономические последствия. Стоит только вспомнить, к примеру, о хлопчатобумажной промышленности Северного Эльзаса, которой дважды пришлось пройти через такое испытание, или о польской текстильной промышленности Верхней Силезии <Л.Мизес приводит примеры «перекраивания» политической карты Европы в результате франко-прусской (1869–1871 гг.) и 1-й мировой (1914–1918 гг.) войн и разделов Польши между Россией, Австрией и Пруссией. – *Прим. науч. ред.*> и т.д. Если изменение в политических союзах территории несет выгоду или ущерб для ее жителей, то их свобода голосовать за государство, к которому они действительно хотят принадлежать, существенным образом ограничивается. Можно говорить о подлинном самоопределении лишь в том случае, если решение каждой личности вытекает из ее свободного волеизъявления, а не из страха потерять надежду на прибыль. Капитализм, основанный на принципах либерализма, не знает особых «экономических зон». В капиталистическом мире вся поверхность земли образует единую экономическую территорию.

Право на самоопределение выгодно только тем, кто составляет большинство. Для защиты меньшинств необходимы внутренние меры. И в первую очередь мы рассмотрим те из них, которые затрагивают национальную политику в области образования.

В наши дни посещение школы или, по крайней мере, частное образование во многих странах является обязательным. Родители обязаны посылать своих детей в школу на определенное число лет или вместо государственного обучения в школе давать им соответствующее образование дома. Нет смысла вдаваться в доводы, которые приводились «за» и «против» обязательного образования, когда этот вопрос еще был актуален. Они не имеют ни малейшего отношения к сегодняшней проблеме. Есть только один довод, который вообще имеет какое-либо отношение к этому вопросу, а именно продолжающаяся приверженность политике обязательного образования не совместима с усилиями по установлению длительного мира.

Несомненно, жители Лондона, Парижа и Берлина сочтут такое заявление невероятным. Что общего может иметь система обязательного образования с проблемами войны и мира? Однако нельзя решать этот вопрос, подобно многим другим, исключительно с точки зрения народов Западной Европы. В

Лондоне, Париже и Берлине проблема обязательного образования наверняка решается без затруднений. В этих городах не может возникнуть вопрос, на каком языке вести преподавание. Население, которое живет в этих городах и посылает своих детей в школу, в общем, можно считать однородным по национальному составу. Но даже не говорящие на английском языке, но живущие в Лондоне люди хотят – в интересах своих детей, – чтобы обучение велось на английском. И положение дел в этом смысле ничем не отличается от Парижа и Берлина.

Однако проблема обязательного образования имеет совсем другое значение в тех обширных регионах, где говорящие на различных языках народы живут бок о бок друг с другом и отчасти смешались в многоязычной неразберихе. Здесь вопрос о том, на каком языке вести обучение, приобретает критическое значение. Решение этого вопроса может тем или иным образом с течением времени определить национальность всего района. Школа может разделить детей и родителей по языку, культуре и национальным традициям и использоваться как средство угнетения целых национальностей. Тот, кто контролирует школы, имеет возможность нанести ущерб другим национальностям и принести выгоду своей собственной.

Предложение направлять детей в школу, где говорят на языке их родителей, не является решением этой проблемы. Прежде всего, помимо проблемы детей со смешанным языковым происхождением, не всегда бывает легко определить, какой язык является родным языком родителей. В многоязычных районах профессии многих людей требуют знания и применения всех языков, употребляемых в стране. Кроме того, часто у человека нет возможности, опять же принимая во внимание средства к существованию, открыто объявить о своей принадлежности к той или иной национальности. При системе интервенционизма это могло бы ему стоить потери постоянной клиентуры, принадлежащей к другим национальностям, или работы, если предприниматель – представитель другой национальности. Есть много родителей, которые предпочли бы послать своих детей в школы иной национальности, потому что ставят преимущества знания двух языков или ассимиляции в другой национальности выше, чем верность своему собственному языку и народу. Если предоставить родителям выбор школы, то это значит предоставить их любой мыслимой форме политического насилия.

Во всех районах со смешанными национальностями школа – это политический «приз» наивысшего значения. Она не может быть лишена политического характера до тех пор, пока остается государственным и обязательным учреждением. По сути дела, существует лишь единственное решение: государство, правительство, законы никоим образом не должны касаться во-

просов обучения в школе или образования. Государственные средства не должны использоваться на эти цели. Воспитание и обучение молодежи должны быть полностью предоставлены родителям и частным объединениям и учреждениям.

Лучше будет, если несколько мальчиков вырастут без официального образования, чем если они воспользуются благом процесса обучения лишь для того, чтобы, повзрослев, столкнуться с риском быть убитыми или искалеченными. Здоровый неграмотный человек всегда лучше грамотного калеки.

Но даже если мы устраним духовное насилие, осуществляемое системой обязательного образования, мы все еще будем далеки от того, чтобы сделать все необходимое для устранения всех источников трений между национальностями, проживающими в многоязычных районах. Школа – это одно из средств угнетения национальностей, возможно, по нашему мнению, самое опасное, но, конечно, не единственное. Любое вмешательство в экономическую жизнь со стороны правительства может стать средством преследования представителей национальностей, говорящих на ином, чем правящая группа, языке. С этой целью в интересах сохранения мира деятельность правительства должна быть ограничена сферой, в которой она является, в самом строгом смысле слова, незаменимой.

Мы не можем обойтись без аппарата правительства в области защиты и сохранения жизни, свободы, собственности и здоровья личности. Но даже юридические и полицейские действия могут стать опасными в районах, где можно всегда найти основу для дискриминации одной из групп при ведении официальной деятельности. Только в странах, где нет особых побудительных мотивов для пристрастного отношения к одним в ущерб другим, вообще не будет причин опасаться того, что магистрат, который, как предполагается, должен соблюдать законы о защите жизни, свободы, собственности и здоровья, будет действовать с предубеждением. Там же, где религиозные, национальные или подобные им различия разбили население на группы и разделили их пропастью – причем такой глубокой, что она исключает любое проявление справедливости и гуманности, – не осталось места ничему, кроме ненависти, – там положение совсем другое. Судья, который действует с предубеждением сознательно или, гораздо чаще, подсознательно, полагает, что он выполняет высший долг, когда применяет права и полномочия в интересах собственной группы.

Поскольку у правительственного аппарата нет никаких других функций, кроме защиты жизни, свободы, собственности и здоровья граждан, постольку возможно хотя бы составить правила, которые настолько строго ограничат сферу свободной деятельности административных властей и судов, что оста-

вят немного или совсем не оставят места для собственного выбора или произвольного, субъективного решения суда. Но как только хоть какая-то часть производства передается в управление государству, как только аппарат правительства бывает вынужден, например, определять, продажа каких товаров более важна, каких – менее, тогда становится невозможным настаивать на том, чтобы официальные административные лица придерживались свода обязательных правил и постановлений, которые гарантировали бы определенные права каждому гражданину. Уголовное законодательство, призванное наказывать убийц, может с известной точностью провести разграничительную черту между тем, кого считать, а кого не считать убийцей, и тем самым установить определенные рамки, где магистрат свободно применяет свое собственное судебное решение. Конечно, каждый юрист слишком хорошо знает, что даже самый хороший закон можно извратить в конкретных ситуациях, при толковании, применении и отправлении норм закона. Но в случае с правительственным ведомством, которому поручено управление транспортными средствами, шахтами или государственной землей, самое большее, что можно сделать, чтобы сохранить его беспристрастность в отношении спорных вопросов, касающихся национальных отношений, это дать ему указания, облеченные в пустые утверждения общего характера, хотя по другим соображениям (обсуждавшимся ранее) было бы лучше ограничить свободу действия правительственного ведомства. Этому ведомству нужно предоставить свободу маневра в данной области, так как нельзя знать заранее, при каких обстоятельствах ему придется действовать. Таким образом, широко открывается дверь для произвола, предубеждения и злоупотребления официальной властью.

Даже в районах проживания людей различных национальностей нет необходимости в администрации, объединенной по национальному признаку. Нельзя же поставить на каждом перекрестке как немецкого, так и чешского полицейского, чтобы каждый защищал только представителей своей национальности. И даже если бы это было возможно, все же оставался бы вопрос о том, кто же должен действовать, если представители обеих национальностей попали в ситуацию, требующую вмешательства. Ущерб от объединения администрации на этих территориях неизбежен. Таким образом, если осуществление таких незаменимых функций правительства, как защита жизни, свободы, собственности и здоровья сталкивается с трудностями, то нельзя их увеличивать до подлинно чудовищных размеров путем распространения спектра государственной активности на другие сферы, где – в силу самого их характера – должна быть предоставлена свобода для произвольного решения.

Обширные районы земли заселены представителями не одной национальности, расы или религии, а пестрой смесью многих народов. В результате миграционных движений, которые обязательно следуют за изменениями в размещении производства, проблема смешанного населения охватывает новые территории. Если нет желания искусственно усугублять трения, которые возникают от этого совместного проживания различных групп, то ограничить деятельность государства нужно только теми задачами, которые оно одно и может решать.

4. Национализм

Пока нациями управляли монархи, идея о том, чтобы подогнать границы государства так, чтобы они совпали с границами между национальностями, не могла найти одобрения. Если властелин хотел включить провинцию в свое королевство, его мало беспокоило, согласны ли жители – подданные – со сменой правителей или нет. Единственное, о чем заботился властелин, достаточно ли имеющихся вооруженных сил для захвата и удержания территории. Собственное поведение публично оправдывалось ссылками на законность притязаний. Национальность жителей захватываемой территории вообще не принималась во внимание.

Именно с появлением либерализма вопрос о том, как следует устанавливать границы государств, впервые стал проблемой, не зависящей от военных, исторических и юридических соображений. Либерализм, в соответствии с которым государство создается по воле большинства людей, живущих на определенной территории, не допускает каких-либо военных соображений, которые ранее были решающими в определении границ государства. Он отвергает право на завоевание. Он не может принять аргумента о «стратегических границах» и считает совершенно непостижимым требование о включении клочка земли в состав какого-либо государства для того, чтобы укрепить передний край обороны. Либерализм не признает историческое право принца наследовать провинцию. В либеральном понимании король может править только людьми, а не территорией, жители которой рассматриваются как приложение к земельным владениям. Монарх милостию Божией носит титул по названию территории, например, «Король Франции». Короли милостию либерализма получили свои титулы не от названия территории, а от имени народа, которым они правили как конституционные монархи. Так, Луи Филипп носил титул короля французов, таким же образом сейчас существует король бельгийцев, как когда-то был король эллинов.

Именно либерализм создал правовую форму, с помощью которой могло бы быть выражено желание народа принадлежать или не принадлежать определенному государству, – плебисцит. Государство, к которому хотят принад-

лежать жители определенной территории, должно быть выявлено путем опроса. Но даже если бы все необходимые экономические и политические условия (включая антидискриминационные меры в отношении образования) были выполнены, чтобы не допустить сведения плебисцита к фарсу, даже если бы было возможно провести выборы среди жителей каждой общины и повторять такие выборы всякий раз, когда меняются обстоятельства, то некоторые нерешенные проблемы, конечно, все еще остались бы в качестве возможных источников трений между различными национальностями. Ситуация, когда приходится принадлежать к государству, к которому принадлежать не хочется, не менее тягостна, сложилась ли она в результате плебисцита или ее приходится терпеть в результате военного завоевания. Но она вдвойне трудна для человека, который отрезан от большей части своих соотечественников языковым барьером.

Быть членом национального меньшинства всегда означает быть гражданином второго сорта. Обсуждение политических вопросов, конечно, должно осуществляться в письменной или устной форме – в речах, газетных статьях и книгах. Однако эти средства политического просвещения и дискуссий не находятся в распоряжении языкового меньшинства в такой же степени, в какой ими обладают те, чей родной язык (язык, используемый в повседневной речи) – это язык, на котором ведется обсуждение. В конце концов политическая мысль народа – это отражение идей, содержащихся в его политической литературе. Облеченный в форму писаного закона результат политических дискуссий приобретает непосредственное значение для гражданина, говорящего на ином языке, поскольку он обязан подчиняться закону. Он испытывает чувство отстраненности от активного участия в отправлении законодательной власти или, по крайней мере, чувствует, что ему не позволили участвовать в нем в такой же степени, в какой это доступно тем, чей родной язык – это язык правящего большинства. И когда он предстает перед судьей или любым административным лицом как сторона, выступающая с прошением или петицией, он сталкивается с людьми, политическая мысль которых ему чужда, потому что она развивалась под воздействием иных идеологических влияний.

Но даже, помимо всего этого, уже сам факт того, что представителям меньшинства при появлении в суде или при общении с административными властями необходимо пользоваться чужим для них языком, ставит их во многих отношениях в невыгодное положение. Совершенно различно положение тех, кто предстает перед судом и может обратиться к судьям непосредственно, и тех, кто вынужден пользоваться услугами переводчика. На каждом шагу члена национального меньшинства заставляют ощущать, что он живет

среди чужих и, даже если буква закона отрицает это, он – гражданин второго сорта.

Все эти неудобства создают очень тягостные ощущения даже в государстве с либеральной конституцией, в котором деятельность правительства ограничена защитой жизни и собственности граждан. Но они становятся совсем невыносимыми в интервенционистском или социалистическом государстве. Если административные власти имеют право вмешиваться куда угодно по своему усмотрению, если предоставленная судьям и официальным лицам свобода в выполнении их решений так широка, что оставляет место для действий по политическим предубеждениям, тогда член национального меньшинства оказывается предоставленным судебному произволу и угнетению со стороны государственных функционеров, принадлежащих правящему большинству. То, что происходит, когда школа и церковь также не свободны, а подчиняются указаниям правительства, уже обсуждалось.

Именно здесь нужно искать корни агрессивного национализма, проявления которого мы сегодня наблюдаем. Попытки усмотреть естественные, а не политические причины существующих сегодня между нациями неистовых антагонизмов также ошибочны. Все признаки врожденного, по общему мнению, чувства антипатии между народами, которые обычно демонстрируют в качестве примеров, существуют также и внутри каждой нации. Баварец ненавидит пруссак, пруссак – баварца. Не менее яростная ненависть существует и среди отдельных групп во Франции и в Польше. Тем не менее немцы, поляки и французы умудряются жить в мире в рамках своих стран. Особое политическое значение чувству антипатии поляка к немцу, а немца к поляку придает надежда каждого народа захватить политический контроль над пограничными районами, где немцы и поляки живут бок о бок, и использовать его для угнетения членов другой национальности. Стремление людей использовать школы, чтобы отдалить детей от языка их отцов, суды и административные учреждения, политические и экономические меры и даже прямую конфискацию имущества, чтобы преследовать тех, кто говорит на иностранном языке, – разжигает истребляющий пожар. Сегодня люди готовы прибегнуть к отчаянным мерам в целях создания благоприятных условий для политического будущего своей страны, и они создали в многоязычных районах систему угнетения, которая угрожает миру во всем мире.

Пока либеральная программа полностью не осуществлена на территориях со смешанной национальностью, ненависть между членами различных наций должна становиться все более жестокой и продолжать разжигать новые войны и восстания.

5. Империализм

Страсть к завоеваниям у абсолютных монархов предыдущих столетий была направлена на расширение сферы их власти и увеличение их богатства. Ни один правитель не мог быть беспредельно могущественным, ибо только силой он мог удержать свою власть в борьбе против внутренних и внешних врагов. Ни один правитель не мог быть достаточно богатым – он нуждался в деньгах для содержания своих солдат и окружения.

Для либерального государства вопрос о том, расширять или не расширять границы своей территории, не имеет большого значения. Богатство не может быть завоевано путем аннексии новых провинций, поскольку «доходы», полученные от территории, должны быть использованы на компенсацию затрат на управление ею. Для либерального государства, которое не вынашивает никаких агрессивных планов, укрепление его военной мощи не имеет значения. Так, либеральные парламенты противились всем попыткам увеличить военный потенциал их стран и выступали против любой милитаристской и захватнической политики.

Либеральная политика мира, которая в начале 60-х годов прошлого столетия, когда либерализм одерживал победу за победой, уже считалась, по крайней мере в Европе, гарантированной, была основана на том утверждении, что народ каждой территории будет иметь право сам определять государство, к которому он желает принадлежать. Однако чтобы обеспечить это право прежде всего понадобился ряд достаточно серьезных войн и революций, поскольку абсолютистские власти не имели намерений мирно передать свои полномочия. Свержение иностранного господства в Италии, сохранение немцев в земле Шлезвиг-Гольштейн перед лицом угрожающей денационализации, освобождение поляков и южных славян могли быть достигнуты только с помощью оружия. Вопрос был мирно разрешен только в одном из многих мест, где существующий политический порядок столкнулся с требованием о праве на самоопределение: либеральная Англия предоставила свободу Ионическим островам. В других местах такая же ситуация обернулась войнами и революциями. Из борьбы за создание единого немецкого государства родился сокрушительный современный франко-германский конфликт. <Имеется в виду война между Францией и Пруссией (1869–1871 гг.), закончившаяся поражением Франции. – Прим. пер.> Польский вопрос остался нерешенным, потому что царь подавлял одно восстание за другим. Балканский вопрос был урегулирован лишь частично, а невозможность решения проблем династии Габсбургов против воли правящей династии в конечном итоге привела к инциденту, ставшему непосредственной причиной мировой войны.

Современный империализм отличается от экспансионистских тенденций абсолютных монархий тем, что его движущей силой были не члены правящей династии и даже не дворянство, бюрократия или офицерский корпус в армии, нацеленные на личное обогащение посредством грабежа ресурсов завоеванных территорий, а народные массы, которые видят в нем самое подходящее средство для сохранения национальной независимости. В рамках сложной системы антилиберальной политики, которая настолько расширила функции государства, что вряд ли оставила какое-либо поле для деятельности, свободной от правительственного вмешательства, бесполезно надеяться даже на умеренно удовлетворительное решение политических проблем регионов, где бок о бок проживают представители нескольких национальностей. Если правительство этих территорий не полностью придерживается либерального курса, то не может быть и речи даже о каком-либо приближении к равноправию по отношению к различным национальным группам. В этом случае может быть только деление на правящую и управляемую группы. Единственный выбор состоит в том, кто будет молотом, а кто, наковальной. Таким образом, стремление к сильному, насколько это возможно, государству – такому, которое может распространить свой контроль на территории со смешанными национальностями, – становится незаменимым требованием национального самосохранения.

Но проблема смешанных в языковом отношении регионов не ограничивается странами, которые были заселены в исторически давние времена. Капитализм открывает для цивилизации новые земли, предлагающие более благоприятные условия производства, чем в уже давно заселенных странах. Капитал и рабочая сила переливаются в наиболее благоприятное место. Начатое таким образом миграционное движение намного превосходит все предыдущие «переселения народов». Эмигранты лишь немногих наций обладают возможностью переселяться на земли, где политическая власть находится в руках их соотечественников. Однако там, где этой возможности не существует, миграция вызывает те же конфликты, которые обычно развиваются на многоязычных территориях. В особых случаях, на которых здесь мы останавливаться не будем, положение в заокеанских районах несколько отличается от уже давно сложившегося в странах Европы. Тем не менее конфликты, возникающие в результате неудовлетворительного положения национальных меньшинств, в конечном счете одинаковы. Желание любой страны оградить своих граждан от такой перспективы приводит, с одной стороны, к борьбе за получение колоний, удобных для заселения европейцами, а с другой – к установлению импортных пошлин для защиты внутреннего производства, действующего в менее выгодных условиях на фоне конкурентоспособной зару-

бежной промышленности, с надеждой сделать таким образом эмиграцию рабочих ненужной. Для расширения защищаемого рынка предпринимаются попытки завладеть насколько это возможно даже теми территориями, которые считаются неподходящими для европейцев. Мы можем считать началом современного империализма конец 70-х годов прошлого столетия, когда промышленные страны Европы стали отказываться от политики свободной торговли и приняли участие в гонке за колониальные рынки в Африке и Азии.

Именно в отношении Англии был впервые употреблен термин «империализм», чтобы охарактеризовать современную политику территориальной экспансии. Разумеется, британский империализм первоначально был направлен не столько на присоединение новых территорий, сколько на создание из подвластных короне различных владений экономической зоны однородной коммерческой политики, свободной от таможенных барьеров. Это был результат странной ситуации, в которой оказалась Англия как метрополия, владеющая самыми обширными колониальными поселениями в мире. Тем не менее цель, которой английские империалисты хотели достичь путем создания таможенного союза, объединяющего доминионы и метрополию, была той же, что и цель колониальных приобретений Германии, Италии, Франции, Бельгии и других европейских стран, а именно создание защищенных экспортных рынков.

Великие коммерческие цели, на которые была направлена политика империализма, нигде не были достигнуты. Мечта о всебританском таможенном союзе осталась нереализованной. Аннексированные за последние десятилетия территории, как и те, в которых удалось добиться «концессий», играют второстепенную роль в обеспечении мирового рынка сырьем и полуфабрикатами и в потреблении промышленных товаров, поэтому подобные меры не могут внести ничего действительно радикального в мировое производство и торговлю. Чтобы достичь целей империализма, нациям Европы недостаточно было оккупировать районы, населенные дикарями, не способными к сопротивлению. Им пришлось добиваться территорий, которыми владели народы, готовые и способные защищать себя. И именно здесь и потерпела или вскоре потерпит крах политика империализма. В Абиссинии, Мексике и на Кавказе, в Персии и Китае – везде мы видим, что империалистические агрессоры отступают или, по крайней мере, уже испытывают огромные трудности.

6. Колониальная политика

Соображения и цели, которыми руководствовалась колониальная политика европейских держав со времен великих открытий, находятся в противоречии со всеми принципами либерализма. Главная идея колониальной поли-

тики состояла в использовании военного превосходства белой расы над членами других рас. Европейцы выступили, оснащенные оружием и изобретениями, которые предоставила им их цивилизация, чтобы покорить более слабые народы, лишить их собственности и поработить. Были предприняты попытки найти оправдание и благоприятно истолковать подлинные мотивы колониальной политики: якобы его единственной целью было приобщение первобытных народов к благам европейской цивилизации. Допуская, что это было подлинной целью правительств, пославших завоевателей в отдаленные части света, для либерала все же не существует достаточно серьезного основания считать этот вид колонизации полезным или благотворным. Мы допускаем, что европейская цивилизация действительно превосходит цивилизации Африки или Азии, хотя последние по-своему достойны уважения. Но она должна доказать свое превосходство, вдохновляя эти народы на выбор ее по своему собственному желанию. Может ли быть более печальное доказательство бесплодности европейской цивилизации, чем распространение ее исключительно с помощью огня и меча?

Ни одна глава истории не пропитана большей кровью, чем история колониализма. Кровь проливалась без пользы и бессмысленно. Процветающие земли были опустошены, целые народы были уничтожены и истреблены. Все это никоим образом нельзя ни извинить, ни оправдать. Власть европейцев в Африке и в ключевых районах Азии абсолютна. Она противоречит всем принципам либерализма и демократии, и, несомненно, мы должны бороться за ее отмену. Единственный вопрос состоит в том, как с наименьшими последствиями устранить колониальное господство.

Наиболее простым и радикальным решением для европейских правительств был бы вывод их чиновников, солдат и полиции из этих регионов и предоставление жителей самим себе. Не имеет значения, будет ли это сделано немедленно или же «сдаче» колоний будет предшествовать проведение свободного плебисцита местных жителей. Вряд ли есть еще какие-либо сомнения по поводу результатов действительно свободных выборов. Европейцы в заморских колониях никак не могут рассчитывать на согласие местных жителей.

Прямым следствием такого радикального решения стали бы если не полная анархия, то, по крайней мере, продолжительные конфликты в регионах, покинутых европейцами. Местные жители научились у европейцев лишь злым, а не хорошим манерам. В этом вина не колонизированных народов, а их европейских завоевателей, которые не научили ничему, кроме плохого. Они принесли в колонии орудия насилия и уничтожения, они послали своих самых плохих и самых жестоких граждан в качестве чиновников и офицеров,

силой оружия они установили колониальное правление, которое по своей кровавой жестокости сравнимо лишь с деспотической системой большевиков. Европейцы не должны удивляться, если плохой пример, который они показали в колониях, теперь приносит дурные плоды. В любом случае они не имеют права фарисейски жаловаться на низкий уровень общественных нравов колониальных народов. Никак не могут быть оправданы утверждения, будто жители колоний еще недостаточно созрели для свободы и им необходимо еще, по крайней мере, несколько лет обучения под кнутом иностранных правителей, прежде чем они смогут жить самостоятельно. Именно на самом этом «обучении» и лежит, по крайней мере частично, ответственность за ужасные условия, существующие сегодня в колониях. Однако полностью последствия колониального господства проявятся позднее, после возможного вывода европейских войск и чиновников.

Вероятно, еще будут продолжаться споры о том, что, поскольку долг европейцев, как представителей «высшей» расы, избежать анархии, которая предположительно установится после их ухода из колоний, что сохранение власти европейцев – в интересах и на благо самих жителей колоний. Для подтверждения этого довода можно нарисовать мрачную картину условий, которые существовали в Центральной Африке и во многих частях Азии до установления европейского правления. Можно вспомнить охоту на рабов, которую вели арабы в Центральной Африке, и буйное насилие, которое позволяли себе индийские деспоты. Конечно, это лицемерный способ аргументации, и нельзя забывать, например, что работорговля в Африке могла процветать только потому, что потомки европейцев в американских колониях появились на рынке рабов в качестве покупателей. Но для нас совсем нет необходимости вдаваться во все «за» и «против» этой линии аргументов. Если предполагаемый интерес местных жителей является единственным доводом в пользу сохранения европейского правления в колониях, то было бы лучше полностью положить конец этому правлению. Никто не имеет права вмешиваться в дела других, чтобы направлять их интересы, и никому, если у него на уме свои интересы, не следует делать вид, что он самоотверженно действует исключительно в интересах других.

Однако в пользу сохранения европейского правления и влияния в колониальных районах все же существует один довод. Если бы европейцы не подчинили своей власти тропические страны, если бы они не сделали свою экономическую систему в значительной степени зависимой от импорта тропического сырья и заморских сельскохозяйственных продуктов, за которые они расплачиваются промышленными товарами, тогда еще можно было бы спокойно обсудить вопрос о целесообразности вовлечения этих регионов в

систему мирового рынка. Но поскольку колонизация – свершившийся факт и она уже втянула эти территории в рамки мирового экономического сообщества, ситуация сегодня совсем другая.

Сегодня экономика Европы в большой степени основывается на включении в мировое хозяйство в качестве поставщиков различного сырья обширных регионов Африки и Азии. Это сырье не отнимают силой. Оно не взимается как дань, а передается в ходе добровольного обмена на промышленные товары из Европы. Таким образом, отношения не строятся на каком-либо преимуществе, напротив, они имеют взаимовыгодный характер и население колоний извлекает из них столько же выгоды, сколько и население Англии или Швейцарии. Любое прекращение этих торговых отношений нанесло бы серьезный экономический ущерб как Европе, так и колониям, и привело бы к резкому падению уровня жизни большого числа людей. Поскольку медленное распространение современных экономических отношений по всему свету и постепенное развитие мировой экономики было одним из наиболее важных источников увеличения богатства за последние полтора столетия, то поворот этой тенденции вспять стал бы для мира экономической катастрофой невиданных доселе масштабов. По масштабам и тяжести последствий эта катастрофа намного превзошла бы кризис, связанный с мировой войной. Следует ли позволить благосостоянию Европы, а одновременно и колоний прийти в упадок ради того, чтобы предоставить местным жителям шанс определять свою политическую судьбу, если это в любом случае привело бы их не к свободе, а просто к перемене хозяев?

Это соображение должно быть решающим при оценке вопросов колониальной политики. Европейские чиновники, войска и полиция должны остаться в этих районах до тех пор, пока их присутствие необходимо для поддержания правовых и политических условий, необходимых для обеспечения участия колониальных территорий в международной торговле. Необходимо обеспечить возможность ведения коммерческих, промышленных и сельскохозяйственных операций в колониях, разработка шахт и перевозка товаров по железной дороге или речным транспортом к побережью, а оттуда в Европу и Америку. Все эти хозяйственные процессы должны продолжаться и служить интересам всех: не только жителей Европы, Америки и Австралии, но также и самих жителей Азии и Африки. Там, где колониальные державы не выходят за рамки хозяйственной деятельности в отношении со своими колониями, их деятельность не вызывает возражения даже с либеральной точки зрения.

Но каждый знает, насколько серьезно все колониальные державы погрелись против принципа взаимовыгодного сотрудничества. Вряд ли есть необходимость припоминать все ужасы, которые, как сообщили достойные

доверия английские корреспонденты, происходили в Бельгийском Конго. Предположим, эти зверства не были задуманы бельгийским правительством и их можно отнести на счет крайностей и плохого характера чиновников, посланных в Конго. И все же сам факт того, что почти все колониальные державы установили в своих заморских владениях торговую систему, которая ставит в выгодное положение товары из метрополии, показывает, что в нынешней колониальной политике господствуют соображения, в корне отличающиеся от тех, которых следовало бы придерживаться в этой сфере.

Чтобы привести интересы Европы и белой расы к согласию с интересами цветных наций в колониях по всем вопросам экономической политики, необходимо предоставить Лиге Наций верховные полномочия в управлении всеми заморскими территориями, где нет системы парламентского правления. Лиге наций пришлось бы следить за тем, чтобы самоуправление как можно скорее предоставлялось тем странам, которые сегодня им не обладают, и чтобы полномочия метрополии ограничивались защитой собственности, гражданских прав иностранцев и торговых отношений. Местные жители, а также граждане других держав должны получить право обращаться с жалобами непосредственно в Лигу в тех случаях, когда какие-либо меры метрополии выходят за рамки необходимого для обеспечения безопасности торговли, коммерции и вообще экономической деятельности на этих территориях, а Лиге Наций должно быть предоставлено право осуществлять эффективное урегулирование таких жалоб.

Применение этих принципов означало бы, по сути дела, что все заморские территории европейских стран будут сначала переданы под мандат Лиги. Но этот шаг пришлось бы рассматривать лишь как переходную стадию. Конечной целью должно по-прежнему оставаться полное освобождение колоний от деспотического правления, под которым они сегодня находятся.

Такое решение трудной проблемы, которая с течением времени становится еще более трудной, было бы в интересах не только стран Европы и Америки, которые не обладают колониями, но также и колониальных держав и жителей колоний. Колониальным державам приходится осознать, что в конце концов они будут не в состоянии сохранять власть над колониями. Капитализм уже проник на эти территории, выросло самосознание местных жителей. Культурного неравенства между верхушкой их общества и офицерами и чиновниками, находящимися в руководстве администрации от имени метрополии, больше не существует. В военном и политическом плане распределение власти сегодня отличается от того, что было всего лишь поколение назад. Попытка европейских держав, Соединенных Штатов и Японии обратиться с Китаем как с колониальной территорией закончилась неудачей. В

Египте англичанам уже приходится отступать, в Индии они также теперь занимают оборонительные позиции. Хорошо известно, что Нидерландам не удастся удержать Восточно-Индийские острова от мощных освободительных выступлений. Так же обстоят дела и с французскими колониями в Африке и Азии. Американцы испытывают серьезные проблемы с Филиппинами и готовы отказаться от них, как только представится удобный случай. Перевод колоний под опеку Лиги Наций гарантировал бы колониальным державам сохранение своих капиталовложений и оградил бы их от необходимости приносить жертвы для подавления туземных восстаний. Население колоний тоже могло бы быть благодарно за предложение, которое обеспечило им независимость с помощью мирной эволюции, а с ней и гарантию того, что ни один сосед, стремящийся к завоеваниям, не будет угрожать их политической независимости в будущем.

7. Свободная торговля

Демонстрация последствий покровительственного тарифа и свободной торговли является краеугольным камнем классической теории экономики. Она настолько ясна, настолько очевидна, настолько бесспорна, что противники свободной торговли не могли выдвинуть против нее каких-либо доводов, которые нельзя было бы сразу отвергнуть как полностью ошибочные и абсурдные.

Тем не менее в наши дни повсеместно мы сталкиваемся с покровительственными тарифами, часто даже с прямым запретом на импорт. Даже в Англии, родине свободной торговли, господствует сегодня протекционизм. Принцип национальной автаркии завоевывает с каждым днем новых сторонников. Даже страны с населением всего лишь в несколько миллионов человек, например Венгрия и Чехословакия, пытаются с помощью политики высоких тарифов и запрета на импорт отгородиться от остального мира. Основная идея внешнеторговой политики Соединенных Штатов заключается в обложении всех товаров, произведенных за рубежом с меньшими издержками, налогами на импорт в размере этой разницы. Ситуацию делает нелепой тот факт, что все страны хотят сократить свой импорт, увеличивая в то же самое время свой экспорт. Последствие такой политики – вмешательство в систему международного разделения труда и вследствие этого – общее снижение производительности труда. Этот результат не стал заметным по единственной причине: прогресс капиталистической системы всегда был настолько существенным, что перевешивал последствия такой политики. Однако сегодня любой был бы несомненно богаче, если бы покровительственный тариф искусственно не выводил производство из более благоприятных в менее благоприятные районы.

В условиях системы свободной торговли капитал и рабочая сила применялись бы там, где существуют наиболее благоприятные условия для производства. По мере развития средств транспорта, улучшения технологий и более тщательного исследования стран, недавно открывшихся для торговли, обнаруживается, что есть более благоприятные для производства места, чем используемые в настоящее время, – производство перемещается в эти районы. Капитал и рабочая сила имеют тенденцию перемещаться с территорий, где условия производства менее благоприятны, в районы, где они более благоприятны.

Но миграция капитала и рабочей силы предполагает не только полную свободу торговли, но также и полное отсутствие препятствий их передвижению из одной страны в другую. Это было далеко не так в те времена, когда впервые появилась классическая теория свободной торговли. На пути свободного перемещения капитала и рабочей силы стоял ряд препятствий. Из-за незнания условий, общей неуверенности в отношении законов и порядка и других подобных причин капиталисты не хотели инвестировать в зарубежные страны. Что касается рабочих, то они считали невозможным покинуть свою родную землю не только из-за незнания иностранных языков, но из опасений правовых, религиозных и других трудностей.

В начале XIX века капитал и рабочая сила могли практически свободно передвигаться внутри каждой страны, препятствия стояли на пути их перемещения из одной страны в другую. Единственное оправдание отличия экономической политики в отношении внутренней и внешней торговли следует искать в том факте, что в первом случае капитал и рабочая сила свободно передвигаются внутри страны, тогда как в отношениях между странами дело обстоит иначе. Итак, проблему, которую предстояло решить классической теории, можно сформулировать следующим образом: каковы последствия свободной торговли потребительскими товарами между двумя странами, если передвижение капитала и рабочей силы из одной страны в другую ограничено?

Ответ на этот вопрос дала теория Рикардо. Отрасли производства распределяются среди стран таким образом, что каждая страна вкладывает свои ресурсы в те отрасли, в которых она обладает наибольшим преимуществом над другими странами. Меркантилисты опасались, что страна с неблагоприятными условиями производства импортировала бы больше, чем экспортировала, так что в конечном счете она оказалась бы без денег. Они требовали своевременно вводить покровительственные тарифы и запрет на импорт во избежание возникновения такой плачевной ситуации. Классическая теория показывает, что опасения меркантилистов были беспочвенны. Ибо даже

стране, где условия производства в каждой отрасли промышленности менее благоприятны, чем условия в других странах, нет нужды опасаться, что она будет экспортировать меньше, чем импортировать. Классическая теория блестяще и неопровержимо доказала, не оставив никакой почвы для возражений, что даже страны с относительно благоприятными условиями производства должны считать выгодным импортировать из стран с относительно неблагоприятными условиями производства те товары, которые им, разумеется, было бы дешевле производить самим, но не настолько дешевле, чтобы сохранять производство других товаров, в котором они уже специализируются.

Итак, классическая теория свободной торговли говорит государственному деятелю следующее: есть страны с относительно благоприятными и с относительно неблагоприятными природными условиями производства. При невмешательстве правительств в международное разделение труда каждая страна найдет свое место в мировой экономике независимо от того, каковы ее условия производства в сравнении с условиями в других странах. Конечно, страны со сравнительно благоприятными условиями производства будут богаче, чем другие, но этот факт ни в коем случае нельзя изменять политическими мерами. Это простое следствие различий в природных факторах производства.

Такова была ситуация, с которой столкнулся прежний либерализм, и его ответом на эту ситуацию была классическая теория свободной торговли. Но со времен Рикардо изменилась и ситуация в мире, и проблема, с которой теории свободной торговли пришлось столкнуться за последние шестьдесят лет перед началом мировой войны, в корне отличалась от той, с которой ей пришлось иметь дело в конце XVIII – начале XIX века. В конце XIX века были частично устранены препятствия, которые в начале века стояли на пути свободного перемещения капитала и рабочей силы. Во второй половине XIX века капиталисту было гораздо легче вкладывать свой капитал за рубежом, чем это было в дни Рикардо. Законность и порядок были установлены на значительно более прочной основе, знание зарубежных стран, образа жизни и обычаев расширилось, а акционерная компания предоставила возможность поделить риск зарубежных предприятий среди многих людей, тем самым сократив его для каждого в отдельности. Конечно, было бы преувеличением сказать, что в начале XX века капитал был таким же мобильным при перемещении из одной страны в другую, как в рамках территории своей страны. Разумеется, все еще имелись определенные различия. И все же утверждение о том, что капитал должен оставаться в границах своей страны, больше не было верным. Не относилось оно и к рабочей силе. Во второй половине XIX

века миллионы людей покинули Европу в поисках лучшей возможности найти работу за океаном.

Поскольку условия, предполагаемые классической теорией свободной торговли, а именно отсутствие перелива капитала и рабочей силы больше не существовали, различия между последствиями свободного перемещения товаров во внутренней и внешней торговле также перестали существовать. Если капитал и рабочая сила могут так же свободно перемещаться между странами, как и в рамках одной страны, то больше нет оправдания для проведения различия между последствиями свободной торговли во внутренних и внешних аспектах. То, что справедливо в отношении первого, также относится и к последнему: результат свободной торговли состоит в том, что производство размещается только в тех районах, где для него есть сравнительно благоприятные условия, в то время как районы, где условия производства сравнительно неблагоприятны, остаются неиспользуемыми. Капитал и рабочая сила перемещаются из стран с менее благоприятными условиями производства в страны, где условия производства более благоприятны, или, точнее, из давно и густо населенных европейских стран в Америку и Австралию – в регионы, которые предлагают более благоприятные условия производства.

Для европейских наций, в распоряжении которых, помимо старых районов поселения в Европе, имелись удобные для колонизации заморские территории, это означало лишь расселение части своего населения за океаном. Например, в случае с Англией – часть ее бывших жителей осела в Канаде, Австралии или Южной Африке. Эмигранты, покинувшие Англию, могли сохранить за собой английское гражданство и национальность на своей новой родине. Но для Германии дело обстояло совсем по-другому. Эмигрировавший немец селился на территории зарубежной страны и оказывался среди представителей иностранной нации. Он становился гражданином иностранного государства; вероятнее всего, связь его детей с немецким народом прервется уже через одно-два или, по крайней мере, три поколения, на чем и завершится процесс ассимиляции. Германия столкнулась с проблемой того, как ей относиться к миграции за океан части ее капитала и ее народа.

Не следует делать ошибки и полагать, что проблемы торговой политики, с которыми пришлось столкнуться Англии и Германии во второй половине XIX века, были одинаковыми. Для Англии вопрос заключался в том, следует ли ей позволить переселиться в доминионы части населения. Никаких причин препятствовать этому у Англии не было. Проблема Германии состояла в том, оставаться ли ей безучастным зрителем, когда ее граждане эмигрируют в британские колонии, в Южную Америку и другие страны, где, как ожида-

лось, с течением времени они отказывались бы от своего гражданства и национальности так же, как это сделали сотни тысяч, а на самом деле, миллионы ранее эмигрировавших немцев. Германская империя не желала, чтобы это происходило. Приблизившись в 60–70-е годы к политике свободной торговли, Германия к концу 70-х переключилась на политику протекционизма. Были введены налоги на импорт, призванные защитить немецкое сельское хозяйство и промышленность от иностранной конкуренции. Под защитой этих тарифов немецкое сельское хозяйство было способно в некоторой степени выдерживать восточно-европейскую и заокеанскую конкуренцию ферм, действующих на лучшей земле, а немецкая промышленность могла образовывать картели, которые удерживали внутренние цены выше цен мирового рынка и давали ей возможность использовать полученную таким образом прибыль для экспорта продукции по более низким ценам, чем ее зарубежные конкуренты.

Но конечная цель, которая намечалась при возврате к политике протекционизма, не могла быть достигнута. Чем выше росли издержки производства и стоимость жизни в Германии как прямое следствие этих покровительственных тарифов, тем в более трудном положении оказывалась ее торговля. Разумеется, Германия имела возможность предпринять мощный промышленный скачок в первые три десятилетия эры новой торговой политики. Этот подъем произошел бы и без введения протекционистских тарифов, а, главным образом, вследствие введения новых методов производства в немецкой чугунной и химической промышленности, позволивших лучше использовать обширные природные ресурсы страны.

Антилиберальная политика, запрещающая свободное передвижение рабочей силы между странами и значительно ограничивая перемещение капитала, в определенной степени устранила различия в условиях международной торговли между началом и концом XIX века и вернулась к тем условиям, которые преобладали в то время, когда впервые была сформулирована теория свободной торговли. Снова капитал и, прежде всего, рабочая сила сталкиваются с препятствиями на пути своего передвижения. В нынешних условиях беспрепятственная торговля потребительскими товарами не могла бы вызвать сколь-либо существенных миграционных движений. И вновь результатом было бы такое положение вещей, при котором каждый народ был бы занят в тех видах и отраслях производства, для которых внутри его страны существуют относительно лучшие условия.

Каковы бы ни были предпосылки для развития международной торговли, покровительственные тарифы могут привести лишь к одному: помешать вести производство там, где для этого существуют наиболее благоприятные

природные и социальные условия, и вынудить вести производство там, где условия хуже. Результатом протекционизма поэтому всегда является снижение производительности труда. Сторонник свободной торговли далек от отрицания того, что зло, с которым народы хотят бороться с помощью политики протекционизма, действительно является злом. Он лишь утверждает, что предложенные империалистами и протекционистами средства не могут уничтожить это зло. Поэтому он предлагает другой путь. Чтобы сделать необратимыми условия длительного мира, либерал хочет изменить одну из особенностей нынешней международной обстановки: когда эмигранты из таких стран, как Германия и Италия, к которым отнеслись как к пасынкам при разделе мира, должны жить в районах, где в силу антилиберальной политики они осуждены на утрату своей национальности.

8. Свобода передвижения

Либерализм порой упрекают в том, что его программа – это в основном отрицание. Утверждают, что подобный негативизм следует из самой природы свободы, которая может представлять собой только свободу от чего-то, т.е. требование свободы заключается, по существу, в отказе от какого-либо рода претензий. Предполагается, что у авторитарных партий позитивная программа. Поскольку терминами «негативный» и «позитивный» обычно обозначается вполне определенное ценностное суждение, такая манера высказывания уже включает неявную попытку дискредитировать политическую программу либерализма.

Здесь нет надобности вновь повторять, что либеральная программа – движение к обществу, основанному на частной собственности на средства производства, – не менее позитивна, чем любая другая возможная политическая программа. Действительно «негативное» в либеральной программе – это отказ от всего, что противоречит этой положительной программе, борьба с ним. Занимая это оборонительное положение, программа либерализма, а если уж на то пошло, и программа любого движения, зависит от позиций его противников. Там, где противодействие наиболее сильное ответ либерализма должен быть также сильным, где оно относительно слабое или даже полностью отсутствует, достаточно нескольких кратких фраз в зависимости от обстоятельств. А поскольку противодействие, с которым пришлось сталкиваться либерализму, с течением хода истории изменилось, оборонительный аспект либеральной программы также претерпел изменения.

Они становятся наиболее очевидными при рассмотрении позиции, которую либерализм занимает в вопросе свободы передвижения. Либерал требует, чтобы каждый человек имел право жить там, где он пожелает. Это не является «негативным» требованием. Обществу, основанному на частной соб-

ственности на средства производства, хотелось бы, чтобы каждый человек мог работать и распоряжаться своим заработком там, где ему больше нравится. Этот принцип приобретает характер отрицания лишь тогда, когда он сталкивается с силами, нацеленными на ограничение свободы передвижения. В этом аспекте право на свободу передвижения с течением времени претерпело полное изменение. Когда в XVIII–XIX веках возник либерализм, ему пришлось бороться за свободу выезда из страны. В наши дни борьба ведется за свободу въезда в страну. В то время либерализму приходилось противостоять законам, которые чинили препятствия на пути переселения жителей из деревни в город и готовили перспективу сурового наказания каждого, кто хотел покинуть родину, чтобы жить в лучших условиях за рубежом. Однако въезд в страну в то время в общем был свободным и беспрепятственным.

В наши дни, как это хорошо известно, положение совсем другое. Новая тенденция зародилась несколько десятилетий назад с появлением законов против иммиграции китайских кули. Сегодня в любой стране мира, которая могла бы стать привлекательной для иммиграции, существуют более или менее строгие законы, запрещающие ее полностью либо, по меньшей мере, жестко ее ограничивающие.

Подобную политику нужно рассматривать с двух точек зрения: во-первых, как политику профсоюзов, во-вторых, как политику национального протекционизма.

Помимо таких насильственных мер, как закрытие цехов, принудительные забастовки и грубые препятствия тем, кто желает работать, единственным средством влияния на рынок рабочей силы у профсоюзов может быть ограничение предложения рабочей силы. Но поскольку профсоюзы не в силах сократить число рабочих, живущих на свете, единственной возможностью является ограничение доступа к рабочим местам, уменьшающее тем самым число рабочих в конкретной отрасли промышленности или в определенной стране за счет рабочих, занятых в других отраслях или живущих в других странах. Внутриполитические обстоятельства обычно сдерживают стремления занятых в определенной отрасли промышленности воспрепятствовать притоку в нее остальных рабочих этой страны. Однако никаких особых политических трудностей не вызывает введение подобных ограничений на въезд иностранной рабочей силы.

В Соединенных Штатах Америки природные условия производства более благоприятны и, соответственно, производительность труда и вследствие этого заработная плата более высокие, чем в большинстве районов Европы. При отсутствии иммиграционных барьеров европейские рабочие массово эмигрировали бы в Соединенные Штаты в поисках работы. Американские

иммиграционные законы сделали это движение исключительно трудным. Таким образом, заработная плата рабочей силы в Соединенных Штатах поддерживается на уровне, превышающем тот, который сложился бы при полной свободе миграции. В Европе она удерживается ниже этого уровня. Таким образом, выигрывает американский рабочий, но проигрывает европейский.

Однако было бы ошибкой расценивать последствия введения иммиграционных барьеров исключительно с точки зрения их непосредственного воздействия на заработную плату. Они простираются дальше. Отсутствие свободы миграции привело к тому, что в результате относительного избытка рабочей силы в регионах со сравнительно неблагоприятными условиями производство продолжает расширяться, и в то же время при нехватке рабочей силы в регионах со сравнительно благоприятными условиями оно ограничивается. Результаты ограничения свободы передвижения те же, что и от протекционистского тарифа. В одном регионе сравнительно благоприятные возможности для производства не используются, в то время как в другом производство развивается при менее благоприятных возможностях. Если взглянуть с точки зрения человечества в целом, результатом являются снижение общемирового уровня производительности труда и сокращение объема производства товаров.

Поэтому попытки оправдать политику ограничения иммиграции экономическими причинами обречены изначально. Не может быть ни малейшего сомнения в том, что миграционные барьеры сокращают производительность труда в масштабе всего мира. Когда профсоюзы Соединенных Штатов Америки или Австралии препятствуют иммиграции, они борются не только против интересов рабочих остальных стран мира, но также и против интересов всего мирового сообщества с целью обеспечить себе особые привилегии. Тем не менее по-прежнему остается абсолютно неясно, может ли увеличение общей производительности труда, вызванное установлением полной свободы миграции, быть настолько значительным, чтобы полностью компенсировать потери в зарплате членам американских и австралийских профсоюзов в результате конкуренции иностранных рабочих.

Рабочим Соединенных Штатов Америки и Австралии не удалось бы добиться введения ограничений на иммиграцию, не будь у них еще одного довода в защиту своей политики. В конце концов даже сегодня сила некоторых либеральных принципов и идей настолько велика, что с ними трудно бороться, если не поставить якобы более высокие и более важные соображения выше цели достижения максимальной производительности. Мы уже видели, как ссылаются на «национальные интересы» при оправдании покровительствен-

ных тарифов. Подобные же соображения призываются и на защиту ограничения иммиграции.

При этом утверждается, что в отсутствии каких-либо миграционных барьеров огромные орды иммигрантов из сравнительно перенаселенных районов Европы заполнили бы Австралию и Америку. При таких несметных количествах выезжающих нечего было бы рассчитывать на их ассимиляцию. Если в прошлом иммигранты в США вскоре воспринимали английский язык, американский образ жизни и традиции, то это частично объяснялось тем фактом, что они не прибывали сразу такими огромными массами. Небольшие группы иммигрантов, распределявшиеся по обширной территории, быстро интегрировались в среду американского народа. Ранее прибывший иммигрант уже наполовину ассимилировался, когда следующие вступали на американскую землю. Одна из наиболее важных причин этой быстрой национальной ассимиляции состояла в том, что иммигранты из зарубежных стран не прибывали в слишком больших количествах. Теперь же, как полагают, дело приняло другой оборот, и существует реальная опасность уничтожения власти доминирующей группы, или, точнее, исключительной власти англосаксов в США. Этого особенно следует опасаться в случае массовой иммиграции монголоидных народов Азии.

Подобные страхи, возможно, преувеличены в отношении США. Что же касается Австралии, то они, конечно, не преувеличены. Численность населения Австралии приблизительно та же, что и Австрии, однако ее площадь в сотни раз превышает австрийскую, а природные ресурсы несравненно богаче. Если Австралия вдруг станет открыта для иммиграции, с большой степенью вероятности можно утверждать, что через несколько лет ее население будет состоять в основном из японцев, китайцев и малайцев.

Очевидно, что неприязнь, испытываемая сегодня в отношении представителей иных национальностей и особенно в отношении представителей других рас, слишком велика, чтобы предполагать какое-либо мирное урегулирование таких антагонизмов. Вряд ли можно ожидать, что австралийцы добровольно допустят иммиграцию европейцев неанглийской национальности, и абсолютно исключено, что они позволят азиатам тоже искать работу и постоянное место жительства на их континенте. Австралийцы английского происхождения из того факта, что именно англичане первыми открыли для поселений эту землю, выводят особое право на исключительное владение этим континентом на все грядущие времена. Представители других национальностей ни в коей мере не стремятся оспаривать право австралийцев занимать какую-либо землю, которую они уже используют в Австралии. Они только считают несправедливым запрет использовать более благоприятные условия

производства Австралии, которые сегодня не используются, что вынуждает людей заниматься производством в менее выгодных условиях, преобладающих в их странах.

Этот вопрос имеет важное значение для перспектив мирового сообщества. По сути дела, от его удовлетворительного решения зависит судьба цивилизации. По одну сторону находятся десятки, даже сотни миллионов европейцев и азиатов, вынужденных работать при менее благоприятных условиях производства в сравнении с теми, какие они могли бы найти на территориях, куда их не пускают. Они требуют, чтобы врата «запретного рая» были для них открыты, и они могли повысить производительность своего труда и тем самым заработать себе более высокий уровень жизни. По другую сторону находятся те, кому повезло родиться и жить в стране с более благоприятными условиями производства. Они не хотят (если это рабочие, а не собственники средств производства) отказываться от более высокой заработной платы, которую гарантирует им их положение. В то же время любая нация единодушна в своем опасении перед наплывом иностранцев. Нынешние обитатели «благодатных» земель опасаются, что однажды их положение может быть сведено до положения меньшинства в своей собственной стране и им придется пройти через все ужасы национального гонения, которому, например, подвергаются сегодня немцы в Чехословакии, Италии и Польше.

Нельзя отрицать, что страхи эти оправданны. Из-за огромной власти, которая сегодня находится в распоряжении государства, национальное меньшинство должно ожидать самого худшего от доминирующей нации. До тех пор пока государству даны такие широкие полномочия, мысль о том, что приходится жить в государстве, где правительство находится в руках представителей инородной национальности, несомненно, ужасает. Страшно жить в государстве, где на каждом шагу подвергаешься преследованию со стороны правящего большинства, замаскированного под личиной справедливости. Ужасно быть в невыгодном положении из-за своей национальности даже ребенку в школе или оказываться неправым при столкновении с любой судебной или административной властью из-за принадлежности к национальному меньшинству.

Если рассматривать проблему исключительно с такой точки зрения, то кажется, что она не допускает никакого иного решения, кроме войны. В этом случае следует ожидать, что меньшая по численности нация будет побеждена и, например, исчисляемым сотнями миллионов нациям Азии удастся изгнать потомков белой расы из Австралии. Но мы даже не хотим строить подобные предположения. Ибо несомненно, что такие войны – а мы должны предположить, что мировая проблема таких больших масштабов не может быть реше-

на раз и навсегда в ходе всего лишь одной войны, – привели бы к самой страшной катастрофе для цивилизации.

Ясно, что никакое решение проблемы иммиграции невозможно, если следовать идеалам интервенционистского государства, вмешивающегося в каждую сферу человеческой деятельности, или же если следовать идеалам социалистического государства. Только либеральная программа могла бы полностью устранить проблему иммиграции, которая сегодня кажется неразрешимой. Если бы Австралия управлялась в соответствии с либеральными принципами, какие трудности могли бы возникнуть от того, что в некоторых частях континента большинство составляют японцы, а в других частях – англичане?

9. Соединенные Штаты Европы

Соединенные Штаты Америки – самое могучее и богатое государство мира. Нигде более капитализм не мог развиваться более свободно и с наименьшим вмешательством со стороны правительства. Поэтому граждане Соединенных Штатов Америки гораздо богаче граждан любой другой страны на земле. Более шестидесяти лет эта страна не участвовала ни в каких войнах. Если бы она не вела войну на истребление коренного населения, не развязала войну против Испании в 1898 году и не участвовала в мировой войне, то сегодня лишь некоторые седобородые старцы могли рассказать из первых рук, что означает война. Вряд ли сами американцы придают большое значение тому, что политика либерализма и капитализма была реализована в их стране более полно, чем в какой-либо другой. Даже иностранцы не осознают, что же сделало богатой и могучей республику, которой так многие завидуют. Но за исключением тех, кто преисполнен обиды и поражен глубоким презрением к «материализму» американской культуры, всех людей объединяет страстное желание, чтобы их страна стала такой же богатой и могучей, как Соединенные Штаты Америки.

В качестве простейшего пути для достижения этой цели в различных кругах предлагают создать «Соединенные Штаты Европы». Отдельные страны европейского континента сами по себе слишком мало заселены и не имеют достаточной территории, чтобы самостоятельно отстаивать свою линию в международной борьбе за господство против все возрастающей мощи США, России, Британской империи, Китая и против других образований подобного размера, которые могут сформироваться в будущем, возможно, в Южной Америке. Поэтому они должны сплотиться в военном и политическом союзе, оборонительном и наступательном альянсе, который один мог бы на века вперед обеспечить Европе то важное место в мировой политике, которое она занимала в прошлом. Особую поддержку идее паневропейского союза прида-

ет все более ясно проявляющееся у каждого человека осознание того, что не может быть ничего более нелепого, чем проводимая в наши дни странами Европы политика покровительственных тарифов. Только дальнейшее развитие международного разделения труда может увеличить благосостояние и произвести избыток товаров, необходимый для подъема уровня жизни и тем самым культурного уровня масс. Экономическая политика всех стран, но особенно малых европейских наций, как раз и направлена на устранение международного разделения труда. Если сравнить условия, в которых действует американская промышленность с потенциальным внутренним рынком из более 120 миллионов богатых потребителей на огромной территории, не разгороженной тарифами или подобными препятствиями – с условиями, в тисках которых бьется немецкая, чехословацкая или венгерская промышленность, – то сразу становится очевидной полная нелепость попыток создать маленькие автаркические экономические территории.

Проблемы, одолевающие сторонников идеи Соединенных Штатов Европы, несомненно существуют, и чем быстрее они будут устранены, тем лучше. Но создание Соединенных Штатов Европы – не самое подходящее средство достижения этой цели.

Любая реформа в международных отношениях должна быть нацелена на устранение ситуации, когда каждая страна стремится всеми возможными способами расширить свою территорию за счет других стран. Проблема международных границ, имеющая сегодня чрезвычайное значение, должна потерять всю свою значимость. Страны должны прийти к пониманию того, что самой важной проблемой внешней политики является установление прочного мира, и они должны осознать, что это может быть повсеместно достигнуто лишь тогда, когда поле деятельности государства ограничено самыми узкими рамками. Только в этом случае размер и протяженность территории, подвластной суверенитету государства, не будет больше иметь такого решающего значения для жизни человека, ради чего стоит проливать реки крови при решении пограничных споров. Узость мышления, не способного выйти за рамки своего собственного государства и своей собственной нации и не имеющего понятия о важности международного сотрудничества, должна быть заменена космополитическим мировоззрением. Однако это возможно лишь при условии, если сообщество наций, международное супергосударство основано таким образом, что ни один народ и ни одна личность не подвергаются угнетению из-за их национальности или национальных особенностей.

Националистическая политика, всегда начинающая со стремления уничтожить соседа, должна в конечном счете привести ко всеобщей гибели. Чтобы преодолеть национальный провинциализм и заменить его действительно

космополитической политикой, нациям необходимо прежде всего осознать, что взаимная вражда не в их интересах и каждая нация наилучшим образом служит своему делу, когда она занята обеспечением всеобщего развития и тщательно воздерживается от любой попытки применить насилие против других наций или их части. Таким образом, необходима не замена национального шовинизма шовинизмом, который в качестве своей цели имел бы большую, наднациональную сущность, а скорее осознание того, что любой вид шовинизма ошибочен. Прежние милитаристские методы международной политики должны уступить новым мирным методам, направленным на совместные усилия, а не на взаимные боевые действия.

Однако сторонники пан-Европы и Соединенных Штатов Европы имеют в виду другие цели. Они не планируют создавать государство нового типа, чья политика отличалась бы от империалистических и милитаристских государств, существовавших до наших дней, но напротив – воссоздать старую империалистическую и милитаристскую идею государства. Пан-Европе надлежит по замыслу быть более великой, чем отдельные государства, ей надлежит быть более мощной и поэтому более эффективной в военном плане и лучше подходящей для противостояния таким великим державам, как Англия, Соединенные Штаты Америки и Россия. Европейскому шовинизму надлежит заменить разновидности французского, немецкого или венгерского шовинизма; объединенному фронту, образованному всеми европейскими державами, предстоит быть направленным против «иностранцев»: англичан, американцев, русских, китайцев и японцев.

Создавать шовинистическое политическое сознание и шовинистическую военную политику можно лишь на национальной, а не на географической основе. Языковая общность обязывает представителей одной национальности спланиваться вместе, а языковые различия создают пропасть между нациями. Если бы не этот факт – независимо от всех идеологий, – шовинистическое мышление никогда бы не смогло развиваться. Географу с картой в руке, несомненно, ничего не стоит рассматривать европейский континент (не считая России) как единый, но географическое единство не создает у жителей конкретного региона чувства общности или солидарности, на котором государственный деятель мог бы строить свои планы. Можно вбить в голову жителя Рейна убеждение, что он защищает свое дело, участвуя в битве на стороне немцев Восточной Пруссии. Возможно даже заставить поверить в идею, что дело всего человечества – это также и его дело. Но он никогда не сможет понять, что если ему придется выступить бок о бок с португальцами, потому что они тоже континентальные европейцы, то дело островной Англии будет делом противника или, в лучшем случае, нейтрального чужака. Невозможно

стереть из сознания людей (между прочим, у либерализма и нет никакого желания делать это) след, оставленный долгим историческим развитием, который вызывает учащенное сердцебиение у немца при любом упоминании о Германии, немецком народе или обо всем немецком. Это чувство национальности существовало до того, как была предпринята политическая попытка создать на его основе идею немецкого государства, немецкой политики и немецкого шовинизма. Все благонамеренные схемы замены национальных государств федерацией государств, будь то Центрально-европейской, Пан-европейской, Пан-американской, или построенные на подобной искусственной основе, страдают от одного и того же основного недостатка. Им не удастся учесть тот факт, что слова «Европа» или «пан-Европа» и «европейский» или «паневропейский» не несут в себе дополнительного эмоционального заряда и, таким образом, не в состоянии пробудить те же чувства, что вызывают такие слова, как «Германия» и «немецкий».

Этот вопрос можно изучить наилучшим образом, присмотревшись к проблеме соглашения об единой играющей решающую роль торговой политике во всех проектах федерации государств. При нынешних условиях можно склонить баварца к тому, чтобы он расценил защиту немецкой рабочей силы, скажем в Саксонии, как достаточное оправдание для введения тарифа, в результате которого ему, баварцу, придется за какой-то товар платить дороже. Можно надеяться, что однажды его удастся вернуть к осознанию бессмысленности и саморазрушительности всех политических мер, направленных на достижение автаркии, в том числе и всех покровительственных тарифов и, следовательно, необходимости их отмены. Но никогда не удастся убедить поляка или венгра, что ради справедливости он должен платить за любой товар больше, чем цена мирового рынка, лишь бы дать возможность французам, немцам или итальянцам продолжать производство в своих странах. Конечно, можно добиться поддержки политики протекционизма, сочетая призыв к чувствам национальной солидарности с националистической идеей несовместимости интересов различных народов. Ничего похожего не может служить идеологическим базисом для системы протекционизма федерации государств. Абсолютно нелепо разбивать все возрастающее единство мировой экономики на ряд мелких национальных территорий, каждая из которых по мере возможности автаркична. Бессмысленно противодействовать политике экономической изоляции на национальном уровне путем ее замены такой же политикой на уровне большей политической общности, состоящей из нескольких национальностей. Единственным путем противодействовать тенденциям протекционизма и автаркии является признание их пагубности и понимание гармонии интересов всех наций.

Поскольку распад мировой экономики на ряд небольших автаркических регионов влечет за собой негативные последствия для всех наций, следует вывод в пользу свободной торговли. Чтобы доказать, что должна быть создана пан-европейская зона автаркии под прикрытием покровительственного тарифа, сперва следовало бы продемонстрировать, что интересы португальцев и румын, пусть даже находящихся в гармонии друг с другом, сталкиваются с интересами Бразилии и России. Пришлось бы доказать, что венграм полезно отказаться от своей отечественной текстильной промышленности в пользу немецкой, французской и бельгийской, но импорт английского или американского текстиля нанес бы ущерб интересам венгров.

Движение за создание федерации европейских государств выросло из справедливого признания несостоятельности всех форм шовинистического национализма. Но то, что сторонники этого движения хотят создать вместо него, невыполнимо, так как этому не хватает жизненной основы в сознании людей. Но даже если цель паневропейского движения и могла бы быть достигнута, мир ни в коей мере не стал бы лучше. Борьба объединенного европейского континента против других великих мировых держав была бы не менее губительной, чем нынешняя борьба стран Европы между собой.

10. Лига Наций

Насколько, в понимании либерала, государство не есть самый высший идеал, настолько же оно и не лучший инструмент принуждения. Метафизическая теория государства гласит (приближаясь в этом отношении к тщеславию и самонадеянности абсолютных монархов), что каждое отдельное государство – суверенно, то есть оно представляет собой последний и высший суд. Но для либерала мир не заканчивается на границах государства. В его понимании, каково бы ни было значение национальных границ, оно случайно и второстепенно. Политическое мышление либерала охватывает все человечество. Отправной момент его политической философии состоит в убеждении, что разделение – явление международное, а не национальное. Изначально он осознает, что недостаточно установить мир в каждой стране, – гораздо более важно, чтобы все нации жили в мире друг с другом. Поэтому либерал требует, чтобы политическая организация общества была расширена, пока она не достигнет своего завершения в мировом государстве, объединяющем все нации на равноправной основе. По этой причине он считает законодательство любой страны подчиненным международному праву и поэтому требует, чтобы международные судебные и административные органы обеспечили мир между странами таким же образом, каким судебные и исполнительные органы каждой страны отвечают за поддержание мира в рамках собственной территории.

Долгое время требование создания такой наднациональной всемирной организации было уделом нескольких мыслителей, которых считали утопистами и не замечали. Разумеется, после окончания наполеоновских войн мир неоднократно был свидетелем собрания государственных мужей ведущих держав на конференцию за «круглым столом», чтобы прийти к общему согласию, а во второй половине XIX века появилось растущее число наднациональных институтов, из которых наиболее широко известны Красный Крест и Международный почтовый союз. Однако все это было еще далеко до создания действительно наднациональной организации. Даже мирная конференция в Гааге вряд ли означала какой-либо прогресс в этом отношении. И только ужасы мировой войны подтолкнули мировое сообщество к широкой поддержке идеи об организации всех наций, которая была бы в состоянии предотвратить будущие конфликты. С окончанием войны победители предприняли шаги по созданию ассоциации, получившей название «Лига Наций». Во всем мире ее широко воспринимают как зародыш будущей действительно эффективной международной организации.

В любом случае с позиций последовательного либерализма то, что сегодня существует под этим именем Лиги Наций, никоим образом не является воплощением либеральной идеи о мировом Содружестве наций. Прежде всего, некоторые из наиболее важных и могущественных держав вообще не входят в Лигу. США, не говоря уж о менее крупных странах, все еще стоит в стороне. Кроме того, статья Версальского договора об учреждении Лиги Наций страдает серьезным недостатком, различая две категории государств-членов: те, которые пользуются полными правами, и те, которые, оказавшись на стороне держав, проигравших в мировой войне, не являются полностью полноправными членами. Ясно, что такое неравенство в статусе внутри сообщества наций должно нести в себе семена войны, подобно любому делению на касты в рамках одной страны. Сочетание всех этих недостатков, к сожалению, ослабило Лигу Наций и сделало ее бессильной при решении всех основных вопросов. Стоит только вспомнить о ее поведении в конфликте между Италией и Грецией или в отношении вопроса о Мосуле и особенно в тех случаях, когда от решения Лиги Наций зависела судьба угнетенных меньшинств.

Во всех странах, но особенно в Англии и Германии, есть группы, которые полагают, что ради постепенного преобразования этой бутафорской Лиги Наций в настоящее, подлинное наднациональное государство к ее нынешним слабостям и недостаткам следует относиться как можно более снисходительно. Подобный оппортунизм никогда не приносит никакой пользы независимо от того, какой решается вопрос. Лига Наций (с этим трудно не со-

гласиться всем, кроме чиновников и персонала, занятого в аппарате) – это несовершенный институт, никоим образом не отвечающий требованиям, необходимым для того, чтобы быть всемирной организацией. Этот факт, нельзя умалчивать или игнорировать, напротив, необходимо его многократно и настойчиво подчеркивать, чтобы привлечь внимание к тому, что нужно было бы сделать для преобразования этого суррогата в настоящую Лигу Наций. Ничто не принесло большего вреда идее наднациональной всемирной организации, чем интеллектуальная неразбериха, вызванная убеждением, что нынешняя Лига представляет собой полную или почти полную реализацию требований любого честного и искреннего либерала. Невозможно создать настоящую Лигу Наций, т.е. такую, которая способна обеспечить прочный мир, на основе принципа неизменности традиционных, исторически сложившихся границ каждой страны. Лига Наций сохраняет основной недостаток действующего международного права: при учреждении процедурных правил для вынесения решений в спорах между нациями она не создает какие-либо новые нормы для их урегулирования, а лишь сохраняет статус-кво и выполняет существующие договоры. При таких обстоятельствах мир не может быть обеспечен иначе, как путем сведения всей мировой ситуации к неподвижному состоянию.

Разумеется, Лига все-таки предлагает, хотя и очень осторожно и со многими оговорками, перспективу некоторого будущего регулирования границ, отдавая должное требованиям ряда наций или частей наций. Она также обещает, и вновь очень осторожно и с оговорками, защиту национальных меньшинств. Это позволяет нам надеяться, что, возможно, с этих крайне несовершенных начинаний однажды сможет развиваться всемирное сверхгосударство, действительно заслуживающее этого названия, которое будет в состоянии обеспечить нациям необходимый им мир. Но этот вопрос не будет решаться в Женеве на сессиях нынешней Лиги и, конечно же, не на заседаниях парламентов входящих в нее стран. Затронутая проблема – это не вопрос организации или технических приемов международного управления, а величайший идеологический вопрос, с которым когда-либо сталкивалось человечество. Вопрос заключается в том, удастся ли нам создать во всем мире такой настрой, без которого все соглашения о сохранении мира и все решения третейских судов останутся в критический момент лишь ненужными клочками бумаги. Таким настроем может быть только безоговорочное и безусловное принятие либерализма. Либеральное мышление должно пропитать все нации, либеральные принципы должны проникнуть во все политические институты, если мы действительно хотим создать предпосылки мира и устранить причины войны. Пока нации цепляются за протекционистские тарифы, иммиграци-

онные барьеры, обязательное образование, интервенционизм и этатизм, новые конфликты, способные в любое время вылиться в открытые боевые действия, будут возникать постоянно и тревожить человечество.

11. Россия

Законопослушный гражданин своим трудом служит и себе самому, и своему соотечественнику и таким образом мирно вписывается в общественную систему. Разбойник не настроен на честный, усердный труд, а на насильственное присвоение результатов чужого труда. Тысячи лет миру приходилось подчиняться кабале военных завоевателей и феодальных баронов, считавших само собой разумеющимся, что созданные другими людьми продукты существуют для их потребления. Эволюция человечества по пути цивилизации и усиления социальных связей потребовала преодоления интеллектуального и физического влияния военных и феодальных каст, которые стремились править миром, и замены идеала наследственного лорда идеалом буржуа. Вытеснение милитаристского идеала, который ценит воина и презирает честный труд, никоим образом пока еще полностью не завершено. В любой нации есть личности, умы которых все еще заняты идеями и образами милитаристских времен. Есть нации, у которых остались неустойчивые атавистические порывы к грабежу и насилию (хотя, казалось бы, они уже давно укрощены), они все еще прорываются и вновь завоевывают влияние. В целом о нациях белой расы, населяющих сегодня Центральную и Западную Европу и Америку, можно сказать, что склад их ума, названный Гербертом Спенсером «милитаристским», сменился на склад «индустриальный». Сегодня есть только одна великая нация, которая твердо придерживается милитаристского идеала, а именно русские. <Последующие рассуждения автора о «России» и о «русских» отчетливо характеризуют его как русофоба, но не могут скрыть его собственные слова о нежелании выступать на той или иной стороне спора о «достоинствах» определенной нации. Л.Мизес выступает здесь в роли верховного священнослужителя своего рода «мировой религии» либерализма, навсегда отлучающего от нее народ огромной страны, из-за его якобы органической неспособности исповедывать основные догматы либералистской веры. Читатель, конечно, увидит в этой позиции разительное противоречие с излагаемыми самим автором исходными принципами либерализма – какого бы он ни был мнения о правоте или неправоте интерпретации Л.Мизесом конкретных событий и тенденций истории российского государства. – *Прим. науч. ред.*>

Конечно, даже среди русского народа есть слои людей, не разделяющие эти идеи. Можно только сожалеть, что они не смогли одержать верх над своими соотечественниками. С того самого момента, когда Россия начала

влиять на европейскую политику, она неизменно вела себя как разбойник в засаде, готовый внезапно наброситься на свою жертву и ограбить ее. Никогда российские цари не признавали никаких других ограничений для расширения своей империи, кроме продиктованных силой обстоятельств. Позиция большевиков в отношении территориальной экспансии не отличается ни на йоту. Они также признают только одно правило: при завоевании новых земель можно и, по сути, нужно продвигаться настолько далеко, насколько сумеешь, должным образом учитывая ресурсы. Счастливым обстоятельством, спасшим цивилизацию от уничтожения русскими, была достаточная сила наций Европы. Они успешно отразили нападение орд русских варваров. Опыт русских в войне с Наполеоном, крымской войне и турецкой кампании 1877–1878 годов показал, что, несмотря на огромную численность солдат, их армия была не в состоянии развить наступление против Европы. Мировая война лишь подтвердила это.

Оружие разума более опасно, чем штыки и пушки. Разумеется, отклик, который получили идеи русских в Европе, объясняется прежде всего тем, что Европа сама уже была полна этими идеями до того, как они пришли из России. Видимо, было бы более правильно сказать, что сами эти идеи по происхождению не являются русскими, как бы ни подходили они характеру русского народа, а были заимствованы ими из Европы. Настолько велико интеллектуальное бесплодие русских, что они никогда не могли сами найти выражение своей сокровенной сущности.

Либерализм, который полностью основывается на науке и политика которого воплощает результаты науки, должен быть начеку и не поддаваться влиянию ненаучных, ценностных суждений. Ценностные суждения находятся за пределами науки и всегда имеют субъективный характер. Поэтому нельзя говорить о нациях как о более или менее достойных. Следовательно, вопрос о том, являются ли русские менее достойными, абсолютно не относится к сфере наших соображений. Мы не участвуем в этом споре. Мы лишь утверждаем, что Россия не желает войти в систему человеческого социального сотрудничества. В отношении человеческого общества и сообщества наций ее позиция – это позиция народа, нацеленного исключительно на потребление того, что накопили другие. Люди, жизненной силой которых являются идеи Достоевского, Толстого и Ленина, не могут создать прочную социальную организацию. Их удел – возвратиться к условиям полного варварства. Россия гораздо больше одарена плодородной почвой и всякого рода полезными ископаемыми, чем Соединенные Штаты Америки. Если бы русские проводили такую же капиталистическую политику, как американцы, они были бы сегодня самыми богатыми людьми в мире. Деспотизм, импе-

риализм и большевизм сделали их самыми бедными. Сейчас они ищут капиталы и кредиты по всему свету.

Если это признано, то следует ясный вывод, каким должен быть руководящий принцип политики цивилизованных наций в отношении России. Пусть русские будут русскими. Пусть они творят, что хотят в своей собственной стране. Но нельзя позволить им переходить границы своей земли с целью уничтожить европейскую цивилизацию. Конечно, речь не идет о том, что следует запретить ввоз и перевод русской литературы. Неврастеники могут ею наслаждаться, здоровые люди будут ее сторониться. Это не означает, что русским следует запретить вести свою пропаганду и раздавать по всему миру взятки, как это делали цари. Если бы современная цивилизация была не в состоянии защитить себя от нападений наемников, то она не могла бы больше сохранить свое существование. Речь также не идет о том, чтобы оградить американцев или европейцев от посещения России, если они ею интересуются. Пусть они посмотрят своими глазами, на свой страх и риск и под свою ответственность на страну массовых убийств и массовой нищеты. Это не означает также, что следует мешать капиталистам предоставлять Советам займы или каким-либо иным образом вкладывать капиталы в Россию. Если они настолько глупы, чтобы верить, что когда-либо вновь увидят хоть часть своих денег, пусть пускаются в это рискованное предприятие.

Но правительства Европы и Америки должны прекратить содействовать советской политике разрушения, поощряя экспорт в Советскую Россию и тем самым укрепляя советский строй в России с помощью финансовых вкладов. Пусть они прекратят пропаганду эмиграции и экспорта капитала в Советскую Россию.

Откажутся или нет русские люди от советской системы – решать им самим. Сегодня страна кнута и лагерей больше не представляет угрозы миру. Со всем их стремлением к войне и разрушению большевики больше не в состоянии серьезно угрожать миру в Европе. Поэтому их можно благополучно оставить в покое. Единственное, чему необходимо противостоять, так это любому стремлению с нашей стороны поддерживать и содействовать разрушительной политике Советов.

IV. Либерализм и политические партии

- 1. «Доктринерство» либералов**
- 2. Политические партии**
- 3. Кризис парламентаризма и идея парламента, представляющего особые группы**
- 4. Либерализм и партии особых интересов**
- 5. Партийная пропаганда и партийная организация**
- 6. Либерализм как «партия капитала»**

1. «Доктринерство» либералов

Классический либерализм подвергся упрекам за то, что он слишком упрямым и недостаточно готов идти на компромисс. Именно из-за отсутствия гибкости он и потерпел поражение в борьбе с разного рода нарождающимися антикапиталистическими партиями.

Если бы он осознал, как это сделали другие партии, важное значение компромисса и уступок популярным лозунгам в снискании расположения масс, он бы был в состоянии сохранить, хотя бы отчасти некоторое свое влияние. Но он никогда не утруждал себя созданием партийной организации и партийного аппарата, как это сделали антикапиталистические партии. Он никогда не придавал никакого значения политической тактике в предвыборных кампаниях и парламентских заседаниях. Он никогда не занимался оппортунистическими интригами или политическими сделками. Это несгибаемое доктринерство неизбежно привело к упадку либерализма.

Утверждение о неуступчивости либерализма полностью соответствует истине. Но представлять дело так, будто либерализм действительно заслуживает упрека в этом отношении, значит проявить полное непонимание его сущности. Глубоко проникнуть в либеральную мысль – значит понять, что именно идеи представляют собой фундамент, на котором покоится все здание мирового социального сотрудничества, и прочная социальная структура не может быть построена на основе лживых и ошибочных идей. Ничто не может служить заменой идеологии, которая возвышает значимость человеческой жизни, выдвигая на передний план социальное сотрудничество. Меньше всего для этого годится ложь, пусть она называется хоть «тактикой», хоть «дипломатией», хоть компромиссом.

Если люди в силу осознания социальной необходимости добровольно не будут делать то, что нужно делать для сохранения общества и роста всеобщего благосостояния, никто не сможет вывести их на праведный путь даже хитрой уловкой или выдумкой. Если они ошибаются и заблуждаются, их нужно попытаться просветить с помощью обучения. Но если их нельзя просветить,

если они настаивают на ошибках, в таком случае ничего нельзя сделать для предотвращения катастрофы. Трюки и ложь демагогических политиков могут пригодиться тем, кто работает во имя уничтожения общества, будь они честны или вероломны. Но дело социального прогресса, дело дальнейшего развития и усиления социальных связей не может продвигаться вперед с помощью обмана и демагогии. Никакой силе на земле, никаким хитрым уловкам или изоощренной лжи не удалось одурачить человечество настолько, чтобы оно приняло социальное учение, которое оно не только не признает, но и открыто отвергает. Единственный путь, открытый каждому, кто желает вернуть мир к либерализму, – это убеждение сограждан в необходимости принятия либеральной программы. Этот просветительский труд – единственная задача, которую либерал может и должен осуществить, чтобы, насколько это в его силах, избежать самоуничтожения, к которому общество сегодня стремительно приближается. Здесь нет места для уступок каким-либо излюбленным или привычным предрассудкам и ошибкам. Что касается вопросов, будет ли существовать человеческое общество, будут ли миллионы людей процветать или погибнут, то здесь нет места для компромиссов, проистекающих от слабости или от чрезмерного почтения к чувствам других. Если либеральным принципам будет вновь позволено направлять политику великих наций, если революция в общественном мнении вновь предоставит капитализму свободу, мир постепенно сможет подняться из того состояния, в которое его завела политика объединенных антикапиталистических фракций. Нет никакого иного пути из политического и социального хаоса наших дней.

Самой серьезной иллюзией классического либерализма был оптимизм в отношении направленности эволюции общества. Сторонникам либерализма – социологам и экономистам XVIII и первой половины XIX веков и их защитникам – казалось несомненным, что человечество будет продвигаться к более высоким стадиям совершенства и ничто не в состоянии остановить этот прогресс. Они были твердо убеждены, что рациональное познание фундаментальных законов социального сотрудничества и взаимозависимости, которые они открыли, вскоре станет всеобщим, и согласно этому социальные узы, мирно связывающие человечество, станут еще более тесными, будет постепенно улучшаться всеобщее благосостояние, и цивилизация поднимется до еще более высокого уровня культуры. Ничто не могло поколебать их оптимизма. Когда наступление на либерализм становилось все более яростным, когда со всех сторон стали бросать вызов влиянию либеральных идей в политике, они расценили это как последний залп отступавшей и умиравшей системы, которая не требовала серьезного внимания и уж тем более – ответных атак, потому что вскоре распалась бы сама собой.

Либералы придерживались мнения, что все люди обладают интеллектуальной способностью правильно трактовать трудные проблемы социального сотрудничества и действовать соответствующим образом. Они были настолько поражены ясностью и самоочевидностью аргументации, с помощью которой пришли к своим политическим идеям, что были просто не в состоянии понять, как это кому-то не удалось их осознать. Они так и не усвоили двух вещей: во-первых, массы не обладают способностью мыслить логически, во-вторых, по мнению большинства людей, даже если они и могут признать истину, кратковременная, пусть частичная выгода, которой можно воспользоваться сразу, представляется более значимой, чем постоянная глобальная выгода, которая должна быть отложена. Большинство людей не имеют интеллектуальных способностей, необходимых для того, чтобы вдуматься в очень сложные в конечном счете проблемы социального сотрудничества, не говоря уже о том, что они не обладают силой воли и не могут пойти на временные жертвы, без которых невозможно социальное взаимодействие. Лозунги интервенционизма и социализма, особенно предложения о частичной экспроприации частной собственности, всегда находят восторженное одобрение среди масс, ожидающих получить от этого непосредственную и немедленную выгоду.

2. Политические партии

Не может быть более прискорбного примера непонимания значения и сути либерализма, чем мнение о том, что якобы можно обеспечить победу либеральных идей с помощью методов, применяемых сегодня другими политическими партиями. В сословно-кастовом обществе, состоящем не из равноправных граждан, а разделенном на разряды, представители которых обладают различными обязанностями и полномочиями, не существует политических партий в современном смысле. Пока особые привилегии и неприкосновенность различных каст не будут подвергнуты сомнению, между ними царит мир. Но как только кастовые привилегии и общественное положение начинают оспариваться, возникают споры и избежать гражданской войны можно лишь в том случае, если та или иная сторона, признавая свою слабость, уступит не прибегая к оружию.

Во всех подобного рода конфликтах позиция каждого человека изначально определяется его положением как члена той или иной касты. Разумеется, могут быть и отступники, которые в расчете получить большую личную выгоду переходят на сторону противника, и борются против членов своей касты, и, следовательно, расцениваются ими как предатели. Но помимо таких исключительных случаев люди не сталкиваются с вопросом, к какой из противоборствующих групп им следует присоединиться. Они стоят на стороне

членов своей касты и разделяют их судьбу. Каста или касты, не удовлетворенные своим положением, восстают против господствующего порядка и пытаются добиваться своих требований, преодолевая сопротивление остальных. Конечным результатом конфликта, если с поражением бунтарей все не останется так, как было, является замена старой системы на новую, с иным распределением прав различных каст.

С приходом либерализма появилось требование об отмене всех особых привилегий. Сословно-кастовому обществу пришлось расчистить путь к новой системе, в которой должны быть только равноправные граждане. Нападкам подверглись уже не просто особые привилегии различных каст, а сама система привилегий. Либерализм устранил эти социальные перегородки и освободил человека от старой системы ограничений. Именно в капиталистическом обществе, основанном на либеральных принципах, человек впервые получил возможность непосредственно участвовать в политической жизни и на него впервые было возложено принятие личных решений в отношении политических целей и идеалов.

В ранних сословно-кастовых обществах единственными политическими конфликтами были конфликты между различными кастами, каждая из которых образовывала прочный фронт оппозиции к другим, а при их отсутствии – фракционные конфликты внутри каст, которым позволялось участие в политической жизни, между избранными кругами и кликами за влияние, власть и место у кормила правления.

Только при таком государственном устройстве, когда все граждане пользуются равными правами, – в соответствии с либеральным идеалом, который нигде еще не был полностью достигнут, – могут существовать политические партии, состоящие из лиц, объединенных желанием воплотить в жизнь свои идеи в области законодательства и управления. Различия же во взглядах на наилучшие пути достижения либеральной цели – обеспечение мирного социального сотрудничества – неизбежны, и эти различия во взглядах должны вызвать политические разногласия и споры.

Таким образом, в либеральном обществе возможны также и социалистические партии. Не исключены даже партии, которые стремятся добиться особого правового положения для особых групп. Но все эти партии должны признать либерализм (по крайней мере, временно – пока сами не выйдут победителями) и использовать в своей политической борьбе только оружие интеллекта, которое либерализм расценивает как единственно возможное. Все партии должны признать этот принцип, даже если в конечном счете члены антилиберальных партий (социалисты или сторонники особых привилегий) отвергают либеральную философию. Так, некоторые из домарксистских «уто-

пических» социалистов боролись за социализм в рамках либерализма, а в «золотой век» либерализма в Западной Европе церковь и дворянство пытались достичь своих целей в рамках современного конституционного государства.

Партии, которые мы сегодня наблюдаем, абсолютно другого типа. Разумеется, какая-то часть их программы обращена ко всему обществу и к проблеме достижения социального сотрудничества. Но это – не более чем уступка либеральной идеологии. То, чего нынешние партии добиваются в действительности, содержится в другой части их программы – единственной, которой они уделяют какое-либо внимание и которая находится в непримиримом противоречии к части их программы, выраженной в терминах всеобщего благосостояния. Нынешние политические партии являются сторонниками не только некоторых систем прошлых лет, построенных на привилегиях и желающих расширить те традиционные преимущества, которые либерализм позволил им сохранить, поскольку его победа была неполной. Некоторые из этих партий действуют в интересах определенных групп, стремящихся к особым привилегиям, т.е. желающих добиться статуса касты.

Либерализм обращается ко всем и предлагает приемлемую для всех программу. Он никому не обещает привилегий. Он призывает всех отказаться от проталкивания своих особых интересов, он даже требует жертв, хотя, конечно, лишь временных, когда относительно малой выгодой лучше поступиться ради достижения большей. Но партии, выступающие за особые интересы, обращаются лишь к части общества. Они обещают этой части, для которой только и намерены работать, особое положение за счет остального общества. Все современные политические партии и все современные партийные идеологии возникли как проводники интересов особых групп, борющихся за привилегированное положение против либерализма.

До подъема либерализма были, конечно, системы, основанные на привилегиях, со своими особыми интересами и правами и взаимными конфликтами, но в то время идеология сословного общества все еще могла выражаться абсолютно прямо и без смущения. В конфликтах, происходивших в то время между сторонниками и противниками особых привилегий, никогда не возникало вопросов об антиобщественном характере всей системы, не было и никакой необходимости в сохранении видимости того, что она социально оправданна. Поэтому невозможно провести какого-либо непосредственного сравнения между старой системой порядков, основанных на привилегиях, и пропагандой и деятельностью нынешних партий, выступающих за особые интересы групп.

Чтобы понять подлинный характер всех этих партий, необходимо иметь в виду тот факт, что изначально они были созданы для защиты особых привилегий от учения либерализма. Доктрины этих партий в отличие от доктрины либерализма не являются политическим применением всеобъемлющей, тщательно продуманной теории общества. Политическая идеология либерализма возникла из основополагающей системы идей, которая сначала была развита как научная теория без какой-либо мысли о ее политическом значении. В отличие от этого особые права и привилегии, к которым стремились антилиберальные партии, изначально уже существовали в социальных институтах, и именно в их оправдании и была предпринята попытка разработать соответствующую идеологию – задача, которая всеми воспринималась как вопрос, который можно решить с налету.

Фермерские группы считают, что достаточно отметить сельское хозяйство. Профсоюзы прибегают к доводу о роли рабочей силы. Партии среднего класса ссылаются на важное значение социального слоя, который представляет собой «золотую середину». Кажется, их мало беспокоит, что подобные призывы не вносят ничего в доказательство необходимости или полезности для всего общества особых привилегий, которых они добиваются. Группы, которые они хотят привлечь на свою сторону, пойдут за ними в любом случае, что же касается других групп, то любая попытка набрать сторонников из их рядов заранее обречена.

Таким образом, все современные партии, выступающие за особые интересы независимо от того, сколь различны их цели или сколь яростно они соперничают друг с другом, образуют единый фронт в борьбе против либерализма. Для них всех принцип либерализма, состоящий в том, что правильно поняты интересы всех людей в конечном счете совместимы, – как красная тряпка для быка. Считается, что существуют непримиримые конфликты интересов, которые могут быть урегулированы только путем победы одной фракции над другими, с выгодой для первой и невыгодой для последних.

Либерализм, как утверждают его противники, в действительности не таков, каким он представляется. Это тоже не что иное, как партийная программа, призванная защитить особые интересы отдельной группы, например, буржуазии, капиталистов и предпринимателей, от интересов всех остальных групп. Это утверждение является частью пропаганды марксизма, что во многом объясняет его успех. Если доктрину непримиримого конфликта между интересами различных классов в обществе, основанном на частной собственности на средства производства, принять за основную догму марксизма, то все действующие сегодня на европейском континенте партии нужно было бы считать марксистскими.

Доктрина классовых антагонизмов и классовых конфликтов принимается и националистическими партиями, но лишь в той мере, в какой они разделяют мнение, что эти антагонизмы действительно присутствуют в капиталистическом обществе, а вызываемые ими конфликты должны идти естественным ходом. Отличает их от марксистских партий только то, что они надеются преодолеть классовый конфликт путем возврата к сословному обществу, созданному в соответствии с их рекомендациями, и путем переноса поля битвы на международную арену, где, как они полагают, конфликт неизбежен. Они не оспаривают утверждения, что общество, основанное на частной собственности на средства производства, чревато конфликтами. Они утверждают, что подобные антагонизмы не должны возникать, и, чтобы их устранить, они хотят управлять частной собственностью с помощью правительственного вмешательства. Они хотят интервенционизма вместо капитализма. Но в конечном счете это ничем не отличается от того, что говорят марксисты. Те тоже обещают привести мир к новой общественной системе, в которой больше не будет классов, классовых антагонизмов и классовых конфликтов. Чтобы понять смысл доктрины классовой борьбы, необходимо иметь в виду, что она направлена против либерального учения о гармонии правильно понятых интересов всех членов свободного общества, основанного на принципе частной собственности на средства производства.

Либералы утверждали, что с устранением всех искусственных различий в кастах и общественном положении, с отменой всех привилегий и установлением равенства перед законом ничто больше не будет препятствовать мирному сотрудничеству всех членов общества, потому что тогда их правильно понятые долговременные интересы совпадут. Все возражения, которые сторонники феодализма, особых привилегий и кастовых различий пытались выдвинуть против этой доктрины, вскоре оказывались нежизнеспособными и не могли завоевать какую-либо значительную поддержку. Но в «системе каталактики» Рикардо можно найти начало новой теории столкновения интересов в капиталистическом обществе. Рикардо полагал, что может показать, как в ходе поступательного экономического развития меняются отношения между тремя формами дохода в его системе, а именно между прибылью, рентой и заработной платой. Именно это и вынудило некоторых английских авторов третьего и четвертого десятилетий XIX века говорить о трех классах – капиталистах, помещиках и наемных рабочих – и утверждать, что между этими тремя группами существует непримиримый антагонизм.

Эту мысль позднее подхватил Маркс. В «Коммунистическом манифесте» Маркс еще не проводил различий между кастой и классом. Лишь позднее, когда в Лондоне он ознакомился с работами забытых авторов 20-х и 30-х

годов и под их влиянием стал изучать систему Рикардо, он осознал, что проблема заключается в том, чтобы показать, что даже в обществе, свободном от кастовых различий и привилегий, все-таки существуют непримиримые противоречия. Этот антагонизм интересов Маркс вывел из системы Рикардо, проводя различия между тремя классами – капиталистах, помещиках и рабочих. Но он никоим образом не считал это разделение принципом. Иногда он утверждает, что существуют только два больших класса – имущих и неимущих, иногда классов у него оказывалось больше. Однако ни Маркс, ни кто-либо из его многочисленных последователей никогда не пытались дать определение концепции и сути классов. Примечательно, что глава, озаглавленная «Классы», в третьем томе «Капитала» внезапно обрывается после нескольких предложений. С момента появления «Коммунистического манифеста» в котором Маркс впервые делает классовый антагонизм и классовую борьбу краеугольным камнем всего своего учения, до момента его смерти прошла жизнь более чем одного поколения. В этот период Маркс писал том за томом, но он так и не подошел к объяснению того, что следует понимать под словом «класс». В решении проблемы классов Маркс так и не вышел за рамки простого утверждения (без каких-либо доказательств), иными словами, догмы или, лучше сказать, лозунга.

Доказывая правильность доктрины классовой борьбы, пришлось бы установить два факта: с одной стороны, что существует совпадение интересов среди представителей каждого класса, и с другой – что то, что приносит пользу одному классу, наносит ущерб другим. Но где эти доказательства? По сути дела, такие попытки и не предпринимались. Именно потому, что все «товарищи по классу» находятся в равном «социальном положении», среди них как раз и нет единства интересов, а, скорее всего, есть конкуренция. Например, рабочий, имеющий условия труда выше средних, заинтересован в исключении конкурентов, которые могли бы снизить его доход до среднего уровня. В течение десятилетий, когда доктрина международной солидарности пролетариата вновь и вновь провозглашалась в многословных резолюциях международных марксистских конгрессов, рабочие Соединенных Штатов Америки и Австралии требовали от своих правительств возвести мощные преграды на пути иммиграции. С помощью сложной системы мелких правил английские профсоюзы сделали невозможным доступ посторонних к своим отраслям труда. Хорошо известно и то, что было сделано в этом отношении рабочими партиями за последние несколько лет во всех странах. Конечно, можно сказать, что это ошибочная тактика и рабочим следовало действовать по-другому. Но нельзя отрицать того, что их действия служили их интересам, по крайней мере, в тот момент.

Либерализм показал, что антагонизма интересов различных лиц, групп и социальных слоев, который широко бытующее мнение приписывает обществу, основанному на частной собственности на средства производства, по сути дела, не существует. Любое увеличение совокупного капитала повышает доход капиталистов и помещиков абсолютно, а доход рабочих – и абсолютно и относительно. Любые изменения в доходах разных групп и слоев общества, предпринимателей, капиталистов, помещиков и рабочих, происходят совместно в одном направлении – в сторону увеличения или снижения, в зависимости от общего колебания конъюнктуры; при этом изменяется лишь соотношение долей общественного продукта, достигающегося конкретной группой. Интересы помещиков вступают в противоречие с интересами членов других групп лишь в одном-единственном случае – естественной монополии на определенный вид полезных ископаемых.

Интересы предпринимателей никогда не могут расходиться с интересами потребителей. Предприниматель преуспевает тем больше, чем лучше он может предвидеть желания потребителей. Конфликты интересов могут возникать в той мере, в какой право владельца на свободное распоряжение средствами производства ограничивается интервенционистской политикой правительства или в результате вмешательства со стороны других общественных сил, использующих принуждение.

Например, цену на определенный товар можно искусственно завязать с помощью покровительственного тарифа; заработная плата определенной группы рабочих может быть повышена путем недопущения конкурентов к их рабочим местам.

Оценка подобных ситуаций, сделанная школой свободной торговли, широко известна и никем не опровергнута. Особые привилегии, конечно, могут послужить на пользу определенной группе, ради которой они были введены, но только если другие группы были не в состоянии добиться подобных привилегий для себя.

Подлинное значение особых привилегий для конкретных групп не может быть скрыто от остальных настолько, что они будут с готовностью терпеть эти привилегии. Если же эти группы будут добиваться привилегий силой, то это может вызвать яростный бунт – нарушение мирного хода социального сотрудничества, сохранение которого служит интересам всех.

Можно стремиться решить проблему так, чтобы сделать особые привилегии не исключением для одного или нескольких лиц, групп или слоев общества, а общим правилом, например вводя налоги на импорт с целью защиты большинства товаров, продаваемых на отечественном рынке, или применяя аналогичные меры с целью преградить доступ к большинству профессий.

Но тогда выгода, полученная определенной группой, будет уравниваться ущербом, который ей же и придется терпеть. Конечный результат будет состоять лишь в том, что все пострадают от вызванного этим снижения производительности труда.

Если уж отвергать доктрину либерализма, осыпая насмешками спорную теорию «гармонии интересов всех людей», то такого же отношения заслуживает утверждение, отстаиваемое всеми школами антилиберальной мысли – о солидарности интересов в рамках более узких кругов, например, среди членов одной нации (в противовес другим нациям) или среди членов одного класса (в противовес другим классам). Чтобы доказать существование такой солидарности, потребовалась бы особая аргументация, которой никто не следовал и даже не пытался следовать. Все доводы, которые можно было бы привести в пользу доказательства солидарности интересов среди членов любой группы, доказывают гораздо большее, а именно: всеобщую солидарность интересов в рамках экуменического общества.

Разрешение конфликтов интересов, которые на первый взгляд кажутся непримиримыми, можно показать лишь с помощью аргументации, рассматривающей все человечество как, по существу, гармоничное сообщество, где нет места каким-либо принципиально непримиримым разногласиям между нациями, классами, расами и т. п. Антилиберальным партиям только кажется, что они занимаются доказательством существования солидарности интересов внутри наций, классов, рас и т. д. В действительности они заняты тем, что дают рекомендации членам конкретных групп, как создавать союзы общей борьбы против всех других групп. Когда они говорят о солидарности интересов внутри этих групп, они не столько констатируют факт, сколько утверждают постулат. В действительности они не говорят: «Интересы одинаковы», а скорее «Интересы следует сделать одинаковыми с помощью союза объединенных действий».

Современные партии особых интересов с самого начала заявляют вполне откровенно и недвусмысленно, что цель их политики – создание особых привилегий для определенной группы. Аграрные партии борются за протекционистские тарифы и другие преимущества (например, субсидии) для фермеров; партии государственных служащих добиваются обеспечения привилегий для бюрократов; региональные партии посвящают себя борьбе за особые преимущества для жителей определенного региона. Все эти партии не добиваются ничего иного, кроме как преимуществ для одной группы, игнорируя общество в целом или другие группы. И это очевидно, как бы ни пытались они смягчить свой образ действий заявлениями о том, что благосостояние всего общества может быть достигнуто только путем содействия интересам

сельского хозяйства, государственной службы и т.д. В самом деле, их исключительная заинтересованность в одной части общества и их усилия и старания с течением времени стали более наглядными.

Когда современные антилиберальные движения были еще в младенческом возрасте, им приходилось быть более осмотрительными в лозунгах и действиях, так как поколение, воспитанное на либеральной философии, считало открытую борьбу за особые интересы различных групп антисоциальной. Сторонники особых интересов могут образовывать крупные партии только путем создания единой боевой единицы из объединенных сил различных групп с конфликтующими интересами. Привилегии, данные отдельной группе имеют практическое значение только тогда, когда они действительно достаются меньшинству и не перевешиваются привилегиями, предоставленными другой группе. Но если обстоятельства не являются исключительно благоприятными, как в настоящее время, когда либеральное осуждение привилегий все еще сохраняет некоторые черты своего раннего влияния, небольшая группа не может рассчитывать на то, что ее претензии на положение привилегированного класса возобладали над претензиями всех других групп. Поэтому-то все защитники особых интересов стремятся создать крупные партии из относительно небольших групп с различными и, по сути дела, непосредственно конфликтующими интересами. При образе мышления, который приводит малые партии к выдвижению и защите требований об особых привилегиях, абсолютно невозможно осуществить эту цель путем открытого альянса между различными группами.

Нельзя требовать никаких, пусть даже временных жертв от человека, который борется за привилегированное положение для своей группы или даже только для себя. Если бы он был в состоянии понять необходимость временных жертв, то он обязательно мыслил бы в соответствии с либеральной теорией, а не идеологией дерущихся за особые привилегии. И никто не может открыто сказать ему, что он выиграет от предназначенной для него привилегии больше, чем он потеряет от привилегий, которые ему придется уступить другим, ибо все устные и письменные заявления с этой целью не могли бы в конечном итоге оставаться скрытыми от других и заставили бы их еще больше повысить свои требования.

Таким образом, партии, выступающие за особые интересы, вынуждены быть осторожными. Говоря о своей главной цели, они должны прибегать к двусмысленным выражениям, призванным затуманить подлинное положение дел. Наилучшим примером подобного увеливания являются протекционистские партии. Свою заинтересованность в протекционистских тарифах они

вынуждены высказывать весьма осторожно, выдавая это за интересы более широкой группы.

Когда союзы производителей выступают в защиту протекционистских тарифов, партийные руководители обычно предпочитают не упоминать о том, что интересы отдельных групп, а часто даже и отдельных концернов ни в коем случае не являются одинаковыми или гармоничными. Ткач несет ущерб от тарифов на оборудование и пряжу и поддержит протекционистское движение лишь в расчете на то, что тариф на изделия текстильной промышленности будет достаточно высоким, чтобы компенсировать его потери от других тарифов. Фермер, производящий фураж, требует введения тарифов на фураж, чему противятся животноводы; винодел требует введения тарифов на вино, что так же невыгодно фермеру, который не выращивает виноград, как и городскому потребителю. Тем не менее протекционисты выступают как отдельная партия, сплоченная общей программой. Это становится возможным лишь благодаря завесе тумана над истинным положением.

Любая попытка основать партию в защиту привилегий на основе их равного распределения среди большинства населения была бы совершенно бессмысленной. Привилегия, достаемая большинству, перестает быть таковой. В стране с преобладанием сельского хозяйства, которая экспортирует фермерскую продукцию, в конечном итоге было бы невозможно создать аграрную партию, действующую во имя особых благ для фермеров. Чего бы ей следовало требовать? Покровительственные тарифы не могли бы принести пользы тем фермерам, которым необходимо экспортировать свою продукцию. Субсидии не могли бы выплачиваться, потому что меньшинство производителей не могло содержать за свой счет большинство.

С другой стороны, группа, требующая привилегий для себя, должна создавать иллюзию, что за ней стоят большие массы населения. Когда аграрные партии в промышленных странах выдвигают свои требования, они включают в то, что они называют «фермерским населением», безземельных рабочих, батраков и владельцев небольших участков земли, которые не заинтересованы в покровительственном тарифе на сельскохозяйственную продукцию. Когда рабочие партии предъявляют требования от имени некоторой группы рабочих, они всегда говорят об «огромной массе трудящихся» и замалчивают тот факт, что интересы членов профсоюза, занятых в различных отраслях производства, не являются одинаковыми, а, наоборот, являются даже антагонистическими, и что острые конфликты интересов имеются и в отдельных отраслях и предприятиях. Это одна из двух основных слабостей всех партий, добывающих привилегий во имя особых интересов.

С одной стороны, они вынуждены полагаться только на небольшую группу, так как привилегии перестают быть привилегиями, если они предоставляются большинству. Но, с другой стороны, только в обличии представителей большинства у них есть перспектива реализовать свои требования. Тот факт, что многим партиям в различных странах иногда удавалось преодолеть эту трудность и с помощью пропаганды вселить в местные социальные слои или группы убеждение в том, что они могут ожидать особых преимуществ в результате успеха партии, говорит лишь о дипломатическом и тактическом искусстве руководства и о нехватке рассудительности и политической зрелости у голосующих масс. Этот факт никоим образом не доказывает, что проблему действительно можно решить.

Конечно, недурно одновременно обещать городским жителям более дешевый хлеб, а фермерам – более высокие цены на зерно, но оба обещания одновременно сдержать нельзя. Легко обещать одной группе поддержку в увеличении некоторых статей правительственных расходов без соответствующего сокращения расходов по другим статьям и в то же время сулить другой группе перспективу снижения налогов. Но сдержать оба этих обещания одновременно также невозможно.

Приемы политики партий этого толка основываются на разделении общества на производителей и потребителей. Стало почти обыкновением за завесой рассуждений об истинной роли государства в вопросах бюджетной политики выступать в защиту новых расходов, оплачиваемых из государственной казны, нимало не беспокоясь по поводу того, как такие расходы должны финансироваться, и в то же время жаловаться на тяжесть налогового бремени.

Другим основным недостатком этих партий «меньшинства» является выдвижение ими безграничных требований в интересах каждой особой группы. Единственное, что принимается ими в расчет, – это сопротивление другой стороны. Такая тактика полностью отвечает характеру партий, борющихся за привилегии во имя особых интересов групп. При этом партии, для которых главное не определенная программа для всего общества, а междоусобная грызня, подталкиваемая безграничной жаждой привилегий для некоторых групп за счет ущемления прав других групп, создают угрозу уничтожения любой политической системы как таковой. Люди стали осознавать это все более ясно и говорить о кризисе современного государства и парламентской системы. В действительности, речь идет о кризисе идеологий современных партий, представляющих особые интересы.

3. Кризис парламентаризма и идея парламента, представляющего особые группы

Парламентаризм в том виде, в каком он постепенно развивался в Англии и некоторых ее колониях с XVII века, а на европейском континенте – со времени свержения Наполеона и революций 1830 и 1848 годов, предполагает всеобщее восприятие идеологии либерализма. Все, кто наделен ответственностью решать в парламенте, как следует управлять страной, должны быть проникнуты убеждением, что правильно поняты интересы всех общественных групп и отдельных членов общества совпадают и любого рода особые привилегии для групп и классов населения наносят ущерб общему благу и должны быть устранены.

Различные партии в парламенте, имеющие полномочия осуществлять функции, возложенные на него всеми конституциями недавнего времени, могут, конечно, занимать разные позиции в отношении конкретных политических вопросов, но они должны считать себя представителями всей нации, а не представителями отдельных районов или социальных слоев. Над всеми различиями во взглядах должно преобладать убеждение в том, что в конечном счете все объединены общим делом и одной целью, так что останется лишь договориться о средствах достижения цели, к которой все стремятся. Между партиями нет непреодолимой пропасти, их не разделяют неразрешимые конфликты интересов, ради которых они готовы биться до самого конца, не останавливаясь перед страданиями всей нации и даже перед разрушением всей страны.

Разделяет партии позиция, которую они занимают в отношении конкретных проблем текущей и перспективной политики. Строго говоря, существуют лишь две партии: партия, находящаяся у власти, и партия, которая хочет быть у власти. Подлинная цель оппозиции – добиться власти не для того, чтобы обеспечить определенные интересы или заполнить официальные посты членами своей партии, а для того, чтобы воплотить свои идеи в законодательстве и осуществлять их при управлении страной. Только при таких условиях парламенты или парламентские правительства жизнеспособны.

Какое-то время эти условия существовали в англо-саксонских странах, и некоторые их черты можно еще встретить там и в наши дни. На европейском континенте даже в период, обычно характеризующийся как золотой век либерализма, в действительности можно было говорить лишь о некотором приближении к этим условиям. Уже в течение десятилетий условие представительных собраний в Европейских странах напоминает нечто прямо противоположное. Имеется великое множество партий, и каждая партия разделена на различные фракции, которые обычно сплачиваются в единый фронт, направ-

ленный против окружающего мира, но они выступают друг против друга во внутрипартийной склоке, причем с той же страстью, с какой они выступают против других партий. Каждая партия и фракция считает себя единственным защитником определенных особых интересов, которые она берется довести до победы любой ценой. Сутью и содержанием их политики являются перераспределение, насколько это возможно, средств из государственной казны в казну «своей» группы, выбивание ей режима «особого благоприятствования» путем введения покровительственных тарифов, иммиграционных барьеров, «социального законодательства» и разного рода иных привилегий за счет остальной части общества.

Поскольку такого рода требования в принципе безграничны, ни для одной из этих партий не удалось когда-либо достичь всех целей. Невозможно представить себе, чтобы претензии аграрных или рабочих партий были бы когда-нибудь полностью осуществлены. Тем не менее каждая партия стремится достичь такого влияния, которое позволит ей удовлетворить, насколько это возможно, ее аппетиты. В то же время она заботится о том, чтобы всегда быть в состоянии оправдаться перед своими избирателями, почему все их желания не могли быть осуществлены. Это может быть сделано либо с помощью публичных попыток создать видимость пребывания в оппозиции, хотя партия в действительности находится у власти, либо с помощью попыток переноса вины на некую силу, не подвластную ее влиянию: самодержавного монарха, зарубежные державы и тому подобное.

Большевики не могут сделать свой народ счастливым, не могут этого сделать также и социалисты Австрии, потому что этому якобы мешает «западный капитализм». По крайней мере, пятьдесят лет в Германии и Австрии правили антилиберальные партии, но до сих пор мы все еще читаем в их манифестах и публичных заявлениях, включая те, которые сделаны их «научными» защитниками, что вина за все существующее зло лежит на влиянии либеральных принципов.

Парламент, состоящий из сторонников антилиберальных партий, представляющих особые интересы, не в состоянии осуществлять свою деятельность и должен в конечном итоге разочаровать всех. Именно это лежало и лежит в основе распространенных суждений о кризисе парламентаризма. В качестве разрешения этого кризиса некоторые требуют отмены демократии и парламентской системы и введения режима диктатуры. Мы не намерены обсуждать аргументы против диктатуры. Мы во всех подробностях это уже сделали выше.

Второе предложение направлено на исправление недостатков представительного собрания (генеральной ассамблеи), состоящего из депутатов, из-

бренных непосредственно всеми гражданами. Это достигается полной или частичной заменой его парламентом, состоящим из делегатов, избранных автономными корпоративными органами, или гильдиями, представляющими различные отрасли торговли и промышленности, а также профессиональные группы.

Говорят, что народным представителям (членам генеральной народной ассамблеи) не хватает объективности и знания экономических вопросов, тогда как на первом плане стоит именно экономическая политика. Представители промышленных и профессиональных гильдий могли бы прийти к согласию по вопросам, решение которых либо абсолютно не приходит в голову делегатам от избирательных округов, сформированных на территориальной основе, либо становится для них очевидным лишь по прошествии долгого времени.

Что касается парламента, составленного из делегатов – представителей различных профессиональных ассоциаций, – то необходимо прояснить очень важный вопрос: как должна быть построена процедура голосования или, если каждый депутат имеет один голос, то сколько представителей должна иметь каждая гильдия. Эту проблему необходимо решить до того, как соберется парламент; но коль скоро вопрос решен, по поводу созыва парламента беспокоиться не стоит, так как результат голосования уже предрешен.

Разумеется, остается вопрос о том, может ли быть сохранено распределение власти среди гильдий, если таковое уже установлено. Так или иначе оно всегда будет – не стоит питать никаких иллюзий на этот счет – неприемлемым для большинства людей. Для создания института представительной власти, приемлемого для большинства, нет необходимости в ассамблее, разделенной по профессиональному принципу. Все будет зависеть от того, будет ли недовольство, вызванное политикой, принятой депутатами гильдий, настолько велико, чтобы вызвать насильственное свержение всей системы. В противоположность демократической, данная система совсем не гарантирует, что произойдет смена политики, желаемая подавляющим большинством населения.

Говоря это, мы сказали все, что необходимо, против идеи парламента, сформированного на основе профессионального представительства. Для либерала не может быть и речи о какой-либо системе, которая изначально не исключает насильственного прерывания мирного развития событий. Многие защитники идеи создания парламента из представителей гильдий думают, что конфликты следует урегулировать не путем подчинения одной фракции другой, а путем взаимной корректировки позиций. Но что произойдет, если партии не смогут достичь соглашения? Компромиссы появляются лишь то-

гда, когда угроза неблагоприятного решения вопроса побуждает каждую партию продолжать дискуссию ради достижения некоторого согласия. Никто не мешает партиям заключать соглашения в парламенте, состоящем из делегатов, избранных непосредственно всей нацией. Никто не сможет заставить заключать соглашение в парламенте, состоящем из депутатов, избранных членами профессиональных ассоциаций. Поэтому составленная таким образом ассамблея не может функционировать как парламент, являющийся органом демократической системы. Она не может быть местом, где различия в политических взглядах урегулируются мирно. Не может предотвратить насильственного нарушения мирного прогресса общества, восстания, революции и гражданской войны. Ведь важнейшие решения, которые определяют распределение политической власти в государстве, не принимаются в ее палатах или в ходе выборов, определяющих ее состав. Решающим фактором распределения власти является соответствующий вес, предписанный конституцией различным корпоративным ассоциациям в формировании общественной политики. Но этот вопрос решается за пределами палат ассамблеи и не имеет прямого отношения к выборам. Поэтому вполне правильно воздержаться от употребления слова «парламент» в отношении ассамблеи, состоящей из представителей корпоративных ассоциаций, организованных по профессиональному принципу.

Созданная за последние два века политическая терминология проводит различие между парламентом и подобной ассамблеей. Разумно придерживаться этого различия, если нет желания запутать все понятия политической науки.

Сидней и Беатрис Уэббы, а также ряд синдикалистов и гильдейских социалистов, следуя в этом отношении рекомендациям, уже сделанным в более раннее время многими континентальными сторонниками реформы в верхней палате, предложили оставить систему, при которой сосуществуют две палаты. Одна избирается непосредственно всей нацией, а другая – включает депутатов, избранных от избирательных округов, составленных в соответствии с профессиональным принципом. Очевидно, что это предложение никоим образом не излечивает недостатки системы гильдейского представительства.

На практике двухпалатная система может функционировать только при условии, что одна палата имеет превосходство и обладает безусловной властью навязывать свою волю другой или когда палаты занимают различные позиции по какому-то вопросу, то предпринимаются попытки достижения компромиссного решения. При отсутствии подобных попыток остается урегулировать конфликт за пределами палат парламента, в крайнем случае – с помощью силы. Как ни поверни эту проблему, опять придешь к тем же не-

преодолимым трудностям. Это тот камень преткновения, о который суждено разбиться всем подобным предложениям, пусть они называются корпоративизмом, гильдейским социализмом или еще чем-нибудь. В конечном итоге люди признают неосуществимость этих схем, что наглядно обнаруживается, когда они довольствуются рекомендациями относительно несущественных нововведений, например, создании экономического совета, наделенного полномочиями служить исключительно в качестве совещательного органа.

Защитники идеи ассамблеи, состоящей из депутатов от гильдий, серьезно заблуждаются, полагая, что антагонизмы, которые сегодня раздирают национальное единство, можно преодолеть путем разделения населения и соответственно народной ассамблеи в соответствии с профессиональным принципом. От этих антагонизмов нельзя отделаться попытками подлатать конституцию. Их можно преодолеть лишь с помощью либеральной идеологии.

4. Либерализм и партии особых интересов

Партии особых интересов, которые не добиваются в политике ничего, кроме обеспечения привилегий для «своих» групп, не только делают невозможной парламентскую систему, но и разрывают единство государства и общества. Они ведут не просто к кризису парламентаризма, а ко всеобщему политическому и социальному кризису. В конечном счете общество не может существовать, если оно разделено на группы, каждая из которых намерена вырвать особые привилегии для своих членов и постоянно находится настороже, не желая потерпеть неудачи, и готова в любой момент пожертвовать самыми важными политическими институтами ради достижения какой-то малой выгоды.

Все политические вопросы с позиций партий особых интересов представляются исключительно как проблемы политической тактики. Их конечная задача определена изначально. Их цель – достижение за счет остальной части населения максимально возможных преимуществ и привилегий для групп, которые они представляют. Партийная платформа призвана замаскировать эту цель и придать ей некоторую видимость оправдания, но ни в коем случае не объявлять ее открыто целью партийной политики. В любом случае члены партии знают, в чем заключается их задача; им не нужно ее объяснять. Однако в какой мере ее следует приоткрыть миру, остается чисто тактическим вопросом.

Ни одна антилиберальная партия не хочет ничего, кроме обеспечения особых благ для своих членов, полностью игнорируя опасность распада всей структуры общества. Ни одна ни на минуту не может выдержать критики, которой либерализм подвергает ее истинные цели. При логической проверке их требований, становится ясно, что деятельность таких партий в конечном

счете имеет антисоциальный и разрушительный эффект, и даже самое поверхностное исследование доказывает невозможность появления каких-либо полезных общественных институтов из действий партий особых интересов, постоянно соперничающих друг с другом.

Разумеется, эти факты далеко не очевидны в глазах тех, у кого отсутствует способность заглянуть за рамки нынешнего момента. Великое множество людей не интересуется тем, что произойдет послезавтра. Они думают о сегодняшнем, в лучшем случае, о завтрашнем дне. Они не задают вопроса, что должно произойти, если и остальные группы, преследуя особые интересы, проявят такую же незаинтересованность во всеобщем благоденствии. Они надеются преуспеть не только в осуществлении собственных требований, но и в том, чтобы сломить требования других.

Идеология партий особых интересов, конечно, ничего не может предложить тем немногим, которые предъявляют более высокие критерии к деятельности политических партий и требуют, чтобы даже в политических действиях присутствовал категорический императив («Действовать только по такому принципу, за которым вы призываете силу универсального закона, т.е. так, чтобы не возникало противоречий из попыток представить ваши действия как закон, которому обязаны подчиняться все»).

Социализм приобрел значительное преимущество именно вследствие этого логического недостатка в позиции, принятой партиями особых интересов. Принцип социализма приобрел особое значение для многих, кто не в состоянии осознать великий идеал либерализма, но кто мыслит достаточно ясно, чтобы не довольствоваться требованиями об особых преимуществах для отдельных групп. Идея социалистического общества, величие которой нельзя отрицать, несмотря на присущие ей недостатки (мы уже подробно обсудили их ранее), была призвана скрыть и в то же время подтвердить слабость позиции, занимаемой партиями особых интересов. Она имела результатом переключение внимания с критики деятельности отдельных партий на проблемы большего масштаба, которые, что бы о них не думали, заслуживали серьезного и пристального рассмотрения. За последние сто лет социалистический идеал приобрел последователей среди многих искренних и честных людей. Его с восторгом восприняли лучшие и благороднейшие мужчины и женщины. Он стал путеводной звездой выдающихся государственных деятелей. Он завоевал господствующее положение в университетах и стал источником вдохновения для молодежи. Он настолько заполнил все мысли и чувства прошлого и нынешнего поколений, что когда-нибудь история вполне справедливо охарактеризует нашу эпоху как век социализма. В последние десятилетия во многих странах люди делали что могли, чтобы воплотить в жизнь

социалистический идеал с помощью национализации и муниципализации предприятий и принятия мер, призванных привести к плановой экономике.

Недостатки, неизбежно присущие социалистическому управлению – неблагоприятное влияние на производительность труда и невозможность экономического расчета при социализме, – повсюду привели к такому состоянию, когда практически каждый дальнейший шаг на пути к социализму стал угрожать серьезным ухудшением снабжения товарами массового спроса. Только эта реальная угроза остановила движение к социализму, а социалистический идеал, даже сохраняя свое идеологическое влияние, превратился в практической политике в прикрытие для рабочих партий в их драке за привилегии.

Правильность такой оценки можно было бы показать на примере любой социалистической партии, такой, например, как различные фракции христианских социалистов. Однако мы предлагаем ограничить дискуссию вопросом о социалистах-марксистах, которые, несомненно, были и являются самой значительной социалистической партией.

В отношении социализма Маркс и его последователи были действительно настроены серьезно. Маркс отвергал все претензии отдельных групп и слоев общества, которые выдвигали партии особых интересов. Он не подвергал сомнению обоснованность либерального довода о том, что результатом таких актов вмешательства может быть только всеобщее снижение производительности труда. Когда он последовательно мыслил, писал и говорил, он всегда придерживался мнения, что любая попытка внесения изменений в механизм капиталистической системы путем вмешательства со стороны правительства или других социальных органов, обладающих силой принуждения, бессмысленна, потому что она не приводит к результату, ожидаемому ее сторонниками, а, наоборот, снижает эффективность экономики. Маркс хотел настроить рабочих на конфликт, который привел бы к установлению социализма, а не на борьбу за достижение особых привилегий в обществе, основанном на частной собственности на средства производства. Он хотел создать социалистическую рабочую партию, а не то, что он назвал «елкобуржуазной» партией, нацеленной на частичные реформы.

Поскольку слепая приверженность предубеждениям, порождаемым его схоластической системой, мешала Марксу беспристрастно взглянуть на вещи, он думал, что рабочие, которых находящиеся под его интеллектуальным влиянием авторы организовали в «социалистические» партии, будут довольствоваться спокойным наблюдением за эволюцией капиталистической системы, чтобы не пропустить тот день, когда она согласно учению полностью созреет для экспроприации экспроприаторов и «ревертируется» в социализм. Он не

видел того, что рабочие партии, как и другие партии особых интересов, признавая в принципе социалистическую программу, в практической политике были заинтересованы лишь в непосредственном приобретении рабочими особых привилегий. Марксистская теория солидарности интересов всех рабочих имеет в виду совершенно другие политические результаты. Она оказала одним группам рабочих отличную услугу, искусно скрыв тот факт, что издержки их победы лягут бременем на другие группы рабочих. Это означает, что в сфере так называемого «рорабочего» законодательства, а также в профсоюзной борьбе интересы пролетариев никоим образом не совпадают. В этом отношении марксистское учение оказало ту же услугу партиям, отстаивающим особые интересы рабочих, какую оказало германской центристской и другим клерикальным партиям обращение к религии, националистическим партиям – идея национальной солидарности, аграрным партиям – утверждение о том, что интересы различных групп сельскохозяйственных производителей одинаковы, а протекционистским партиям – доктрина о необходимости всеобъемлющего тарифа для защиты национальной рабочей силы.

М больше росли социал-демократические партии, тем сильнее становилось влияние внутри них профсоюзов и тем больше они превращались в ассоциацию профсоюзов, которая все проблемы сводила к лозунгу закрытого членства и увеличения заработной платы.

Либерализм не имеет ничего общего ни с какой из этих партий. Он никому не сулит особых привилегий. Он требует жертв от каждого во имя сохранения общества. Эти жертвы или точнее, отказ от немедленно получаемой пользы, разумеется, временные, они быстро окупаются большей и более длительной выгодой. Тем не менее на какое-то время это все же жертвы. Поэтому либерализм с самого начала оказывается в особенном положении в конкуренции среди партий. Антилиберальный кандидат обещает особые привилегии каждой группе избирателей: более высокие цены – производителям и более низкие цены – потребителям, более высокую заработную плату – государственным чиновникам и более низкие налоги – налогоплательщикам. Он готов согласиться с любыми расходами за счет государственной казны или богатых людей. Не брезгает он обращаться к небольшим группам, ища их расположения с помощью подарка из «сенародного» жармана.

Либеральный кандидат может лишь сказать своим избирателям, что попытки добиться особого расположения антисоциальны.

5. Партийная пропаганда и партийная организация

Когда либеральные идеи стали распространяться из своей родины – Западной Европы – на Центральную и Восточную Европу, традиционные силы, т.е. монархия, знать и духовенство, полагаясь на имевшиеся у них средства

угнетения, чувствовали себя в полной безопасности. Они не считали необходимым бороться с либерализмом и образом мышления периода Просвещения с помощью интеллектуальных средств. Подавление, преследование и тюремное заключение недовольных казались им более подходящими средствами. Они похвалялись военным и полицейским аппаратом насилия и принуждения. Слишком поздно они с ужасом осознали, что новая идеология выбила это оружие из их рук, завоевав умы чиновников и солдат.

Потребовалось поражение старого режима в борьбе против либерализма, чтобы научить его приверженцев той простой истине, что нет ничего могущественнее на свете, чем идеологии и идеологи, и что против идей можно сражаться только с помощью идей. Они осознали, что глупо полагаться на оружие, так как можно использовать вооруженных людей лишь тогда, когда они готовы повиноваться, и что любая власть и ее влияние в конечном счете основывается на идеологии.

Признание этой социологической истины стало одним из основных убеждений, на которых построена политическая теория либерализма. Либерализм пришел к выводу, что в конечном счете должны восторжествовать истина и справедливость, потому что их победа в области идей не может быть поставлена под сомнение. А тот, кто победит в этой области, должен в конце концов преуспеть также и в сфере реальных дел, поскольку никакое преследование не сможет подавить его. Поэтому излишне беспокоиться по поводу распространения либерализма. Его победа обеспечена.

Противников либерализма можно понять, если иметь в виду, что их действия являются не чем иным, как противоположностью тому, чему учит либерализм, т.е. они основываются на противодействии либеральным идеям. Они были не в состоянии предложить исчерпывающего и последовательного социального и экономического учения в противовес либеральной идеологии, ибо либерализм – единственно возможный вывод, который можно обоснованно заключить из доктрины решающей роли идей в жизни общества.

Все-таки у программы, обещавшей что-то только одной или нескольким группам, не было шансов заручиться всеобщей поддержкой, и она была с самого начала обречена на политическое поражение. Таким образом, последнее, к чему этим партиям пришлось прибегнуть, это заключить соглашение, которое поставило бы группы, к которым они обращались, полностью под их контроль и удерживать их в таком положении. Им пришлось позаботиться о том, чтобы либеральные идеи не нашли приверженцев среди классов, от которых они зависели. С этой целью были созданы партийные организации, которые держат человека такой жесткой хваткой, что он даже и не помышляет об освобождении.

В Германии и Австрии, где эта система была развита с педантичной тщательностью, и в странах Восточной Европы, где она была скопирована, человек сегодня уже не столько гражданин, сколько член партии. Партия опекает его с детского возраста. В соответствии с партийными принципами организуется спортивная и социальная деятельность. Все управляется в соответствии с партийными принципами – и фермерская кооперативная система, с помощью которой фермер только и может претендовать на свою долю субсидий и дотаций, выделяемых сельскохозяйственным производителям, и институты по продвижению специалистов, и система бирж труда и сберегательных банков для трудящихся. Во всех вопросах, где власти имеют полную свободу действий, человеку, чтобы его уважали, требуется поддержка его партии. При таких обстоятельствах пассивное участие в партийных делах вызывает подозрение, а выход из партии означает серьезные экономические трудности, если не крах и социальный ostracism.

Специальный путь подчинения своей власти партии особых интересов приберегли для специалистов. Свободные профессии юриста, врача, писателя и художника представлены не так многочисленно, чтобы позволить этим группам создавать партии особых интересов для защиты своих прав. Поэтому они наименее подвержены влиянию идеологии особых классовых привилегий. Представители свободных профессий были дольше всех и наиболее упорно привержены либерализму. Им нечего было выигрывать от политики бесжалостной и решительной борьбы за обеспечение их особых интересов. Такая ситуация не могла не вызывать опасения у партий, действующих как группы организованного давления. Они не могли терпеть упорной приверженности интеллигенции либерализму. В этой ситуации партийные лидеры опасались, что ряды их партии могут поредеть, если либеральные идеи, обновленные в изложении выдающихся личностей из среды интеллектуалов, завоеуют признание и одобрение масс. Они еще не забыли, насколько опасными могут быть такие идеи для кастового и сословного общества. Поэтому партии особых интересов продолжали систематично организовываться таким образом, чтобы поставить представителей «либеральных» профессий в зависимость. Вскоре это было достигнуто путем их вовлечения в партийный аппарат. Врачи, юристы, писатели, художники должны были вступать в организации своих пациентов, клиентов, читателей и покровителей и подчиняться этим организациям. Тех же, кто воздерживался или открыто восставал против этого, принуждали к согласию.

Подчинение представителей свободных профессий партийному режиму находит дальнейшее воплощение в процедуре назначения на учительские должности и посты на государственной службе. Там, где партийная система

развита хорошо, к назначениям допускаются только члены партии, представляющие либо одну партию, находящуюся у власти, либо все партии особых интересов в соответствии с заключенным между ними (хотя и не зафиксированным где-либо) соглашением. В конце концов даже независимая пресса ставится под контроль с помощью угрозы бойкота.

Завершающим ударом в организации всевластия партий стало создание ими собственных вооруженных групп. Организованные на военный манер, по образцу национальной армии, они разработали свои мобилизационные и оперативные планы, у них имеется оружие, и они готовы нанести удар. Со знаменами и духовыми оркестрами они маршируют по улицам, оповещая мир о начале эры бесконечной пропаганды и боевых действий.

До сих пор существовало два обстоятельства, смягчавших опасность возникновения подобных ситуаций. Во-первых, в ряде наиболее значимых стран между партийными силами было достигнуто некоторое равновесие власти. Там, где этот баланс отсутствует, как, например, в России и Италии, мощь государства, игнорируя остатки либеральных принципов, которые все еще признает часть населения, используется для подавления и преследований приверженцев оппозиционных партий.

Второе обстоятельство, которое пока все еще не дает случиться самому худшему, состоит в том, что даже нации, проникнутые враждебностью к либерализму и капитализму, полагаются на капиталовложения из стран, которые служат классическим примером либерального и капиталистического образа мышления – прежде всего Соединенных Штатов Америки. Без их кредитов последствия расточительной политики проедания капитала, которую они осуществляют, давно стали бы значительно более очевидными. Антикапитализм может сохранить свое существование только за счет капитализма. Поэтому он должен в определенной степени учитывать общественное мнение Запада, где либерализм все еще признается, пусть даже и в весьма расплывчатом виде.

Желание владельцев капитала предоставлять займы только тем заемщикам, у которых есть перспективы выплаты долгов, деструктивистские партии пытаются выдать за «всемирное влияние капитала», по поводу которого они поднимают такой шум.

6. Либерализм как «партия капитала»

Таким образом, легко увидеть, что либерализм нельзя ставить на одну доску с другими партиями особых интересов, не отвергая самой его сути. Он радикально отличается от них всех. Партии особых интересов выступают за борьбу и превозносят насилие, либерализм же, напротив, стремится к миру и

влиянию идей. Именно по этой причине все партии, как бы они ни были разобщены в других отношениях, образуют единый фронт против либерализма.

Враги либерализма заклеили его как партию особых интересов капиталистов. Это характеризует их образ мышления. Они способны понимать политическую идеологию только как защиту особых привилегий определенных групп, противоречащих всеобщему благоденствию. Нельзя рассматривать либерализм как партию особых интересов, привилегий и полномочий, потому что частная собственность на средства производства – это не привилегия, благоприятствующая только капиталистам, а институт, существующий в интересах всего общества, и, следовательно, институт, который приносит пользу всем. Такого мнения придерживаются не только либералы, но и в некоторой степени их противники. Когда марксисты отстаивают мнение о том, что социализм невозможно осуществить, пока мир не «созрел» для него, так как социальная система никогда не исчезает до тех пор, пока не «разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточный простор», они допускают, по крайней мере сейчас, незамену института частной собственности. Даже большевики, которые еще совсем недавно огнем, мечом и виселицей распространяли свое понимание марксизма (как будто «зрелость» уже достигнута), теперь вынуждены признать, что поспешили.

Однако если условия таковы, что без капитализма и его юридической «суперструктуры» – частной собственности – нельзя обойтись, можно ли говорить об идеологии, которая рассматривает частную собственность как основу общества, что она служит лишь эгоистичным интересам владельцев капитала в ущерб интересам всех остальных?

Считая частную собственность необходимой, антилиберальные идеологии – будь то на время или навсегда – тем не менее полагают, что она должна регулироваться и ограничиваться указами властей и другими актами вмешательства со стороны государства. Они предлагают не либерализм и капитализм, а интервенционизм. Но экономическая наука показала, что система интервенционизма самоубийственна. Она не может достичь тех целей, которых намерены добиваться ее защитники. Следовательно, ошибочно полагать, что помимо социализма (общественной собственности) и капитализма (частной собственности), еще мыслима и может действовать третья система организации социального сотрудничества, т.е. интервенционизм.

Попытки осуществить интервенционизм должны неизбежно привести к условиям, противоречащим намерениям их авторов, которые в этом случае сталкиваются с альтернативой, либо воздержаться от всех актов интервенционизма и тем самым предоставить частную собственность самой себе, либо

заменить частную собственность на социализм. Этот тезис поддерживают не только одни либеральные экономисты.

Конечно, популярная идея о том, что экономисты подразделяются в соответствии с партийными принципами, совершенно ошибочна. Маркс тоже во всех своих теоретических построениях видел одну дилемму – «социализм или капитализм». Он высмеивал и презирал тех реформаторов, которые, находясь в плену своего «мелкобуржуазного мышления», отвергают социализм и, в то же время, надеются переделать капитализм. Экономическая наука никогда даже и не пыталась показать, что система частной собственности, регулируемая и ограничиваемая правительственным вмешательством, была бы осуществима. Когда «катедер-социалисты» любой ценой хотели доказать это, они начинали с отрицания возможности научного знания в области экономики и в конечном итоге заканчивали заявлением о том, что любое деяние государства, разумеется, должно быть рациональным. Поскольку наука показала абсурдность политики, которую они предлагали, они постарались сделать дезавуировать логику и науку.

То же верно и в отношении доказательств возможности и осуществимости социализма. Домарксистские авторы тщетно старались представить эти доказательства. Они не смогли этого сделать, да и не были в состоянии опровергнуть весомые возражения против осуществимости их утопии, основанные на открытиях науки. Казалось, что примерно в середине XIX века от социалистической идеи уже успешно избавились. Но затем явился Маркс. Разумеется, он не представил доказательств того, что социализм осуществим, но просто заявил, что приход социализма неизбежен. Из этого произвольного утверждения и из ложной аксиомы о том, что в человеческой истории все последующее представляет собой прогресс по сравнению с предыдущим, Маркс сделал вывод, что социализм более совершенен, чем капитализм и поэтому, естественно, не может быть никаких сомнений в его осуществимости. Следовательно, совершенно ненаучно утруждать себя вопросом о возможности социалистического общества или даже вообще изучать проблемы такой социальной системы. Тот, кто хотел попробовать сделать это, подвергался социалистами остракизму и отлучался общественным мнением, находившимся под влиянием марксистской доктрины.

Не обращая внимание на все эти трудности, экономическая наука занялась теоретическим конструированием социалистической системы и неопровержимо доказала, что любой вид социализма неработоспособен, так как в социалистическом сообществе экономические расчеты невозможны. Защитники социализма не осмелились ответить на этот довод, если не считать совершенно тривиальных и лишенных значения аргументов. То, что было тео-

ретически доказано наукой, было подтверждено на практике неудачей всех социалистических и интервенционистских экспериментов.

Следовательно утверждать, как это делают многие, что защита капитализма это дело только капиталистов и предпринимателей, особым интересам которых, в противовес интересам других групп, содействует капиталистическая система, – значит, заниматься показной пропагандой, добивающейся своих целей в расчете на отсутствие рассудительности у недумающих людей. У «имущих» – не больше причин для поддержки института частной собственности на средства производства, чем у «неимущих». Если их непосредственные особые интересы ставятся под угрозу, они едва ли останутся последовательными либералами. Представление, что сохранение капитализма – в интересах только имущих классов, поскольку позволяет им навсегда оставаться во владении своим богатством, происходит от непонимания природы капиталистической экономики, в которой собственность постоянно переходит от менее умелого к более умелому. В капиталистическом обществе можно сохранять свое богатство, постоянно приобретая его заново путем правильных инвестиций. У богатых, которые уже владеют богатством, нет никаких особых причин желать сохранения открытой для всех системы свободной конкуренции; особенно если они не заработали богатство сами, а унаследовали его, им приходится скорее опасаться конкуренции, чем надеяться на нее. Как раз напротив, у них есть особая заинтересованность в интервенционизме, который всегда имеет тенденцию сохранять существующее разделение богатства среди тех, кто им владеет. Но они не могут надеяться на какое-либо особое отношение со стороны либерализма – системы, в которой не обращают никакого внимания на освященные веками правила, защищающие интересы сформировавшегося богатства.

Предприниматель может процветать лишь тогда, когда он предоставляет обществу то, что от него требуют. Когда мир охвачен страстью к войне, либерал стремится разьяснить преимущества мира; предприниматель же производит пушки и пулеметы. Если общественное мнение сегодня выступает за вложение капитала в Россию, либерал может попытаться объяснить, что вкладывать капитал в страну, правительство которой открыто объявляет конечной целью своей политики экспроприацию всего капитала, так же разумно, как сбрасывать товары в море. Но предприниматель без колебаний организует поставки России, если только он может перенести риск на кого-то другого, будь то государство или какие-то менее умные капиталисты, одураченные общественным мнением, которое само подкармливается русскими деньгами. Либерал борется против тенденции к торговой автаркии. Однако немецкий фабрикант, строит фабрику в восточной провинции, которая не до-

пускает немецких товаров, чтобы удовлетворить рынок, хотя он и находится под действием покровительственного тарифа. Ясно мыслящие предприниматели и капиталисты могут расценивать последствия антилиберальной политики как губительные для всего общества, но как практические предприниматели и капиталисты они стремятся не противостоять этой политике, а приспособливаться к реальным условиям.

Нет такого класса, который мог бы защищать либерализм во имя своих эгоистических интересов в ущерб всему обществу и другим слоям населения по одной простой причине: либерализм не служит никаким особым интересам. Либерализм не может полагаться на поддержку, которую антилиберальные партии получают от тех, кто, стремясь получить привилегии для себя за счет остальной части общества, связывает себя с этими партиями. Когда либерал предстанет перед избирателями в качестве кандидата на государственную должность и когда те, чьих голосов он добивается, спросят его, что он или его партия намерены сделать лично для них или их группы, он может дать единственный ответ: либерализм служит всем, но он не служит никаким особым интересам.

Быть либералом – это значит осознать, что особые привилегии, данные небольшой группе в ущерб другим, в конечном счете не могут быть сохранены без борьбы (гражданской войны) и что нельзя раздавать привилегии большинству, так как тем самым будет сведена на нет ценность этих привилегий для всех тех, кому они должны принести особые преимущества. Единственным же результатом всего этого станет сокращение производительности общественного труда.

V. Будущее либерализма

Все предшествующие цивилизации погибли или по крайней мере пришли в состояние застоя задолго до того, как они добились того уровня материального развития, которого удалось достичь современной европейской цивилизации. Нации погибали в результате войн с иноземными врагами, а также в ходе междоусобных конфликтов.

Анархия вызывала регресс в разделении труда, в упадок приходили города, торговля и промышленность, а с распадом экономики интеллектуальной и нравственной изысканности приходилось уступить место невежеству и жестокости. Европейцам нынешних дней удалось укрепить социальные связи между людьми и нациями настолько сильно, как этого никогда не было в истории. Это было достижением идеологии либерализма, который с конца XVII века продолжал завоевывать влияние над умами людей. Либерализм и капитализм создали основы, на которых базируются все чудеса нашего современного образа жизни.

Сейчас наша цивилизация начинает ощущать близость смерти. Дилетанты громогласно провозглашают, что все цивилизации, включая и нашу, должны погибнуть: таков безжалостный закон. Пришел последний час Европы, предупреждают эти пророки дня Страшного суда, – и они встречают доверие. Повсюду ощутимо начинает воцаряться упадническое настроение.

Но современная цивилизация не погибнет, если сама не погубит себя. Никакой внешний враг не может ее уничтожить, подобно тому как когда-то испанцы уничтожили цивилизацию ацтеков, ибо никто на земле не может помериться силами со знаменосцами современной цивилизации. Ей могут угрожать только внутренние враги. Она может погибнуть лишь в том случае, если враждебная социальному сотрудничеству антилиберальная идеология вытеснит идеи либерализма.

Понимание того, что материальный прогресс возможен лишь в либеральном, капиталистическом обществе имеет прочные корни. Даже если антилиберал прямо этого и не признает, косвенно он полностью признает это в панегириках, превозносящих идею стабильности и покоя.

Говорят, что материальные достижения последних поколений были, конечно, действительно очень приятными и полезными. Однако теперь пора остановиться. Неистовая суэта и бешеная энергия современного капитализма должны уступить место спокойному созерцанию. Необходимо, чтобы было время для общения с собой и, таким образом, другая экономическая система должна занять место капитализма. Это должна быть такая система, которая не гоняется безустанно за новинками и нововведениями. Романтик ностальгически обращается к экономическим условиям средних веков, не к тому

средневековью, каким оно в действительности было, а к образу, созданному его воображением без какого-либо подобия в исторической реальности. Он так же обращает свой взор на Восток, опять же, конечно, не на реальный Восток, а на грезы своей фантазии. Как счастливы были люди без современной технологии и современной культуры! Как вообще мы могли столь легко-мысленно отказаться от этого рая?

Проповедникам возврата к простым формам экономической организации общества следует иметь в виду, что только современный тип экономической системы дает возможность поддерживать тот образ жизни, к которому мы сегодня привыкли, образ жизни большого числа населяющих сегодня землю людей. Возврат к средним векам означает уничтожение многих сотен миллионов человек. Сторонники стабильности и покоя, правда, говорят, что ни в коем случае не нужно заходить так далеко. Достаточно крепко держаться за то, что уже достигнуто, и отказаться от дальнейшего прогресса.

Те, кто превозносит покой и стабильное равновесие, забывают, что в человеке, коль скоро он - мыслящее существо, заложено врожденное стремление к улучшению своего материального положения. Этот порыв нельзя искоренить, это движущая сила всей человеческой деятельности. Если не давать человеку действовать на благо общества, в то же время обеспечивая удовлетворение своих собственных потребностей, то в таком случае ему останется один выход – делать себя богаче, а других беднее с помощью жестокого угнетения и грабежа своих собратьев.

Верно, что повседневное напряжение и борьба за рост уровня жизни никак не делают людей счастливее. Тем не менее человеку присуща постоянная тяга к улучшению своего материального положения. Если ему отказано в удовлетворении этих чаяний, он становится тупым и грубым. Массы не будут внимать призывам быть скромными и довольными. Возможно, философы занятые подобными увещаниями, тратят свои силы под влиянием серьезного самообмана. Если сказать людям, что их отцам было значительно хуже, они ответят, что они не знают, почему им при всем том не должно быть лучше.

Итак, плохо это или хорошо, получит это одобрение нравственного критика или нет, но люди всегда стремились к улучшению своего положения и всегда будут к этому стремиться. Такова судьба человека. Неугомонность и беспокойство современного человека будоражат ум, нервы и чувства. Сохранить детскую невинность так же нереально, как и вернуть его назад, к пассивности прошедших периодов истории человечества.

Но что же предлагается в обмен на отказ от дальнейшего материального прогресса? Счастье и чувство удовлетворенности, внутренняя гармония и мир не будут созданы просто из-за того, что люди больше не намерены спо-

способствовать росту удовлетворения своих потребностей. Озлобленные чувством обиды образованные люди воображают, что нищета и отсутствие потребностей создают особенно благоприятные условия для развития духовных способностей. Но это полнейшая чушь. При обсуждении этих вопросов следует избегать эвфемизмов и называть вещи своими именами. Современное богатство проявляется прежде всего в культе тела: гигиене, чистоте, спорте. Вся эта роскошь, доступная сегодня пока еще только состоятельным людям, возможно, уже не только в Соединенных Штатах Америки, но где-нибудь еще станет доступной каждому в не таком уж далеком будущем, если экономическое развитие будет происходить прежними темпами. Разве можно рассчитывать, что внутренняя жизнь человека способна каким-либо образом развиваться, будучи отстраненной от достижений того уровня физической культуры, которым уже наслаждаются обеспеченные люди? Разве можно найти счастье в неопрятном теле?

Тем же, кто превозносит средние века, можно лишь ответить, что мы не знаем, чувствовал ли себя средневековый человек счастливее, чем современный. Тех же, кто предлагает нам в качестве примера образ жизни Востока, мы имеем право спросить, действительно ли Азия представляет собой тот рай, который они так описывают.

Грубое восхваление застойной экономики как социального идеала – это последний аргумент, к которому противники либерализма вынуждены прибегнуть, чтобы оправдать свои доктрины. Но не будем забывать, что отправным моментом их критики является обвинение либерализма и капитализма в том, что они якобы препятствуют развитию производительных сил и тем самым несут ответственность за нищету масс. Противники либерализма полагают, что то, к чему они стремятся, является социальной системой, способной создать больше богатства, чем та, на которую они нападают. Теперь же, прижатые к стене контрнаступлением экономической науки и социологии, противники либерализма вынуждены признать, что только капитализм и либерализм, только частная собственность и беспрепятственная деятельность предпринимателей могут гарантировать наивысшую производительность труда.

Часто утверждают, что сегодняшние политические партии разделены глубинным противоречием их конечных философских позиций, которое не может быть урегулировано с помощью разумных доводов. Обсуждение этих антагонизмов не может не оказаться бесполезным. Каждая сторона останется непоколебимой в своем убеждении, потому что это убеждение базируется на мировоззрении, которое не может быть изменено никакими доводами разума. Конечные цели, к которым стремятся люди, различны. Отсюда, совершенно

не может быть и речи о том, чтобы люди, стремящиеся к этим различным целям, могли бы согласиться на единый образ действий.

Ничто не является более абсурдным, чем такого рода суждение. За исключением нескольких стойких аскетов, которые стремятся лишиться жизнь всех ее внешних украшений и которым в конце концов удастся достичь состояния полного бесчувствия и бездействия, т.е., по сути, состояния самоуничтожения, все люди белой расы, как бы не были различны их взгляды по трансцендентным вопросам, предпочитают социальную систему, при которой труд является сравнительно более производительным. Даже те, кто полагает, что все возрастающее удовлетворение человеческих нужд не приносит пользы и было бы лучше, если бы мы производили меньше материальных товаров (хотя сомнительно, что число искренне придерживающихся этого мнения очень велико), не пожелали бы, чтобы тот же объем труда был вложен в производство меньшего объема товаров.

По крайней мере, они пожелали бы, чтобы было меньше труда и, следовательно, меньше производства, а не так, чтобы тот же объем труда производил меньше материальных благ.

Сегодняшние политические антагонизмы не являются спорами по поводу основных вопросов философии, а являются противоречивыми ответами на вопрос, как наиболее быстро и с наименьшими потерями достичь цели, которую все признают законной. Эта цель, к которой стремятся все люди, есть наилучшее удовлетворение человеческих потребностей, это процветание и изобилие. Конечно, это не все, к чему стремятся люди, но это все, чего они могут достичь с помощью материальных средств и социального сотрудничества. Внутренние блага – счастье, спокойствие духа, восторг – каждый человек должен искать только в самом себе.

Либерализм – это не религия, не мировоззрение, не партия особых интересов. Либерализм – не религия, потому что не требует веры, в нем нет ничего мистического и у него нет догм. Это не мировоззрение, потому что он не пытается объяснить природу Вселенной и ничего не говорит и не стремится сказать о значении и цели человеческого бытия. Либерализм – это не партия особых интересов, потому что он не предоставляет и не стремится предоставить какие-либо особые преимущества человеку или группе. Это нечто совсем другое. Это идеология, учение о взаимосвязях членов общества и в то же время применение этого учения к поведению человека в данном обществе.

Он не обещает ничего, что превышает возможности общества и не может быть сделано без помощи общества. Либерализм стремится дать людям лишь одно – мирное, спокойное развитие материального благосостояния для

всех, чтобы тем самым защитить их от внешних причин боли и страданий, коль скоро эта задача вообще входит в компетенцию социальных институтов. Уменьшение страданий и увеличение счастья – вот цели либерализма.

Ни одна секта и ни одна политическая партия не думали, что они могли бы отказаться от продолжения своего дела путем обращения к разуму человека.

Риторическая напыщенность, гром музыки и песен, развевающиеся флаги, цветы и знамена служат в качестве символов, а лидеры стремятся расположить публику к своей собственной персоне. Либерализм не имеет с этим ничего общего. У него нет ни партийного цветка, ни партийного знамени, ни партийной песни, ни партийных идолов, ни символов, ни лозунгов. У него есть суть и доводы. Они и должны привести его к победе.

Приложения

1. О литературе по либерализму

2. О термине «либерализм»

1. О литературе по либерализму

Мне не хотелось, чтобы эта книга стала слишком длинной. Это тем более оправданно, поскольку я досконально проанализировал все основные проблемы либерализма в серии исчерпывающих книг и статей.

Читателю, который желает ближе познакомиться с этими вопросами, я предлагаю следующий список наиболее важных книг. Либеральные идеи уже можно встретить в работах авторов XVIII века. Великие английские и шотландские мыслители XVIII и начала XIX веков были первыми, кто оформил эти идеи в систему. Тот, кто хочет познакомиться с либеральной мыслью, может обратиться к следующим работам:

- Давид Юм (David Hume) – «*Essays Moral, Political, and Literary*» (1741 и 1742 гг.);
- Адам Смит (Adam Smith) – «*An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*» (1776) – «Исследование о природе и причинах богатства народов». (М.: Наука. 1982. Том 1).

Но особенно многочисленны работы Иеремии Бентама, начиная с «*Defence of Usury*» (1787), вплоть до «*Deontology, or the Science of Morality*», опубликованную после его смерти в 1834 году. Все его работы, за исключением «*Deontology*», были опубликованы в полном собрании сочинений в издательстве Bowring в период между 1838 и 1843 годами. Джон Стюарт Милль является эпигоном классического либерализма, но особенно в последние годы жизни (под влиянием своей жены) он пошел на жалкие компромиссы. Милль медленно сползал к социализму, и именно он стал создателем бездумной смеси либеральных и социалистических идей, которая привела к упадку английского либерализма и подорвал жизненный уровень английского народа. Несмотря на это или, возможно, именно по этой причине необходимо ознакомиться с основными работами Милля:

- «*Principles of Political Economy*» (1848);
- «*On Liberty*» (1859);
- «*Utilitarianism*» (1862).

Без тщательного изучения Милля невозможно понять события последних двух поколений. Милль – великий защитник социализма. Все доводы, которые можно было бы привести в защиту социализма, разработаны им с нежной заботой. По сравнению с Миллем все другие социалистические авто-

ры – даже Маркс, Энгельс и Лассаль – едва ли вообще заслуживают внимания.

Нельзя понять либерализм без знания экономической науки. Либерализм – это прикладная экономика, это социальная и политическая стратегия, основанная на научном фундаменте.

Помимо упомянутых авторов, необходимо познакомиться с другим великим мастером классической экономики:

- Давид Рикардо (David Ricardo) – «*Principles of Political Economy and Taxation*» (1817).

Наилучшим вступлением к изучению современной научной экономики являются:

- Г. Освальт (H. Oswald) – «*Vortrage uber wirtschaftliche Grundbegriffe*» (ряд изданий);

- С.А. Веррийн Стюарт (C. A. Verriijn Stuart) – «*Die Grundlagen der Volkswirtschaft*» (1923).

Немецкими шедеврами современной экономики являются:

- Карл Менгер (Carl Menger) – «*Grundsätze der Volkswirtschaftslehre*» (первое издание, 1871 г.). Английский перевод первой части этой работы стал доступным под названием «*Principles of Economics*» (Glencoe, Ill., 1950).

- Евгений фон Бем-Баверк (Eugen von Bohm-Bawerk) – «*The Positive Theory of Capital*» (New York, 1923). Также поучительна его работа «*Karl Marx and the Close of His System*» (New York, 1949).

Наиболее важные вклады, которые Германия внесла в либеральную литературу, постигла такая же неудача, как и сам немецкий либерализм. Работа Вильгельма фон Гумбольдта (Wilhelm von Humboldt) «*On the Sphere and Duties of Government*» (Лондон, 1954) была завершена в 1792 году. В том же году Шиллер опубликовал отрывок в «*Neuen Thalia*», другие выдержки появились в «*Berliner Monatsschrift*». Однако поскольку издатель Гумбольдта опасался выпускать книгу, она была на какое-то время забыта, и только после смерти автора ее обнаружили и опубликовали.

Работа Германа Генриха Госсена (Hermann Heinrich Gossen) «*Entwicklung der Gesetze des menschlichen Verkehrs und der daraus fließenden Regeln für menschliches Handeln*», разумеется, нашла издателя, но она в 1854 году не привлекла читателей. Работа и ее автор оставались забытыми до тех пор, пока англичанин Адамсон не натолкнулся случайно на экземпляр этой книги.

Либеральное мышление пронизывает немецкую классическую поэзию и прежде всего работы Гете и Шиллера.

История политического либерализма в Германии коротка и отмечена скромным успехом. Современная Германия, где соседствуют защитники и противники Веймарской конституции, – это мир, далекий от духа либерализма. Люди в Германии больше не знают, что такое либерализм, но они знают, как его ругать. Ненависть к либерализму – единственное, что объединяет немцев. Из новейших немецких трудов по либерализму следует указать работы Леопольда фон Визе (Leopold von Wiese)

- «*Der Liberalismus in Vergangenheit und Zukunft*» (1917) и
- «*Staatssozialismus*» (1916) и
- «*Freie Wirtschaft*» (1918).

Дуновение либерального ветра едва ли когда-либо достигало народов Восточной Европы.

Хотя либеральная мысль находится в упадке даже в Западной Европе и Соединенных Штатах, эти нации все же можно назвать либеральными по сравнению с немцами.

Из более ранних либеральных авторов следует прочитать работу Фредерика Бастиа (Frederic Bastiat) «*Oevres Completes*» (Париж, 1855). Бастиа был прекрасным стилистом, так что чтение его работ доставляет истинное удовольствие. Учитывая огромный прогресс, который проделала экономическая теория после его смерти, не удивительно, что его учение сегодня устарело. Тем не менее его критика всех протекционистских и связанных с ними тенденций еще никем не превзойдена. Протекционисты и интервенционисты не смогли уместно и объективно возразить. Они лишь повторяли: Бастиа – «поверхностный».

Читая недавнюю политическую литературу на английском языке, не следует забывать, что сегодня в Англии слово «либерализм» часто понимают как определение умеренного социализма. Сжатое представление о либерализме дается в работах англичанина Л. Т. Хобхауза (L. T. Hobhouse) «*Liberalism*» (1911) и американца Джэкоба Х. Холландера (Jacob H. Hollander) «*Economic Liberalism*» (1925). Для лучшего знакомства с мыслью английских либералов стоит прочитать: Хартли Уитерс (Hartley Withers) «*The Case for Capitalism*» (1920), Эрнст Дж. П. Бенн (Ernest J. P. Benn) «*The Confessions of a Capitalist*» (1925), «*If I Were a Labor Leader*» (1926) и «*The Letters of an Individualist*» (1927). Последняя включает библиографию английской литературы по основным проблемам экономической системы, а также его же «*The Return to Laisser Faire*» (Лондон, 1928).

Критика протекционистской политики интересно представлена в работе Фрэнсиса В. Херста (Francis W. Hirst) «*Safeguarding and Protection*» (1926).

Также поучительной является запись публичной дискуссии, состоявшейся 28 января 1921 года в Нью-Йорке, между Е. Р. А. Селигменном (E. R. A. Seligmann) и Скоттом Ниарингом (Scott Nearing) на тему: «Что может капитализм предложить рабочим Соединенных Штатов в сравнении с социализмом».

Вступление к социологической теории предлагают Жан Изуле (Jean Izoulet) «*La cite moderne*» (первое издание, 1890) и Р. М. Макайвер (R. M. MacIver) «*Community*» (1924).

История экономических идей представлена в работах Шарля Гиде (Charles Gide) и Шарля Риста (Charles Rist) «*Histoire des doctrines economiques*» (ряд изданий), Альберта Шатца (Albert Schatz) «*L'individualisme economique et social*» (1907) и Пауля Барта (Paul Barth) «*Die Philosophie der Geschichte als Soziologie*» (ряд изданий).

Роль политических партий рассматривает Вальтер Сульцбах (Walter Sulzbach) в работе «*Die Grundlagen der politischen Parteibildung*» (1921).

Работа Оскара Клайн-Хаттингена (Oscar Klein-Hattingen) «*Geschichte des deutschen Liberalismus*» (1911–1912, два тома) представляет собой очерк по истории немецкого либерализма, а Гвидо ди Руджеро (Guido de Ruggiero) написал о либерализме в Европе «*The History of European Liberalism*» (Оксфорд, 1927).

Наконец я привожу свои труды, так как они непосредственно близки к проблемам либерализма:

- «*Nation, Staat und Wirtschaft: Beitrage zur Politik und Geschichte der Zeit*» (1919), на английском языке (1983);
- «*Antimarxismus*» (Weltwirtschaftliches Archiv, Vol. XXI, 1925);
- «*Kritik des Interventionismus*» (1929), на английском языке (1977);
- «*Socialism*» (1936), Мизес Л. *Социализм. Экономический и социологический анализ*. М.: «Catallaxy», 1994;
- «*Planned Chaos*» (1951). «*Omnipotent Government*» (1944). «*Human Action*» (1949). «*The Anti-Capitalistic Mentality*» (1956), Мизес Л. *Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность*. М.: «Catallaxy». Дело. 1993.

2. О термине «либерализм»

Те, кто знаком с работами о либерализме, появившимися за последние несколько лет, и с нынешним употреблением этого понятия, будут, возможно, возражать: то, что в этой книге названо либерализмом, не совпадает с тем, что обозначается этим термином в современной политической литературе. Я далек от того, чтобы оспаривать это. Напротив! Я сам четко указал: то,

что понимается под термином «либерализм» сегодня, особенно в Германии, противоположно тому, что история идей должна называть «либерализмом», который стал основным содержанием либеральной программы XVIII и XIX веков. Почти все, кто называет себя «либералами», сегодня отказываются открыто выступить за частную собственность на средства производства и отстаивают меры частично социалистического, частично интервенционистского характера. Они стремятся оправдать это тем, что суть либерализма заключается не в приверженности институту частной собственности, а в таком дальнейшем развитии либерализма, когда он больше не отстаивает частную собственность на средства производства, а, напротив, – социализм или интервенционизм.

Этим псевдолибералам еще предстоит просветить нас в отношении того, каким будет это «дальнейшее развитие» либерализма». Мы много слышим о гуманности, великодушии, настоящей свободе и так далее. Это, конечно, прекрасные и благородные чувства, и каждый с готовностью согласится с ними. И по сути дела, любая идеология присоединяется к ним. Любая идеология, за исключением нескольких циничных теоретических школ, полагает, что она борется за гуманность, великодушие, настоящую свободу и т.д. Одно социальное учение отличает от другого не конечная цель – всеобщее человеческое счастье, к которому все они стремятся, – а методы достижения этой цели. Либерализм предлагает достичь ее с помощью частной собственности на средства производства.

Но в конце концов терминологические вопросы имеют второстепенное значение. Важно не название, а предмет, который оно обозначает. Каким бы фанатичным не было чье-то неприятие частной собственности, все же следует допускать хотя бы возможность того, что кто-то может выступать за нее. А если допустить это, тогда, конечно, придется дать этой теоретической школе какое-то название. Нужно спросить тех, кто сегодня называет себя либералами, как они назвали бы идеологию, которая выступает за сохранение частной собственности на средства производства. Они, возможно, ответят, что хотят назвать ее «манчестеризмом». Слово «манчестеризм» первоначально означало насмешку и даже брань. Тем не менее это не помешало бы его применению для обозначения либеральной идеологии, если бы не тот факт, что это выражение до сих пор всегда использовалось для обозначения скорее экономической, чем общей программы либерализма.

Теоретической школе, защищающей частную собственность на средства производства, в любом случае должно быть предоставлено право иметь свое название. Но лучше придерживаться традиционного. Из-за этого создастся путаница. И если следовать новому употреблению термина, то даже протек-

ционисты, социалисты и поджигатели войны могут называть себя «либералами», когда это им выгодно.

Скорее можно было бы предложить в интересах облегчения распространения либеральных идей не давать идеологии либерализма нового названия, чтобы ему не мешало всеобщее предубеждение, возвращенное против него, особенно в Германии. Такое предложение имело бы благие намерения, но было бы полностью противоположно духу либерализма. Так же как либерализм должен в силу внутренней необходимости избегать любых пропагандистских трюков и закулисных средств завоевания всеобщего одобрения, к которым благоволят другие движения, так же не должен он и отказываться от своего старого имени лишь потому, что оно непопулярно. Именно потому, что слово «либерал» имеет негативное дополнительное значение в Германии, либерализм должен за него держаться. Нельзя для всех сделать легким путь к либеральному мышлению, ибо важно не то, что люди объявляют себя либералами, а то, что они становятся либералами и думают и действуют как либералы.

Второе возражение, которое можно выдвинуть против терминологии, используемой в этой книге, заключается в том, что либерализм и демократия здесь не представляются как противоположные понятия. Сегодня в Германии к «либерализму» часто обращаются для обозначения учения, политический идеал которого – конституционная монархия, а в качестве политического идеала «демократии» понимается парламентская монархия республиканского толка. Эта точка зрения исторически абсолютно несостоятельна. Именно за парламентскую, а не за конституционную монархию и боролся либерализм, и его поражение в этом плане и состояло именно в том факте, что в Германской империи и в Австрии он смог достигнуть лишь уровня конституционной монархии. Торжество антилиберализма кроется в слабости германского рейхстага, – его, хотя и невежливо, но точно, можно было бы охарактеризовать как «клуб болтунов». Верно отметил как-то лидер консервативной партии: для роспуска рейхстага было бы достаточно одного лейтенанта и дюжины человек.

Либерализм – наиболее всеобъемлющая концепция. Он означает идеологию, охватывающую всю социальную жизнь. Идеология демократии охватывает лишь часть сферы социальных отношений, которая относится к структуре государства. Причина, по которой либерализм должен обязательно добиваться демократии как своего политического следствия, была показана в первой части этой книги. Показать, почему все антилиберальные движения, включая социализм, должны также быть и антидемократическими, – задача исследований, предпринимаемых для тщательного анализа характера этих

идеологий. Что касается социализма, то я предпринял эту попытку в своей книге под таким же заглавием.

Здесь немцу легко запутаться, так как он всегда думает о национал-либералах и социал-демократах. Но национал-либералы изначально, по крайней мере в вопросах конституционного права, не были либеральной партией. Они были крылом старой либеральной партии, которая призналась в том, что стоит на позиции «фактов, какие есть в действительности». Представители этого крыла расценили поражение, нанесенное либерализму в прусском конституционном конфликте «правыми» (Бисмарк) и «левыми» (последователи Лассаля) противниками как окончательное. Социал-демократы были демократичными до тех пор, пока не стали правящей партией, т. е. пока они не чувствовали себя достаточно сильными для подавления своих противников с помощью силы. В тот момент, когда они посчитали себя сильнейшими, они – что, как утверждали их авторы, желательно именно в такой момент, – высказались за диктатуру. И только тогда, когда вооруженные банды правых партий нанесли им кровавые поражения, они вновь стали демократическими «до особого распоряжения». Их партийные авторы выразили это следующим образом «В советах социал-демократических партий крыло, высказавшееся за демократию, восторжествовало над тем крылом, которое выступало за диктатуру».

Конечно, единственной партией, которую можно охарактеризовать как действительно демократическую, является та партия, которая при любых обстоятельствах, даже если она сильнейшая и находится у власти, борется за демократические институты.